

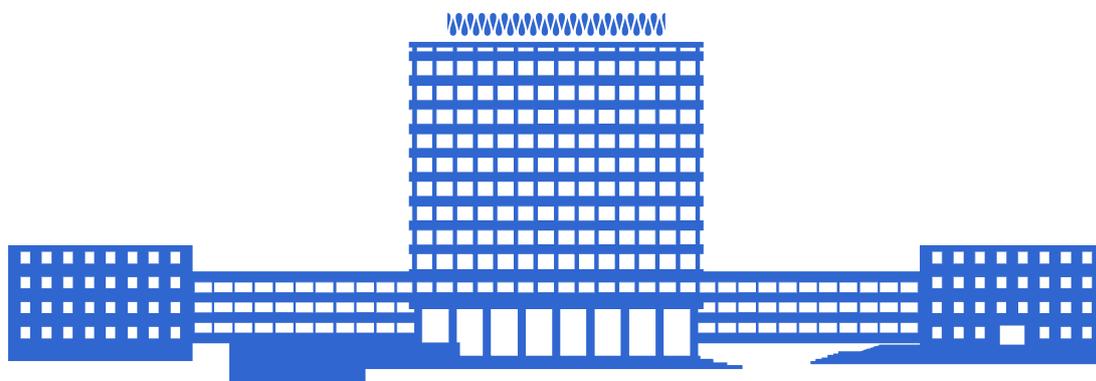
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 20 Выпуск 2 (64) 2024

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2024. – Т. 20. – Вып. 2 (64). – 130 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 11 от 1 октября 2024 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 20 Выпуск 2 (64) 2024

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Е. С. Сысоева (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2024

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 20 Issue 2 (64) 2024

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. Ye. S. Sysoeva (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica T. 20, Вып. 2 (64), 2024

Германские языки

- Бессонова О. Л., Трутень Е. А.* Ономастика малой прозы Д. Г. Лоуренса..... 5
- Савченко В. И.* Немецкоязычные фразеологические единицы с компонентом *Adam* (на материале немецких СМИ)..... 17
- Ус Ю. Н.* Вторичная номинация цветообозначения *blau* ‘голубой, синий’ в немецком языке (диахронический аспект)..... 25

Романские языки

- Алферов А. В., Попова Г. Е., Тамразова И. Г., Курашенко И. Р.* Имманентные единицы анализа парламентского дискурса: на материале исследований европейской политической делиберации (2014-2022 гг.)..... 34
- Белых А. Я., Глоба Т. Н.* Синтаксические концепты как лингвокогнитивные репрезентанты французского парадоксального модуса повествования..... 44

Типологические и сопоставительные исследования

- Ветрова Э. С.* Аксиологический компонент в семантике этикетных формул приветствия в лезгинском и украинском языках..... 59
- Махненко И. А.* Семантический потенциал прилагательного ‘длинный’ в английском, немецком и русском языках..... 73

Перевод

- Алимпиева Е. В.* Закономерности перевода русской акционально окрашенной глагольной лексики на немецкий язык (на материале художественной прозы)..... 81
- Бутусова А. С., Гусева А. С.* Переводческий анализ использования русских ксенонимов в немецком языке (на материале русских фольклорных сказок)..... 94

Портрет учёного

- Калиущенко В. Д., Ягунова Л. Н.* Жизнь в науке: К юбилею доктора филологических наук, профессора Шамиля Рафаиловича Басырова..... 108

C O N T E N T S

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 20, Issue 2 (64), 2024

Studies in Germanic Languages

- Bessonova O. L., Truten E. A.* Onomastics of Short Stories by D. H. Lawrence..... 5
- Savchenko V. I.* German Phraseological Units with Component *Adam* (Based on German Massmedia)..... 17
- Us Yu. N.* Secondary Nomination of the Colour Designation *blau* ‘blue’ in German (Diachronic Aspect)..... 25

Studies in Romance Languages

- Alferov A. V., Popova G. E., Tamrasova I. G., Kurashenko I. R.* Immanent Units of Analysis of Parliamentary Discourse Based on Research on European Political Deliberation (2014-2022) 34
- Belykh A. Ya., Globa T. N.* Syntactic Concepts as Linguocognitive Representatives of the French Paradoxical Mode of Narration..... 44

Typological and Contrastive Studies

- Vetrova E. S.* Axiological Component in the Semantics of Etiquette Greeting Formulas in Lezgian and Ukrainian..... 59
- Makhnenko I. A.* Semantic Potential of the Adjective ‘Long’ in English, German and Russian 73

Translation

- Alimpiyeva E. V.* Translation Regularities Observed when Rendering Russian Action Verbs into German (Based on Fiction)..... 81
- Butusova A. S., Guseva A. S.* Translation Analysis of Russian Xenonyms in German (Based on Russian Folktales)..... 94

Scholar’s Portrait

- Kaliuščenko V. D., Yagupova L. N.* Life in Research: Celebrating the Anniversary of Doctor of Philology, Professor Shamil Rafailovich Basyrov..... 108

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111'38

© 2024 О. Л. Бессонова, Е. А. Трутень

ОНОМАСТИКА МАЛОЙ ПРОЗЫ Д. Г. ЛОУРЕНСА

В данной статье анализируются особенности функционирования имён собственных в малой прозе английского писателя Д. Г. Лоуренса. Предложена классификация разрядов имен собственных, описана роль антропонимов, топонимов, хрононимов, мифонимов и урбанонимов в идиостиле писателя. Исследование подчеркивает необходимость всестороннего изучения роли имен собственных в индивидуальном художественном стиле Д. Г. Лоуренса, а также их значимость в отображении материально-духовной культуры британского общества.

Ключевые слова: имя собственное, ономастика, идиостиль, малая проза, классификация, функция.

© 2024 O. L. Bessonova, E. A. Truten

ONOMASTICS OF SHORT STORIES BY D. H. LAWRENCE

This article addresses functioning of proper names in the short prose of the British writer D. H. Lawrence. Different classes of proper names, such as anthroponyms, toponyms, chrononyms, mythonyms, and urbanonyms have been singled out, with their role in the writer's individual style being considered. The need for a comprehensive study of proper names as an integral part of Lawrence's artistic style and a reflection of the material and spiritual culture of British society has been brought into the open.

Key words: proper name, onomastics, individual style, short stories, classification, function.

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена анализу роли и особенностей функционирования собственных имен в малой прозе знаменитого британского писателя Д. Г. Лоуренса. В фокусе внимания такие ономастические единицы, как *John Milton* 'Джон Мильтон' из рассказа Д. Г. Лоуренса «Daughters of the Vicar» (Lawrence, 1911): (1) *But he cared no more about John Wesley, in fact, than about John Milton, of whom he had never heard* [Lawrence, 1983: 77]. В данном примере анализируемый антропоним выполняет в тексте эстетическую функцию, создает контраст и транслирует определенный культурный фон. Ещё одним примером единиц исследования может служить имя собственное *the Franco-Prussian war* 'Франко-Прусская война' из рассказа Д. Г. Лоуренса «The Thorn in the Flesh» (Lawrence, 1914): (2) *His right hand had been shot in the Franco-Prussian war, and now, as always when he was much agitated, he shook it down at his side, as if it hurt* [Lawrence, 1983: 48]. В примере (2) хрононим *the Franco-Prussian war* 'Франко-Прусская война'

выполняет хронотопическую функцию, уточняя, в каком историческом или временном периоде происходит действие рассказа.

На протяжении всей истории человечества имена собственные (ИС) играли важную роль в жизни общества. Являясь отражением исторического развития, они свидетельствуют об изменениях в языке и культуре на протяжении веков. Каждое ИС представляет собой уникальный элемент ономастической системы, возникший в определенный период времени и несущий в себе ценную информацию о менталитете, традициях и ценностях народа. ИС отражают особенности этнолингвистической культуры, традиции, мировоззрение народа, а также могут быть благозвучными и выразительными, что делает их элементом языкового искусства. Изучение сложного процесса и результатов ономастической номинации позволяет проследить эволюцию и закономерности развития языка, понять глубинные связи между языком и культурой.

Анализу различных аспектов имен собственных посвящены работы таких исследователей, как Р. А. Агеева, Э. М. Мурзаев [Агеева, Мурзаев, 2020], О. А. Барышевская [Барышевская, 2022], О. Л. Бессонова, М. И. Кравченко [Бессонова, Кравченко, 2023], В. Д. Бондалетов [Бондалетов, 2016], О. В. Врублевская [Врублевская, 2022], М. В. Голомидова [Голомидова, 2020], Е. А. Казнина [Казнина, 2022], В. М. Калинин [Калинкин, 1999], Е. Ф. Косиченко [Косиченко, 2024], О. А. Леонович [Леонович, 2020], Е. С. Отин [Отин, 2004], А. В. Суперанская [Суперанская, 2023], Н. В. Усова [Усова, 2018], E. Pulgram [Pulgram, 2019], W. Van Langendonck [van Langendonck, 2007] и др.

Актуальность данной статьи обусловлена обращением авторов к рассмотрению способов взаимодействия языка и культуры. Имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Декодирование и интерпретация сложной системы, существующей внутри художественного произведения, возможны с помощью анализа в том числе его ономастикона, его культуроносных смыслов.

В качестве **объекта** исследования выступает ономастическое пространство малой прозы Дэвида Герберта Лоуренса. **Предметом** исследования являются семантические и функциональные особенности имен собственных, реализуемых в малой прозе Д. Г. Лоуренса. **Цель** данной работы заключается в установлении и описании семантических и функциональных особенностей имен собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса.

2. Методологическая основа и материал исследования

Исследование проведено на материале таких рассказов Д. Г. Лоуренса, как «The Prussian Officer», «Blind Man», «The Thorn in the Flesh», «Twilight in Italy», «Daughters

of the Vicar», «The Primrose Path», «The Rocking-Horse Winner», «England, My England», «Wintry Peacock», «Odour of Chrysanthemums», «Samson and Delilah», «Monkey Nuts», «The Overtone», «A Sick Collier», «The White Stocking», «The Princess», «Second Best», «Fanny and Anny», «Tickets, Please». Количество отобранных методом сплошной выборки онимов составляет 465 единиц. В ходе анализа использованы такие лингвистические методы: метод семантического анализа, позволивший установить связи между именами и концептами, которые эти имена собственные представляют; метод лингвокультурологического анализа, использованный для определения специфики исследуемых имен собственных как особых культурных знаков, отображающих ценности и особенности английской культуры; метод контекстуального анализа, в результате которого установлены стилистические особенности имен собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса.

Стоит отметить, что совокупность собственных имен и названий в языке и науке называется ономастикомом, а классификация ономастикона является фундаментальным аспектом, необходимым для глубокого осмысления и комплексного анализа художественного произведения. В современной ономастике оптимальное структурирование ономастического пространства предложено А. В. Суперанской [Суперанская, 2023]. В ходе исследования имена собственные малой прозы Д. Г. Лоуренса, в соответствии с классификацией, предложенной А. В. Суперанской, были распределены на следующие группы:

- 1) антропонимы – личные имена людей;
- 2) топонимы – наименования населенных пунктов и топографических объектов;
- 3) хрононимы – наименование исторически значимых отрезков времени;
- 4) мифонимы – имена любой сферы ономастического пространства в мифах, эпopeях, сказках, былинах;
- 5) урбанонимы – названия предприятий, учреждений, улиц;

Таким образом, деление имен собственных на группы необходимо потому, что все ономастическое пространство требует упорядочивания и унификации.

В ходе анализа функциональных особенностей ИС была использована классификация, включающая следующие функции:

- 1) номинативную, позволяющую идентифицировать и индивидуализировать персонажей;
- 2) характеризующую, выделяющую отличительные черты героев рассказов;
- 3) эмотивную, призванную воздействовать на читателя на эмоциональном уровне и влиять на формирование мнения о персонажах;

- 4) хронотопическую, указывающую на место и время действия событий рассказа;
- 5) эстетическую, позволяющую писателю косвенно выражать собственные эстетические вкусы и представления о прекрасном, а также создавать аллегории и аллюзии.

3. Основные результаты исследования

3.1. Классификация имён собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса

Проведенный анализ ономастического пространства малой прозы Д. Г. Лоуренса позволил установить, что разнообразие имен собственных – это часть авторской стратегии писателя, которая заключается в его стремлении создать многослойный и многозначный текст, а также придать своему произведению глубокую лингвокультурную значимость.

3.1.1. В ходе проводимого исследования разрядов имен собственных в малой художественной прозе Д. Г. Лоуренса было установлено, что преобладающей группой являются **антропонимы** (220 единиц, 43%). Рассказы автора насыщены символическими идеями, которые выражены через антропонимику. Имена персонажей выступают не просто номинативными единицами, но и служат ключом к пониманию и раскрытию глубинных смыслов текста. Анализ антропонимического кода позволяет проникнуть в многослойную структуру произведений, уловить тончайшие нюансы авторского замысла и открыть новые грани восприятия его творческого мира.

Например, в рассказе «The Rocking-Horse Winner» антропонимы обладают глубокой смысловой нагрузкой, которая важна для понимания общего сюжета произведения. Имя главного героя *Paul* ‘Пол’ характеризуется библейскими ассоциациями с апостолом Павлом (Paul), который известен своей жертвенностью и который сыграл ключевую роль в проповедовании Христианства: (3) *Paul, at the other's suggestion, handed over five thousand pounds to his uncle* [Lawrence, 2004: 25]. В данном контексте, Пол будто жертвует частью себя, своего таланта и будущего, ведь эти деньги он заработал своими усилиями, но готов пожертвовать их ради иллюзорного чувства любви и одобрения со стороны семьи. Имя матери Пола *Hester* ‘Эстер’ указывает на ее порочность и жадность по отношению к материальным ценностям: (4) *My God, Hester, you're eighty-odd thousand to the good, and a poor devil of a son to the bad. But, poor devil, poor devil, he's best gone out of a life where he rides his rocking-horse to find a winner* [Lawrence, 2004: 40]. В этом предложении ярко выражена жадность Эстер. Она достигла финансового богатства, но при этом потеряла самое ценное – своего сына. Это подчёркивает её материальные приоритеты и трагическую ошибку в определении жизненных ценностей.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что антропонимы в рассказах Д. Г. Лоуренса являются важной характеристикой его индивидуального художественного

стиля. Они служат инструментом создания многогранных образов персонажей, способствуют раскрытию темы и идеи произведения, формируют уникальную атмосферу. Корректное декодирование культурного значения антропонимов в произведениях Лоуренса позволяет глубже понять его творческий метод и замысел.

3.1.2. Топонимы. В результате исследования малой прозы Д. Г. Лоуренса было установлено, что топонимы активно используются автором для создания атмосферы произведений, передачи культурных нюансов особенностей местности. Их количество составляет 120 единиц (32%). Рассказ «England, My England» – одно из самых значимых произведений в малой прозе писателя, в котором он мастерски использует топонимы для создания многогранного образа Англии и передачи особенностей английской самобытности. Он описывает такие города, как *Hampshire* ‘Хэмпшир’ и *Crockham* ‘Крокхэм’, погружая читателя в атмосферу сельской жизни Англии: (5) *He had bought this fair stretch of inexpensive land, down in Hampshire. They spent most of their time down at Crockham, because he wanted to be there* [Lawrence, 1990b: 13]. Оба топонима играют ключевую роль в создании атмосферы и раскрытии тем произведения. *Hampshire* и *Crockham* помогают подчеркнуть идеи о связи с Родиной, поиске своего места в мире и стремлении к личному и семейному счастью. Они служат фоном для развития сюжета, где герои ищут смысл и удовлетворение в простой сельской жизни. Исследование топонимов в малой прозе Д. Г. Лоуренса позволило установить, что топонимы используются автором с целью построения хронотопа произведения, а также воссоздания аутентичной атмосферы. Они указывают на конкретные локации, добавляя реализм действию и узнаваемость атмосфере, в которой разворачивается сюжет произведения.

3.1.3. Хрононимы также активно участвуют в построении хронотопа произведения и насчитывают 50 единиц (10%). Приведем пример из рассказа Д. Г. Лоуренса «Wintry Reasock», который посвящен проблеме взаимоотношения людей в условиях военного времени. Несмотря на то, что центральной темой многих рассказов писателя является именно Первая Мировая Война, в них также можно встретить упоминания других военных конфликтов, в которых принимала участие Британская Империя: (6) *Oh, he thought he'd like the life. He'd been through the South African War. No, he was sick of it, fed up* [Lawrence, 1990b: 31]. В данном контексте хрононим *South African War* ‘Южно-Африканская Война’ представляет собой период британской колониальной экспансии и связанных с ней человеческих жертв. Опыт участия главного героя в Южно-Африканской войне не раскрывается подробно, но он связан с его чувствами «надоело» и «сыт по горло». Это свидетельствует о том, что война оказала длительное негативное влияние на

его психику. Хрононимы в малой прозе Д. Г. Лоуренса служат фоном, на котором формируются переживания и взгляды персонажей, отражая более широкие общественные темы и влияние исторических событий на личную жизнь героев. Лингвокультурная составляющая обогащает повествование, предлагая более глубокое понимание персонажей и эпохи, в которой они живут.

3.1.4. Мифонимы (45 единиц, 8%) в малой прозе Д. Г. Лоуренса позволяют автору создавать аллегории, раскрывая актуальные проблемы и идеи через призму мифологии и преданий. Рассказ «The Overtone» содержит множество упоминаний из древнегреческой мифологии: (7) *It is not true-the surplices have grown into their limbs, like Hercules's garment* [Lawrence, 1990a: 72]. В примере (7) Лоуренс сравнивает одеяния священнослужителей с одеждой Геркулеса, намекая на бремя, которое несут служители церкви, отмаливая грехи прихожан. Также, в этом рассказе можно встретить упоминание ещё одного мифического героя Диониса: (8) *And when I run wild on the hills, with Dionysus, and shall come home like a bee that has rolled in floury crocuses* [Lawrence, 1990a: 74]. Рассуждая о человеческих пороках, Д. Г. Лоуренс создает аллессию с Дионисом – богом вина и праздника, изображая ограничения персонажей, которые связаны определенными общественными нормами. Таким образом, анализ мифонимов в малой прозе Д. Г. Лоуренса показывает, что автор с их помощью освещает внутренние и внешние конфликты персонажей, вплетая историю в более широкие культурные и мифологические рамки.

3.1.5. Урбанонимы (30 единиц, 7%) редко встречаются в малой прозе Д. Г. Лоуренса, но служат важным инструментом для передачи не только географической информации, но и атмосферы, в которой разворачивается действие. Рассмотрим особенности употребления урбанонимов на примере рассказа «A Sick Collier». Это произведение посвящено проблемам классового неравенства, в нем описываются тяжелые условия труда шахтеров. В этом рассказе урбанонимы служат не только географическими ориентирами, но и символами общества, традиций и социально-экономических устремлений: (9) *The Union was paying the men in the Primitive Chapel* [Lawrence, 1983: 190]. В примере (9) подчеркивается роль часовни как центра шахтерского сообщества. Это место поддержки, где проводятся профсоюзные мероприятия, имеющие решающее значение для благосостояния работников. Использование часовни для оплаты профсоюзных взносов подчеркивает ее важность, выходящую за рамки религиозных функций, и отражает ее неотъемлемую роль в социальной и экономической жизни общества. В другом примере из рассказа урбаноним *Scargill Street* ‘Скаргилл-стрит’ предполагает определенный уровень устремлений и гордости за принадлежность к

рабочему классу. Совместная работа по обустройству дома символизирует борьбу героев и взаимную поддержку в создании уютного домашнего очага, несмотря на трудности, с которыми сталкивается рабочий класс: (10) *When they were married they went to live in Scargill Street, in a highly respectable six-roomed house which they had furnished between them* [Lawrence, 1983: 191]. Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что урбанонимы придают произведениям Д. Г. Лоуренса особую глубину и красоту, позволяя читателям окунуться в уникальную атмосферу его художественной картины мира. Они служат не только фоном для развития сюжета, но и являются отдельными художественными образами, олицетворяющими идеи и эмоции, которыми характеризуются персонажи его рассказов.

3.2. Функции имён собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса

3.2.1. В ходе исследования имен собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса было установлено, что **номинативная функция** является общей для всех разрядов онимов в произведениях Д. Г. Лоуренса. Номинативная функция тесно связана с введением персонажа в повествование, например, в рассказе «Tickets, please», автор представляет персонажа следующим образом: (11) *The inspector's name is John Thomas Raynor – always called John Thomas, except sometimes, in malice, Cuddy* [Lawrence, 1990b: 38]. В примере (11) автор использует полное имя персонажа, уточняя фамилию, что подчеркивает его индивидуальность.

3.2.2. Характеризирующая функция позволяет отметить особенности героев и прочно вписывается в их характеры и развитие сюжета. Рассмотрим рассказ «Daughters of the Vicar», где присутствуют контрастирующие друг с другом персонажи: (12) *Miss Mary, the eldest, was the leader. She was a long, slim thing with a fine profile and a proud, pure look of submission to a high fate. Miss Louisa, the second, was short and plump and obstinate-looking. She had more enemies than ideals* [Lawrence, 1983: 72]. В примере (12) имена Мэри и Луиза несут в себе определенные коннотации, которые намекают на личности и потенциальные судьбы сестер. Мэри изображена как сострадательная и заботливая фигура, воплощающая эти качества. Она заботится о своих братьях и сестрах, а также берет на себя обязанности по ведению домашнего хозяйства после смерти их матери. Луиза изображена более светской и независимой по сравнению со своей сестрой Мэри. Она ищет приключений и острых ощущений за пределами своей сельской местности, что отражает ассоциации этого имени с утонченностью и стремлением к свободе. Это позволяет сделать вывод о том, что характеризующая функция имен собственных играет важную роль в создании эмоциональной связи между персонажами и читателем.

3.2.3. Эмотивная функция – одна из важнейших функций имен собственных в литературном произведении, поскольку художественный текст, в первую очередь, соотносится с миром эмоций и чувств. Проведенное исследование позволило установить, что в малой художественной прозе Д. Г. Лоуренса можно обнаружить глубокое эмоциональное значение, вкладываемое им в выбор и использование имен собственных своих персонажей. Рассказ «The Thorn in the Flesh» посвящен событиям периода Франко-Прусской войны, поэтому автор тщательно продумывал имена главных героев, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателя: (13) *Emilie was maidservant. Her black hair was closely banded, her grey eyes watched steadily. She wore a peasant dress of blue cotton sprigged with little red roses, that buttoned tight over her strong maiden breasts* [Lawrence, 1983: 39]. В приведенном примере Эмили описывается как служанка, воплощающая такие качества, как скромность и трудолюбие. Ее внешность, с коротко стриженными черными волосами и спокойными серыми глазами, свидетельствует о трудолюбии и внимательном отношении к своим обязанностям. Кроме того, ее крестьянский наряд символизирует связь с землей и скромное происхождение, что вызывает положительные эмоции у читателя и сострадание. Исследование позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное значение английских имен собственных в произведениях Д. Г. Лоуренса оказывает значительное влияние на восприятие его рассказов.

3.2.4. Английские имена собственные в произведениях Д. Г. Лоуренса могут реализовывать **хронотопическую функцию**, т. е. участвовать в создании хронотопа – воссоздании времени и пространства. Они служат не только для характеристики персонажей и раскрытия их индивидуальности, но и для передачи определенных временных и локальных смыслов. В рассказе «The Primrose Path» автор использует перечисление топонимов, чтобы указать на скитания молодого человека – героя рассказа, который находится в поисках себя и покидает свою супругу, чтобы довольствоваться соблазнами беззаботной жизни: (14) *He established a new ménage with the young lady, shortly after emigrating with her to Australia. Then, he was in Wellington, New Zealand. He was bad, and got lower an' lower...* [Lawrence, 1990b: 183]. В данном примере автор с помощью топонимов иллюстрирует путь главного героя. Данные топонимы символизируют разные этапы жизни главного героя и его нравственный облик. Анализ хронотопической функции в малой прозе Д. Г. Лоуренса позволил установить, что временные и пространственные отношения рассказа создаются благодаря активному участию таких разрядов онимов, как хрононимы, топонимы и урбанонимы, которые помогают читателю лучше представить себе место действия и время происходящего.

3.2.5. Эстетическая функция имён собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса реализуется в основном с помощью антропонимов и топонимов. Данная функция способна влиять на текстопостроение произведения. Таким образом автор воплощает в тексте задуманный символизм, что придаёт произведению особое художественное звучание и глубину. В рассказе «Shades of Spring» автор исследует тему женственности и женского счастья. Эстетическая функция реализуется посредством антропонимов: (15) *Hilda wanted to keep up a correspondence with him and she, of course, wanted it kept up, so that he could write to her, like Dante to some Beatrice* [Lawrence, 1983: 111]. В примере (15) антропонимы *Dante* и *Beatrice* придают произведению важный эстетический и символический смысл. Эти имена насыщены культурными и литературными ассоциациями. Упоминая имена Данте и Беатриче, Лоуренс обращается к богатой традиции куртуазной любви и идеализированных романтических отношений. Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что эстетическая функция имён собственных обуславливает символическую глубину произведений Д. Г. Лоуренса.

4. Заключение

Исследование малой прозы Д. Г. Лоуренса показало, что имена собственные являются важным элементом идиостиля писателя. Разряд, значение и функции имён собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса способствуют раскрытию его языковой индивидуальности и реализации авторских творческих замыслов.

Преобладающими разрядами имён собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса являются антропонимы и топонимы. Антропонимы имеют глубокое символическое и культурное значение, способствуя развитию характера персонажа. Топонимы также способны создавать особый культурный фон, «привязывая» повествование к реальным или воображаемым географическим регионам. Другие разряды имён собственных употребляются нечасто, но их роль в идиостиле писателя остается весьма значимой.

Функциональное разнообразие имён собственных в малой прозе Д. Г. Лоуренса обогащает повествование, добавляя смысловые оттенки, раскрывая эмоциональную глубину и создавая эстетический контекст. Анализируя подход писателя к подбору имён собственных в своих рассказах, мы получаем более глубокое представление о художественном богатстве и интеллектуальной сложности его малой прозы. В малой художественной прозе Д. Г. Лоуренса можно обнаружить глубокую эмоциональную обусловленность выбора и использования ономастикона. Художественный стиль Д. Г. Лоуренса ярко отразился в его литературном наследии, а разнообразие эмоциональных смыслов, заключенных в именах его героев, вносит неповторимый элемент в произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р. А., Мурзаев Э. М. Топонимика: научно-популярные публикации // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 236-240.
2. Барышевская А. О. Понятие об ономастическом пространстве художественного произведения в современной лингвистике // Художественный текст в поликультурном коммуникативном пространстве: традиции и современность. Симферополь, 2022. С. 96-99.
3. Бессонова О. Л., Кравченко М. И Особенности функционирования стилистических средств создания образов в идиостиле Д. Г. Лоуренса // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонГУ, 2023. Т. 19. Вып. 2 (60). С. 5-15.
4. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. Москва: Либроком, 2016. 312 с.
5. Врублевская О. В. Проблемы и перспективы современной ономастики // Известия ВГПУ. 2022. № 2 (165). С. 280-283.
6. Голомидова М. В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 263-278. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043.
7. Казнина Е. А. Современная ономастическая терминология: проблема понимания и перспективы развития // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 67-75.
8. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
9. Косиченко Е. Ф. Принцип дополнительности семиотических систем в интерпретации события (на материале рассказа Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок») // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2024. № 1(53). С. 105-123. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.08>.
10. Леонович О. А. Заметки об английских собственных именах. 3-е изд., стер. Москва: Флинта, 2020. 192 с.
11. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток ЛТД, 2004. 410 с.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. Москва: Ленанд, 2023. 366 с.
13. Усова Н. В. Имя собственное в синхронии и диахронии языка и культуры. Донецк: ДонНУ, 2018. 385 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 16).
14. Pulgram, E. *Theory of names*. American name society, 2019. 49 p.
15. Van Langendonck W. *Theory and Typology of Proper Names*. Walter de Gruyter, 2007. 378 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Lawrence D. H. *The Complete Short Novels*. Penguin Books, 1990a. 616 p.
2. Lawrence D. H. *England, my England and Other Stories*. Cambridge University Press, 1990b. 285 p.
3. Lawrence D. H. *The Prussian Officer and Other Stories*. London: Duckworth, 1983. 303 p.
4. Lawrence D. H. *The rocking-horse winner*. Kessinger Publishing, 2004. 48 p.

REFERENCES

1. Ageeva, R. A. (2020). Toponymika: nauchno-populyarnye publikatsii [Toponymy: popular science publications]. In *Voprosy onomastiki*. Vol. 17. No 1. Pp. 236-240. (In Russ.).
2. Baryshevskaya, A. O. (2022). Ponyatie ob onomasticheskom prostranstve khudozhestvennogo proizvedeniya v sovremennoy lingvistike [The concept of onomastic space of the artwork in modern linguistics]. In *Khudozhestvennyy tekst v polikulturnom kommunikativnom prostranstve: traditsii i sovremennost*. Simferopol. Pp. 96-99. (In Russ.).
3. Bessonova, O. L., Kravchenko, M. I. (2023). Osobennosti funktsionirovaniya

stilisticheskikh sredstv sozdaniya obrazov v idiostile D. G. Lawrence [Features of functioning of stylistic means of image creation in the idiostyle of D.G. Lawrence]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonGU. Vol. 19. Iss. 2 (60). Pp. 5-15. (In Russ.).

4. Bondaletov, V. D. (2016). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moskva: Librokom. (In Russ.).

5. Vrublevskaia, O. V. (2022). Problemy i perspektivy sovremennoy onomastiki [Problems and prospects of modern onomastics]. In *Izvestiya VGPU*. No 2 (165). Pp. 280-283. (In Russ.).

6. Golomidova, M. B. (2020). Toponimicheskoe imidzhirovanie gorodskikh prostranstvennykh obektov [Toponymic image making of urban spatial objects]. In *Voprosy onomastica*. Vol. 17. No 3. Pp. 263-278. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043. (In Russ.).

7. Kaznina, E. A. (2022). Sovremennaya onomasticheskaya terminologiya: problema ponimaniya i perspektivy razvitiya [Modern onomastic terminology: the problem of understanding and prospects of development]. In *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. No 3 (30). Pp. 67-75. (In Russ.).

8. Kalinkin, V. M. (1999). *Poetika onima* [Poetics of onym]. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.).

9. Kosichenko, E. F. (2024). Printsip dopolnitelnosti semioticheskikh sistem v interpretatsii sobytiya (na materiale rasskaza E. Khemingueya «Kanareyku v podarok») [The Principle of semiotic systems complementarity in an event interpretation]. In *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»*. No 1 (53). Pp. 105-123. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.08>. (In Russ.).

10. Leonovich, O. A. (2020). *Zametki ob angliyskikh sobstvennykh imenakh* [Notes on English proper names]. 3-e izd., ster. Moskva: Flinta. (In Russ.).

11. Otin, E. S. (2004). *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Donetsk: Yugo-Vostok LTD. (In Russ.).

12. Superanskaya, A. V. (2023). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. 2-e izd., ispr. Moskva: Lenand. (In Russ.).

13. Usova, N. V. (2018). *Imya sobstvennoe v sinkhronii i diakhronii yazyka i kultury* [Proper name in synchrony and diachrony of language and culture]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 16). (In Russ.).

14. Pulgram, E. (1954). *Theory of names*. American name society.

15. Van Langendonck, W. (2007) *Theory and Typology of Proper Names*. Walter de Gruyter.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Lawrence, D. H. (1990a). *The Complete Short Novels*. Penguin Books.

2. Lawrence, D. H. (1990b). *England, My England and Other Stories*. Cambridge: Cambridge University Press.

3. Lawrence, D. H. (1983). *The Prussian Officer and Other Stories*. London: Duckworth.

4. Lawrence, D. H. (2004). *The rocking-horse winner*. Kessinger Publishing.

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (e-mail: o.bessonova.2023@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: o.bessonova.2023@list.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

*Трутен Екатерина Алексеевна – студент магистратуры Института романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий (e-mail: katerinatruten@yandex.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9*

*Truten Ekaterina A. – Master's Degree Student of Institute of the Romance and German Languages, Informational and Humanitarian Technologies (e-mail: katerinatruten@yandex.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9, Kalinin av., Stavropol Kray, Pyatigorsk, 357532*

Поступила в редакцию 29 июля 2024 г.

УДК 81'373.7:81'25:811.11

©2024 В. И. Савченко

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ADAM (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ СМИ)

В данной статье на материале немецкого языка рассматривается структурно-семантическая классификация фразеологических единиц с онимным компонентом Adam, их толкование и использование в межкультурной коммуникации в современном мире.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, разговорная лексика, онимный компонент, фразеологическая единица, коннотация, структурно-семантическая классификация.

©2024 V. I. Savchenko

GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT ADAM (BASED ON GERMAN MASSMEDIA)

The present article considers the structural and semantic classification of the German phraseological units with the onym component Adam. The interpretation features of the units studied and their use in modern cross-cultural communication have been described.

Key words: cross-cultural communication, colloquial vocabulary, onym component, phraseological unit, connotation, method of formation.

1. Введение. В данной статье рассматривается описание структурно-семантических характеристик и толкование фразеологических единиц (далее – ФЕ) с онимным компонентом *Adam*. «Собственные имена – часть языка, демонстрирующая наиболее парадоксальные ситуации, анализ которых должен способствовать возникновению новых, более углубленных общелингвистических концептов... Собственные имена пронизывают все сферы человеческой жизни и деятельности, состав имен и их социальная и идеологическая нагрузка во многом определяются социальными, историческими, экономическими и другими факторами» [Суперанская, 2008: 5].

В современном языкознании наблюдается возрастание интереса к фразеологии как к культурно значимому языковому пласту. **Актуальность** статьи обусловлена общей тенденцией лингвистических исследований к изучению фразеологии. Несмотря на значительное количество работ в этой области, появляющихся в последнее время, в германистике их недостаточно, в особенности это касается фразеологизмов с онимным компонентом. Между тем фразеологизмы с онимным компонентом становятся предметом отдельного направления – ономастической фразеологии. Поскольку ФЕ отражают культурное и национальное своеобразие и особенности менталитета носителей языка, знание и понимание устойчивых оборотов обеспечивает адекватное понимание

услышанного высказывания или прочитанного текста. В силу своего семантического богатства, образной основы, лаконичности и выразительности фразеология играет в языке немаловажную роль.

Для исследования были отобраны фразеологические единицы из словаря Hans Schemann «Deutsche Idiomatik – Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext» [DI, 2011], также использовался словарь Duden Online [Duden] для трактования данных фразеологизмов. Для поиска фразеологических единиц в немецких СМИ использовался корпус DWDS.de [DWDS] за 2016-2024 годы.

2. Теоретические предпосылки. Вопросы фразеологии рассматривались в работах таких учёных: Д. И. Ермоловича, В. Н. Телии, А. В. Кунина, Ю. В. Бромлей, А. С. Вежбицкой, Н. Р. Гейко, В. С. Арутюнян, Х. Калверкампера, Р. Кольхейма, Ч. Фёлдеша и др. Существует несколько определений понятия фразеологизм. В. Н. Телия считает, что фразеологизмы-идиомы представляют собой микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отражения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте [Телия, 1996: 8]. Фразеологические единицы, содержащие в себе онимы, фиксируют некоторые характеристики объекта межкультурной коммуникации: как классифицирующие, так и во многих случаях индивидуальные [Ермолович, 2001: 30]. В. С. Арутюнян придерживается точки зрения, что фразеологические обороты, отображающие понятия, так или иначе связанные с общественно-политической жизнью общества, представляют собой один из богатейших пластов современной фразеологии. К ряду таких языковых знаков причисляются терминологические наименования явлений социальной и политической жизни, традиционные фразеологические единицы, используемые политиками, а также крылатые слова и выражения, принадлежащие тому или иному политическому деятелю. Специфика общественно-политической фразеологии подразумевает знание автором уровня социального знания реципиента. И в этом ракурсе фразеологические единицы часто используются для манипуляции общественным сознанием [Арутюнян, 2015: 3].

Целью работы является изучение использования ФЕ с онимным компонентом *Adam* и их способы передачи на русский язык.

3. ФЕ с онимным компонентом как культурно значимый элемент межкультурной коммуникации. Чтобы снять или хотя бы приуменьшить коммуникативную преграду,

необходимо изучать языки и культурные традиции других стран, действовать согласно примеру *Do in Rome as the Romans do* 'В чужой монастырь со своим уставом не ходят', терпимо относиться к чужим правилам поведения. Культура как «совокупность специфических человеческих способов деятельности и ее результатов» [Бромлей, 1973: 5] находится в зависимости от языка, определяется им и влияет на него. В некоторых культурах создаются целостные лингвокультурологические системы с инвариативным центром и вариативной периферией (изменчивой во времени под влиянием прежде всего лингвистических причин).

Все начинается с «понимания» неизвестного ФЕ в тексте оригинала, потому что непонятные тексты не могут заинтересовать (человек перестает проявлять интерес к чтению). Таким образом, понятность – это качество текста, установленное текстовыми решениями автора, принимаемое соответствующими получателями (читателями, слушателями) текста [Kohlheim, 2011: 113]. Из «понятности» вытекает понимание того, что является новым. Из этого процесса присвоения вырастает «понимание» как дифференциального, разделяющего, так и общего, объединяющего, необходимого для межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация предполагает диалог, а также совместное пребывание в ситуации общения. Для индивида, как и для группы, читателя, слушателя она в положительном случае приводит к «пониманию»; предполагает участие, готовность к интеграции, сочувственное отношение, принципиальную открытость к чужой культуре, что проявляется и доказывает совместную деятельность составных частей ФЕ в новых прагматических контекстах [Kalverkämper, 2008: 128].

Понятие «культура речи» также становится международным, трансграничным, даже глобальным. Но именно здесь необходима обратная связь с национальной ценностью для соответствующего языкового сообщества, что затем выражается в форме презентации тезауруса, в котором отдельные элементы ФЕ в комбинации с онимом представляют единое разнообразие, в соответствии с метафорой Шарля де Голля и Конрада Аденауэра «Европа как многокомнатный дом» [Kalverkämper, 2008: 141]. Новые понятия рассматриваются как способ кодирования и изменения информации, которая может впоследствии трансформироваться и поменять смысл [Менджеричкая, 2011: 74].

Имя собственное, функционирующее в ФЕ, выполняет не только номинативную, но и другие, обычно не свойственные онимной лексике функции, основной из которых является характеризующая. При фразеологизации антропонимы утрачивают функцию индивидуальной характеристики людей и выполняют классифицирующую и обобщающую функцию [Ganzer, 2008: 41].

Собственные имена входят в лексические знания, закреплены в лексиконе (словарном запасе), а не только в ономастиконе (именном запасе) [Koss, 2002: 65].

4. Употребление ФЕ с онимным компонентом. Фразеологические единицы в сочетании с антропонимом *Adam* активно используются в современном медийном дискурсе.

4.1. ФЕ с онимным компонентом *Adam* в сочетании с предлогом: *nach Adam Riese*, ‘абсолютно точно’, ‘по Адаму Ризе’ [DI, 2011], где речь идёт об известном математике, Адаме Ризе, заслугой Ризе является введение в Германии индо-арабской цифровой системы вместо цифр и символов. Ризе впервые ввёл понятие математического действия с неизвестными величинами. Его имя ассоциируется с точными расчётами, встречается в 8 примерах при анализе СМИ немецкого корпуса DWDS.de:

In Polen bedeutet das nach Adam Riese: 1,56 Euro pro Liter Diesel, in Deutschland dagegen 2,12 Euro pro Liter [DWDS] ‘В Польше, это абсолютно точно, означает 1,56 евро за литр дизельного топлива, в Германии – 2,12 евро за литр’.

Der Sozialismus funktionierte nun mal nicht nach Adam Riese [DWDS] ‘Социализм функционировал не по теоретическим расчётам’.

Wenn man ein mittelständisches Vermögen durch zwei teilt, haben nach Adam Riese nachher beide weniger als zuvor [DWDS] ‘Если разделить состояние среднего класса на два, то абсолютно, после этого оба будут иметь меньше, чем раньше’.

Da sollten sich dann eigentlich nach Adam Riese die Wartezeiten verkürzen [DWDS] ‘Так что теоретически время ожидания, собственно говоря, должно было быть сокращено’.

Trotzdem danke für die Wünsche; ich richte mich aber nach Adam Riese und werde den Beginn des neuen Jahrzehnts erst in einem Jahr feiern [DWDS] ‘Тем не менее, спасибо за пожелания; но я абсолютно точно буду праздновать начало нового десятилетия только через год’.

Der Liter Diesel kostete 7,22 Zloty geteilt durch den Wechselkurs 4,63. In Polen bedeutet das nach Adam Riese: 1,56 Euro pro Liter Diesel in Deutschland dagegen 2,12 Euro pro Liter. [DWDS] ‘Литр дизельного топлива стоил 7,22 злотых, поделенных по обменному курсу 4,63. По точным расчётам, в Польше это означает 1,56 евро за литр дизельного топлива, в Германии – 2,12 евро за литр’.

Ein Wasserballspiel dauert vier mal acht Minuten. Das macht nach Adam Riese zwei Gegentore pro Minute, die sich die Südkoreanerinnen einfingen [DWDS] ‘Игра в водное поло длится четыре раза по восемь минут. Совершенно точно, это означает, что южнокорейские спортсменки пропускали два гола в минуту’.

Was soll da die Opposition noch anstellen? Eigentlich gehen nach Adam Riese nur die

Deuschtürken leer aus [DWDS] ‘Что еще должна устроить оппозиция? Собственно говоря, по подсчетам, только немцы турецкого происхождения ничего не предпринимают’.

Obwohl das Team von Nationaltrainer Didier Deschamps nach Adam Riese und zwei Auftaktsiegen ein Remis zum sicheren Gruppensieg genügt hätte, investierten die Franzosen von der ersten Minute an viel, um in gefährliche Situationen zu kommen [DWDS] ‘Несмотря на то, что национальной сборной Дидье Дешама совершенно точно после первых двух первых побед хватило бы одной ничьей, чтобы уверенно победить в групповом этапе, французы же с первых минут прилагали огромные усилия, чтобы создать опасные моменты у ворот противника’.

4.2. Имя *Adam* широко известно в библейской мифологии как имя первого человека и его можно встретить в таких ФЕ как *Seit Adam und Eva* ‘со времен Адама и Евы’, ‘с незапамятных времен’ [DI, 2011], данный фразеологизм отмечен в 3-х примерах.

CDU oder SPD, Pommes oder Salat, Aronal oder Elmex? Seit Adam und Eva muss der Mensch wählen, etwa 20000 mal am Tag [DWDS] ‘ХДС или СДПГ, Картофель фри или салат, Аронал или Эльмекс? С незапамятных времён человеку приходится выбирать примерно 20000 раз в день’.

Das Paradies macht schwach, das ist seit Adam und Eva bekannt [DWDS] ‘Рай делает слабым, это известно со времен Адама и Евы’.

Das erste Paar, und vielleicht das letzte, ihr Drama das jüngste Gericht. Aber kann man diese Geschichte seit Adam und Eva noch neu erzählen? [DWDS] ‘Первая пара, и, возможно, последняя, их драма Страшный суд. Но можно ли эту историю с незапамятных времен рассказать по-новому?’.

4.3. Номинативно-коммуникативные ФЕ с онимным компонентом *Adam* в сочетании с глаголом, примерами которых могут служить такие ФЕ, как: *bei Adam und Eva anfangen* ‘начинать от Адама и Евы’, ‘начинать с самого начала’ [DI, 2011], данная ФЕ отмечена в 2-х примерах.

«*Aber ich habe schnell gemerkt, dass das nicht geht, ich wollte ja nicht wieder bei Adam und Eva anfangen*», sagt sie [DWDS] ‘«Но я быстро поняла, что это невозможно, я не хотела начинать все с самого начала», – говорит она’.

In ihrem Podcast «Tara sagt was» spricht sie mit Gästen wie der Journalistin Sibel Schick darüber, wie Rassismus und Feminismus zusammenhängen oder es wird über die Urschuld der Frau (angefangen bei Adam und Eva) diskutiert [DWDS] ‘В своем подкасте «Тара кое-что говорит» она говорит с такими гостями, как журналист Сибель Шик, о том, как взаимосвязаны расизм и феминизм или обсуждается первородная вина женщины (начиная от Адама и Евы)’.

Такие ФЕ как *den alten Adam ausziehen* ‘умертвить в себе ветхого Адама’, ‘освободиться от старых привычек’, *der alte Adam regte sich* ‘ветхий Адам зашевелился’, ‘проснулись старые инстинкты’ [DI, 2011], не в немецком корпусе, что говорит о низкой частотности использования данных ФЕ.

4.4. Субстантивные ФЕ с онимным компонентом *Adam*: *im Adamskostüm* ‘в костюме Адама’, ‘в чём мать родила’ [DI, 2011], данная ФЕ отмечена в 3-х примерах.

Göttervater Zeus, Stier und zugleich Mann im Adamskostüm, entführt Europa, die bei Hampele buchstäblich das Vieh bei den Hörnern packt [DWDS] ‘Отец богов Зевс, бык и одновременно мужчина в костюме Адама, похищает Европу, которая в Хампеле буквально хватает быка за рога’.

Am Ende taucht Anna Netrebko nixenhaft ins Wasser ab, woraufhin vor der Mondsichel noch einmal ihr gut gebauter Märchenprinz erscheint, wiederum im Adamskostüm [DWDS] ‘В конце Анна Нетребко по-русалочьи ныряет в воду, после чего перед серпом луны появляется ее хорошо сложенный сказочный принц, снова в костюме Адама’.

Er sei den Tieren völlig fokussiert im Adamskostüm hinterher gerannt [DWDS] ‘Он сосредоточенно бежал за животными в чём мать родила’.

4.5. ФЕ с онимным компонентом *Adam* в сочетании с прилагательным: *der alte Adam* ‘древний Адам’, ‘первородный грех’, ‘старые привычки, взгляды, пережитки прошлого’ [DI, 2011], данный фразеологизм отмечен в 2-х примерах немецкого корпуса.

Die Wissenschaft öffnet ein neues Zeitalter, und wer soll es betreten, etwa der alte Adam? [DWDS] ‘Наука открывает новую эру, и кто должен вступить в нее, неужели, древний Адам?’

Schlage eines Che Guevara, der den alten Adam (und Eva gleich mit) ins Erziehungslager [DWDS] ‘Ударь Че Гевару, который отправляет древнего Адама (и Еву вместе с ним) в воспитательный лагерь’.

Онимы функционируют в рамках этих субстантивных фразеологизмов как структурные составляющие. Как только онимические выражения включаются в такие фразеологизмы, которые также называются «именные фразеологизмы» [Buhofer 1995: 495], они, в сущности, теряют свою онимическую функцию.

5. Выводы. При использовании ФЕ с онимным компонентом последний выступает в роли обобщающего типичного элемента.

Для межкультурной коммуникации во время межкультурного общения при интерпретации русский язык ФЕ с онимным компонентом *Adam* теряют номинативную функцию, но в некоторых случаях при расшифровке «толковании», сохраняют её.

Необходимо отметить, что номинативная функция частично сохраняется при толковании ФЕ с онимным компонентом *Adam*, ориентированных на известных личностей, например, *nach Adam Riese*. Через призму ФЕ можно рассмотреть отличительные черты известных людей, понять, чем они прославились.

Самой продуктивной группой являются ФЕ в сочетании с предлогом, субстантивные ФЕ, используются реже, далее следуют глагольные ФЕ с онимным компонентом *Adam*. Следует добавить, что некоторые глагольные ФЕ не настолько широко используются в СМИ, что говорит об их нераспространенности и непопулярности.

При отсутствии непосредственных соответствий ФЕ путем поиска аналогичной дефиниции ФЕ, которая имеет общее значение с исходной единицей, следует помнить о том, что часто сходные по значению, но разные по форме фразеологические единицы в разных языках имеют различную эмоционально-ассоциативную окраску и не всегда взаимозаменяемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян В. С. Общественно-политическая фразеология в призме межкультурной коммуникации // Язык. Словесность. Культура, 2015. № 1. С. 30-43.
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. Москва: Наука, 1973. 253 с.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва: Р. Валент, 2001. 200 с.
4. Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис. Москва: Прогресс, 1996. 287 с.
5. Менджеричка Е. О. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и типология медиадискурса // Язык и дискурс СМИ в XXI веке. Москва: Академический проект, 2011. С. 74 -81.
6. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века. Москва: ИЯ РАН, 2008. 80 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Kalverkämper Hartwig. «Kampf der Kulturen» als Konkurrenz der Sprachkulturen. Tübingen, 2008. S. 123-163.
9. Kohlheim R. Zur postulierten Beliebtheit alttestamentlicher Vornamen nach der Reformation // Namenkundliche Informationen 99/100. Leipziger Universitätsverlag., 2011. S. 113-121.
10. Ganzer D. Deutsche Phraseologismen mit Personennamen: Lexikografischer Befund und textueller Gebrauch. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. 445S. (Studien zur Germanistik; Bd. 25).
11. Buhofer H. Annelies Namen in phraseologischen Wendungen // Namenforschung, Teilbd. 1 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 11.1). Berlin / New York, 1995. S. 493-497.
12. Koss Gerhard. Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Auflage (= Germanistische Arbeitshefte 34). Tübingen, 2002. 248 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Duden Wörterbuch. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 07.01.2024). [Duden].
2. Hans Schemann. Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im

Kontext. Berlin / Boston Druck: Hubert & Co. GmbH & Co. KG, Göttingen, 2011. 1037 p. [DI].
3. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 07.01.2024). [DWDS].

REFERENCES

1. Arutyunyan, V. S. (2015). Obshchestvenno-politicheskaya frazeologiya v prizme mezhkulturnoy kommunikatsii [Socio-political phraseology in the light of intercultural communication]. In *Yazyk. Kultura. Slovesnost*. No 1. Pp. 30-43. (In Russ.).
2. Bromley, Yu. V. (1973). *Etnos i etnografiya* [Ethnos and ethnography]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur* [Proper names across languages and cultures]. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
4. Erickson, E. (1996) *Identichnost: Yunost i krizis* [Individuality: Youth and crisis]. Moskva: Progress. (In Russ.).
5. Menzheritskaya, O. O. (2001). Kognitivno-diskursivnaya paradigma v lingvistike I tipologiya [Congitive-discursive paradigm in linguistics and typology]. In *Yazyk i diskurs SMI v XXI veke*. Moskva: Akademicheskiiy proekt. Pp. 74-81. (in Russ.).
6. Superanskaya, A. V. (2008). *Onomastika nachala XXI veka* [Onomastics of the beginning of the XXI century]. Moskva: IYA RAN. (In Russ.).
7. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiiy, pragmaticheskiiy I lingvokulturologicheskiiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Yazyky russkoy kultury. (In Russ.).
8. Kalverkämper, Hartwig. (2008). «*Kampf der Kulturen*» als Konkurrenz der Sprachkulturen. Tübingen. S. 123-163.
9. Kohlheim, R. (2011). Zur postulierten Beliebtheit alttestamentlicher Vornamen nach der Reformation. In *Namenkundliche Informationen 99/100*. Leipziger Universitätsverlag., S. 113-121.
10. Ganzer, D. (2008). *Deutsche Phraseologismen mit Personennamen: Lexikografischer Befund und textueller Gebrauch*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. (Studien zur Germanistik; Bd. 25).
11. Buhofer, H. (1995). Annelies Namen in phraseologischen Wendungen. In *Namenforschung, Teilbd. 1 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 11.1)*. Berlin / New York., S. 493-497.
12. Koss, Gerhard. (2002). *Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik*. 3., aktualisierte Auflage (= Germanistische Arbeitshefte 34). Tübingen.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Duden Wörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 07.01.2024).
2. Hans, Schemann. (2011). *Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext*. Berlin / Boston Druck: Hubert & Co. GmbH & Co. KG, Göttingen.
3. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 07.01.2024).

Савченко Виктория Игоревна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: sawtschenkowiktorija@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Savchenko Viktoriya I. – Postgraduate Student of Germanic Philology Department (e-mail: sawtschenkowiktorija@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 22 июля 2024 г.

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ BLAU ‘ГОЛУБОЙ, СИНИЙ’ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

В статье исследуются вторично-номинативные значения цветообозначения blau в немецком языке. Основное внимание акцентируется на анализе семантических особенностей и динамики развития вторичной номинации данного цветообозначения.

Ключевые слова: цветообозначение, синий цвет, вторичное значение, динамика, фразеологизм.

© 2024 Yu. N. Us

SECONDARY NOMINATION OF THE COLOUR DESIGNATION BLAU ‘BLUE’ IN GERMAN (DIACHRONIC ASPECT)

The article addresses the secondary nominative meanings of the blue colour designation in the German language. The main attention is focused on the analysis of the semantic features of the colour designation in question and dynamics of its secondary nomination development.

Key words: colour designation, blue colour, secondary meaning, dynamics, phraseology.

1. Введение

Общеизвестно, что система цветообозначения любого языка этнокультурологически маркирована. Отсюда следует, что носители различных языков по-разному могут воспринимать цвет, по-разному переосмыслять его. В связи с этим цветообозначающая лексика часто имеет не только прямое, но и переносное, символическое значение, выполняя вторичные семантические функции и заключая в себе национально-культурные коннотации [Гуськова, 2019: 137].

Цветообозначения во вторичном, фигуральном значении позволяют представить более полную картину отражения в языке разносторонних качеств человека. Наличие различных ассоциаций, связанных с тем или иным цветом, предопределяют высокую частотность их употребления для обозначения различных реалий во вторичной номинации, в процессе которой применяется фонетический облик уже существующей лексемы [Гайдукова, 2018: 49].

В последние годы вторичная номинация цветообозначений привлекает внимание ученых, при этом цветообозначения рассматриваются в составе фразеологизмов как

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

одного языка [Болотина, 2013; Воробьева, 2018; Таныгина, 2023; Шабанова, 2018], так и проводятся сопоставительные исследования [Адушева, 2015; Гуськова, 2019].

На материале немецкого языка вопросы вторичной номинации цветообозначений изучали такие ученые как Т. М. Гайдукова [Гайдукова, 2012, 2018], Д. О. Добровольский [Dobrovolskij, 1997], М. И. Дойникова [Дойникова, 2019], Р. Д. Керимов [Керимов, 2013], О. А. Минеева, А. А. Пирогова [Минеева, Пирогова, 2016].

Однако до сих пор остается **актуальным** изучение особенностей вторичных значений цветообозначений, функционирующих как в современных, так и исторических текстах немецкого языка.

Материалом данной работы послужили вторичные значения прилагательного *blau* 'синий / голубой' в немецком языке, извлеченные из исторического лексикона цветообозначений У. Джонса «Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen», включающего в себя текстовые примеры XV–XXI веков [Jones, 2013].

Целью исследования является изучение процессов развития вторично-номинативных значений цветообозначения *blau* в немецком языке в диахроническом аспекте.

Объектом данной работы является прилагательное *blau*, а **предметом** – его вторично-номинативные значения и динамика их развития.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе достаточно подробно рассматриваются особенности употребления цветообозначения *blau* в переносном смысле в немецком языке на протяжении пяти веков.

2. Основная часть

Согласно заявленной теме было проанализировано 60 выражений с цветообозначением *blau* в переносном значении.

Прилагательное *blau* употребляется в значении 'глупый, бессмысленный' начиная с XVI века (ср. *blauer Philosoph* (букв. *голубой профессор*) 'глупый философ', *blaue Pflaume* (букв. *голубая/синяя слива*) 'бессмысленные аргументы', *blaue Possen* (букв. *синие выходки*) 'чепуха', *blauer Käse* (букв. *голубой/синий сыр*) 'чепуха'). В устойчивом выражении *blauer Unsinn* (букв. *синяя чепуха*) прилагательное цвета используется в усилительном значении и все выражение можно перевести как 'полная чепуха'.

Синий цвет в немецком языке ассоциируется с чем-то необычным, странным. В историческом лексиконе цветообозначений упоминаются следующие устойчивые выражения со ссылкой на текстовые источники XV–XVI веков: *blauer Esel* (букв. *синий осел*) 'удивительная вещь', *blauer Hund* (букв. *синяя собака*) 'сказочное животное', *blaues*

Wunder (букв. голубое / синее чудо) ‘чудеса, неприятный сюрприз’.

Синий цвет в немецкой традиции на протяжении многих веков рассматривается также как символ лжи и обмана, что подтверждает наличие многочисленных устойчивых выражений с подобным значением: *blaue Antwort* (букв. синий ответ), *blaues Argument* (букв. синий аргумент), *blauer Arzt* (букв. синий врач), *blauer Bericht* (букв. синий доклад), *blauer Bischof* (букв. синий епископ), *blaue Botschaft* (букв. синяя весть), *blauer Ghrist* (букв. голубой христианин), *blauer Dunst*, *blaue Dunstmacherei* (букв. голубая дымка), *blaue Enten* (букв. синие утки), *blaue Gans* (букв. синий гусь), *blaues Märchen* (букв. синяя сказка), *blauer Pfarrer* (букв. синий священник), *blauer Rat* (букв. синий совет), *blauer Storch* (букв. синий аист), *blauer Tand* (букв. синяя подставка), *blaue Ursache* (букв. синяя причина). Так, выражение *blaue Antwort* трактуется как ‘лживый ответ’, *blaues Argument* – ‘фальшивый аргумент’, *blauer Arzt* обозначает плохого, некомпетентного врача, *blauer Bericht* также используется в негативном значении ‘фальшивый отчет’. Следует отметить, что для образования фразеологизмов с подобным значением часто используются наименования птиц. Фразеологизмы *blaue Enten* и *blaue Gans* используются в значении ‘выдуманные, лживые истории, пустые отговорки’, а *blauer Storch* рассматривается в немецкой культуре как символ неверности.

Для фразеологизма *blauer Dunst*, появившегося в языке еще в XVI веке, характерна полисемия. В XVI веке он употреблялся не только в значении ‘обман’, но и в значении ‘ничтожность’. А в современном немецком языке он может употребляться для обозначения табачного дыма, что подтверждают примеры, зафиксированные в историческом лексиконе цветообозначений [Jones, 2013: 419].

Значение ‘фальшивый, обманывать’ имеют также пословицы *durch eine blaue Brille sehen* (букв. смотреть сквозь синие очки), *blaues Blümchen weismachen* (букв. внушать, убеждать синий цветочек).

Представляет интерес этимология и сфера употребления фразеологизма *blauer Brief* (букв. синее письмо), который в историческом лексиконе цветообозначений трактуется как ‘неприятное сообщение’. В современном немецком языке данное выражение используется в разговорной речи для обозначения письма учителя родителям, в котором речь идет о неуспеваемости их ребенка, а также для уведомления работника об увольнении. Понятие *blauer Brief* возникло в XVIII веке, когда королевские приказы должны были быть скрыты от посторонних глаз и скреплены печатью. Для изготовления бумаги использовались обрезки ткани, обычно из униформы солдат, которая была голубого цвета.

В Австрии и Швейцарии выражение *blauer Brief* используется в вышеперечисленных

значениях, причем в Австрии можно встретить синонимичную конструкцию *blauer Bogen* (букв. *синий лист бумаги*) [Jones, 2013: 418].

Добавим, что с выражением *blauer Brief* тесно связано понятие *blaue Woche* (букв. *синяя неделя*), также отобранное из анализированного источника. Под *blaue Woche* понимается период, когда родители неуспевающих учеников могут получить письменное уведомление из школы.

Также лексема *blau* приобретает вторичное значение 'аристократический' в составе выражение *blaues Blut* 'голубая кровь'. Появление данного фразеологизма датируется XIX веком. Его начали употреблять для обозначения представителей древнейшей аристократии [Гайдукова, 2012: 253].

Выражение *blauer Peter* (букв. *голубой Петер*), отобранное из исторического лексикона цветообозначений, обозначает 'сигнальный флаг'. Подобное наименование характерно и для английского языка, оно обозначает голубой флаг с белым квадратом в центре, который поднимается при отплытии корабля и сигнализирует о том, чтобы вся команда собралась на борту [Адушева, 2015: 103]. Существует мнение, что «Питером» его прозвали либо из-за искажения французского слова *partier* 'отплывать', либо от английского *repeat* 'повторять' [Hendrickson, 1997: 365].

Известно, что в христианстве голубой цвет является цветом неба, символизирует небеса и бесконечность [Адушева, 2015: 103]. С этим связано употребление прилагательного *blau* в таких устойчивых выражениях, как *blaue Bühne* (букв. *голубая сцена*) 'небо', *unter dem blauen Himmel* (букв. *под голубым небом*) 'на свежем воздухе', *aus blauem Himmel* (букв. *с голубого неба*) 'откуда ни возьмись'. Данная ассоциация актуализирует еще одно значение, а именно 'далекий, неясный'.

Переносное значение синего цвета реализуется в сочетании с наименованиями дней недели, такими как *Montag*, *Dienstag*, *Freitag*, а также с лексемой *Ostertag*, которая выступает синонимом к *Palmsonntag* 'вербное воскресенье'. Самым распространенным выражением оказалось *blauer Montag* (букв. *синий понедельник*) 'прогул, отгул, свободный от работы день'. Интересно происхождение этого выражения в немецком языке. Изначально так назывался последний день карнавала, который традиционно был выходным. После него начинался пост, во время которого церковь традиционно украшалась полотнами голубого и фиолетового цвета. По другой версии, по воскресеньям красильщики шерсти опускали ее в специальные емкости с краской. В понедельник шерсть должна была сохнуть, таким образом у красильщиков не было работы и они

отдыхали. В немецких источниках можно найти еще одно объяснение. После эпидемии чумы в XIV веке наблюдалась острая нехватка рабочей силы. Ремесленники требовали повышения еженедельной оплаты труда и нерабочий понедельник был одним из вариантов их вознаграждения. Прилагательное *blau* в анализируемом фразеологизме, по мнению некоторых исследователей, вообще не имеет связи с цветообозначением, а произошло от отрицания на иврите, которое можно дословно перевести как ‘без него’, т. е. работали в этот день без ремесленников. Такую точку зрения поддерживали и исследователи воровского жаргона, в котором *blau* берет начало от варианта на идише *belo* ‘плохой; без’ [Huber, 2013].

Значение ‘прогул, отгул, свободный от работы день’ фразеологизма *blauer Montag* характерно только для немецкого языка. Несмотря на то, что в английском языке встречается фраза *blue Monday*, ее относят к школьному жаргону и в ней реализуется совершенно другое значение – ‘первый день занятий после каникул’ [Адушева, 2015: 102].

Следует также отметить, что фразеологизм *der blaue Montag* может рассматриваться как в положительном, так и в отрицательном значении. Так, по мнению М. И. Дойниковой [Дойникова, 2019: 203], данный фразеологизм имеет положительную коннотацию, а в работе О. А. Минеевой, А. А. Пироговой [Минеева, Пирогова, 2016: 43] он относится к тематической группе «Отрицательные явления, неприятные действия, события».

Помимо этого, в примере, датированном 1936 годом, *blauer Montag* используется для обозначения сорта ликера. Можно предположить, что такое название спиртного напитка возможно символизирует его крепость аналогично с другими названиями крепких спиртных напитков (*blauer Bindfaden*, *blauer Bitter*, *blauer Zwirn*).

Как было упомянуто выше, сочетания *blauer Dienstag*, *blauer Freitag* и *blauer Ostertag* менее употребительны в языке. Они, как правило, обозначают соответствующие дни недели во время поста. В некоторых случаях *blauer Dienstag* может полностью совпадать по значению с *blauer Montag*. Это явление можно объяснить тем, что вплоть до XVIII века в Австрии вторник также был нерабочим днем у ремесленников.

В анализируемом материале, как и в других источниках, одним из вторично-номинативных значений прилагательного *blau* является значение ‘пьяный’. Употребление *blau* в таком контексте связывают с поведением людей во время последнего дня карнавала. Поскольку горожане проводили день перед началом поста в веселье и пьянстве, цветообозначение *blau* стало использоваться в этом значении.

Из анализируемых источников были отобраны и другие словосочетания, в которых *blau* используется в переносном значении. Так, значение ‘пуля’ имеют три устойчивых

словосочетания: *blaue Bohne*, *blaue Erbse* и *blaues Korn*, первые примеры употребления которых датируются XVII и XIX веками. *Blauer Lappen* (букв. синяя тряпка) употребляется вместо 'стомарочная купюра' в начале XX века, а в источниках XVIII века можно найти выражение *blaue Maine* 'мачеха', которое было распространено в Брауншвейгском.

Помимо этого, прилагательное *blau* входит в состав двух метафорических выражений со значением 'земля': *blaue Nation* (букв. синяя нация) и *blauer Planet* (букв. голубая планета).

Интересна динамика изменения значения выражения *das blaue Fähnlein führen*. Впервые оно зафиксировано в текстах XVII века в значении 'незаконно отдалиться от войска'. Позднее выражение стало употребляться как синоним к глаголу *stehlen* 'воровать' и другому фразеологизму с таким же значением: *blau färben*.

В сознании носителей немецкого языка синий цвет ассоциируется с болезнями, побоями, что находит отражение в следующих фразеологизмах, преимущественно с негативной окраской. Так, выражение *blau vor den Augen werden* трактуется как 'закружилась голова', *jemanden blau und grün schlagen*, *schwarz und blau prügeln* обозначают 'избить кого-то'. Положительную коннотацию имеет только выражение *mit einem blauen Auge davonkommen* 'легко отделаться'.

В переносном значении *blau* может обозначать 'обезжиренный, прокисший'. Данное прилагательное в сочетании с *Heinrich* трактуется как 'обезжиренное молоко'. А устойчивое выражение *blaue Suppe essen* (букв. есть синий суп) означает 'жить впроголодь'.

Наконец, прилагательное *blau* является частью выражений, представленных в виде пословиц, которые нельзя отнести к вышперечисленным значениям: *alles nur blau*, *blau lassen* 'оставить так, как есть', *keine blaue Ahnung von etwas haben* 'не иметь ни малейшего понятия'.

3. Заключение

Проведенный анализ особенностей вторичной номинации цветообозначения *blau* в немецком языке позволяет сделать следующие выводы.

Цветообозначение *blau* обладает широким спектром значения. Оно может использоваться для передачи глупости, неясности, обмана, состояния алкогольного опьянения, названий сортов алкогольных напитков, свободного от работы времени, благородного происхождения и др. Приведенные примеры подтверждают, что выражения, в составе которых есть прилагательное *blau*, заметно отличаются друг от друга с точки

зрения выражаемого смысла.

Данное цветообозначение в составе устойчивых выражений имеет преимущественно отрицательную коннотацию, что, прежде всего, связано с символикой синего цвета. Следует также отметить, что человеку свойственно замечать недостатки, негативные стороны других людей, поэтому чаще появляются фразеологизмы, выражающие негативный приобретенный опыт.

Первые примеры вторично-номинативных значений синего цвета впервые зафиксированы в источниках XV века, некоторые из них сохранились без изменения до настоящего времени, для некоторых характерно появление дополнительных значений (напр. *blauer Dunst* ‘табакокурение’, *blauer Montag* ‘сорт ликера’).

Следует отметить, что одно и то же переносное значение исследуемое цветообозначение реализует в сочетании с разными существительными (напр. *blaue Bohne*, *blaue Erbse* и *blaues Korn* ‘пуля’, *blauer Montag*, *blauer Dienstag* ‘прогул, отгул, свободный от работы день’).

Переносные значения цветообозначения *blau* и ассоциации, которые они вызывают, значительно разнятся от других культур, что обусловлено национальной историей, культурой и литературой (ср. *blauer Montag* и *blue Monday*).

Перспективным представляется дальнейшее исследование особенностей вторичной номинации других цветообозначений немецкого языка в диахроническом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адушева И. А. Символика синего цвета в устойчивых сочетаниях английского и русского языков // Архивариус. 2015. Т. 2. № 3(3). С. 102-105.
2. Болотина М. А., Шабаетова Е. А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. Вып. 2. С. 21-28.
3. Воробьева Е. Ю. Вторичные цветовые номинации как показатель ассоциативного потенциала цветообозначений // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 39-45.
4. Гайдукова Т. М. О первичной и вторичной номинации человека посредством цветообозначения (на материале немецкого языка) // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 48-52.
5. Гайдукова Т. М. Фразеологизмы с цветовым компонентом как средство характеристики человека в немецком языке // Вестник ЧГПУ. Филология и искусствоведение. 2012. № 11. С. 247-264.
6. Гуськова А. П. Цветообозначения в различных языках и культурах (на материале русско-венгерских словарей) // Финно-угорский мир. 2019. № 2. С. 136-142.
7. Дойникова М. И. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения *blau* (синий) в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 201-205.

8. Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 107-124.

9. Минеева О. А., Пирогова А. А. Немецкие фразеологизмы с компонентом «синий цвет» и их межъязыковая эквивалентность в русском языке // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 11-4. С. 42-44.

10. Таныгина Е. А. Экспериментальное исследование образа цветообозначения синий в языковом сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13. № 1. С. 80-97.

11. Шабанова А. М. Отражение английской культуры во фразеологизмах с компонентом цветообозначения // Мир науки, культуры, образования. 2018. №3. С. 531-533.

12. Dobrovolskij D., Piirainen E. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive. Bochum: Brockmeyer, 1997. 485 S.

13. Huber P. «Blauer Montag»: Kleine Geschichte des Nicht-Arbeitens // Die Presse. 2013. Available at: <https://www.diepresse.com/1351674/blauer-montag-kleine-geschichte-des-nicht-arbeitens>. (accessed: 15.08.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Hendrickson R. The Facts on File Encyclopedia of Word and Phrase Origins. N. Y.: Facts on File, Inc., 1997. 779 p.

2. Jones W. J. Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen. Berlin, 2013. 3308 S.

REFERENCES

1. Adusheva, I. A. (2015). Simvolika sinego tsveta v ustoychivyykh sochetaniyakh angliyskogo i russkogo yazykov [Symbolism of blue in English and Russian set phrases]. In *Arkhivarius*. Vol. 2. No 3(3). Pp. 102-105. (In Russ.).

2. Bolotina, M. A., Shabaeva, E. A. (2013). Kognitivnyy aspekt otsenochnoy semantiki frazeologicheskikh edinit s tsvetooboznacheniyami [Cognitive aspect of evaluative semantics of phraseological units with color meanings]. In *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*. Iss. 2. Pp. 21-28. (In Russ.).

3. Vorobeva, E. Yu. (2018). Vtorichnye tsvetovye nominatsii kak pokazatel assotsiativnogo potentsiala tsvetooboznacheniy [Secondary color nominations as an indicator of the associative potential of color designations]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No 3. Pp. 39-45. (In Russ.).

4. Gaydukova, T. M. (2018). O pervichnoy i vtorichnoy nominatsii cheloveka posredstvom tsvetooboznacheniya (na materiale nemetskogo yazyka) [On the primary and secondary nomination of a person by means of color designation (based on the material of the German language)]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 7. No 1(22). Pp. 48-52. (In Russ.).

5. Gaydukova, T. M. (2012). Frazeologizmy s tsvetovym komponentom kak sredstvo kharakteristiki cheloveka v nemetskom yazyke [Phraseological units with a color component as a means of characterizing a person in the German language]. In *Vestnik ChGPU. Filologiya i iskusstvovedenie*. No 11. Pp. 247-264. (In Russ.).

6. Guskova, A. P. (2019). Tsvetooboznacheniya v razlichnykh yazykakh i kulturakh (na materiale russko-vengerskikh slovarey) [Color designations in various languages and cultures (based on the material of Russian-Hungarian dictionaries)]. In *Finno-ugorskiy mir*. No 2. Pp. 136-142. (In Russ.).

7. Doynikova, M. I. (2019). Frazeologicheskie edinit sy s komponentom tsvetooboznacheniya blau (siniy) v nemetskom yazyke [Phraseological units with the blau (blue) color designation

component in German]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. Vol. 12. Iss. 10. Pp. 201-205. (In Russ.).

8. Kerimov, R. D. (2013). Lingvosimvolika tsveta v nemetskoyazychnoy politicheskoy kulture [The linguistic symbolism of color in German-speaking political culture]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 2 (44). Pp. 107-124. (In Russ.).

9. Mineeva, O. A., Pirogova, A. A. (2016). Nemetskie frazeologizmy s komponentom «siniy tsvet» i ikh mezhyazykovaya ekvivalentnost v russkom yazyke [German phraseological units with the component «blue color» and their interlanguage equivalence in Russian]. In *Mezhdunarodnyy nauchnyi zhurnal «Simvol nauki»*. No 11-4. Pp. 42-44. (In Russ.).

10. Tanygina, E. A. (2023). Eksperimentalnoe issledovanie obraza tsvetooboznacheniya sinii v yazykovom soznanii nositeley russkoy kultury [Experimental study of the image of the color designation blue in the linguistic consciousness of native speakers of Russian culture]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. Vol. 13. No 1. Pp. 80-97. (In Russ.).

11. Shabanova, A. M. (2018). Otrazhenie angliyskoy kultury vo frazeologizmakh s komponentom tsvetooboznacheniya [Reflection of English culture in phraseological units with a component of color designation]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. No 3. Pp. 531-533. (In Russ.).

12. Dobrovolskiy, D., Piirainen, E. (1997). *Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive*. Bochum: Brockmeyer.

13. Huber, P. (2013). «Blauer Montag»: Kleine Geschichte des Nicht-Arbeitens. In *Die Presse*. Available at: www.diepresse.com/1351674/blauer-montag-kleine-geschichte-des-nicht-arbeitens. (accessed: 15.08.2024)

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Hendrickson, R. (1997). *The Facts on File Encyclopedia of Word and Phrase Origins*. New York.

2. Jones, W. J. (2013). *Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen*. Berlin.

Ус Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: iuliia.us@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Us Yuliia N. – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Germanic philology (e-mail: iuliia.us@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 26 августа 2024

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42:81'27

© 2024 А. В. Алферов, Г. Е. Попова,
И. Г. Тамразова, И. Р. Курашенко

ИММАНЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА: НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ (2014-2022 гг.)

В статье рассматриваются семиотические механизмы, лежащие в основе выделения структурных единиц дискурсивного анализа политической речевой коммуникации, в частности, делиберативной интеракции во французском парламенте в исторической перспективе. Делается акцент на корреляции системных и функциональных характеристик, имманентных когнитивных процессах, формирующих выделяемые единицы, их структуре и их вербальных манифестациях в институциональной дискурсивной формации; приводятся полученные в ходе исследования структурные единицы с полифункциональным статусом, определяемым многомерным концептуальным пространством французского парламентского дискурса о России.

Ключевые слова: парламентская коммуникация, семиотический имманентизм, единицы дискурсивного анализа, предикатема, аксиологема, идеологема, политический нарратив.

© 2024 A. V. Alferov, G. E. Popova,
I. G. Tamrasova, I. R. Kurashenko

IMMANENT UNITS OF ANALYSIS OF PARLIAMENTARY DISCOURSE BASED ON RESEARCH ON EUROPEAN POLITICAL DELIBERATION (2014-2022)

The article examines the semiotic mechanisms underlying the allocation of structural units of the discursive analysis of political speech communication, in particular, the deliberative interaction in the French parliament in a historical perspective. The emphasis is placed on the correlation of the systemic and functional characteristics forming the selected units of analysis, immanent cognitive processes, their structure and their verbal manifestations in the institutional discursive formation. The structural units obtained in the course of the study with a multifunctional status determined by the multidimensional conceptual space of the French parliamentary discourse on Russia are presented.

Key words: parliamentary communication, semiotic immanentism, units of discursive analysis, predicate, axiologeme, ideologeme, political narrative.

Введение. Системный подход в методологии политической лингвистики ставит задачу определения единиц анализа исследуемого речезыкового материала. Критерием такого выделения служат ингерентные особенности политической коммуникации в различных ее ипостасях. Лингвистическая системность требует прежде всего

семиотического взгляда на природу и функции элементарных составляющих политического речевого (дискурсивного и текстового) взаимодействия. Каковы *априорные* и *аналитические структуры* единиц лингвополитического анализа, определяющие целесообразность их выделения наряду с обычными структурными уровневыми срезами «политического языка», начиная с фоностилистического анализа, через лексику и грамматику к текстовым и дискурсивно-коммуникативным элементарным сущностям (квантам), составляющим структуру политической коммуникативной системы. Априорные имманентные структурные элементы отражают внутреннюю семиотическую организацию политического дискурса, аналитические элементы представляют собой отражение значимости (релевантности) имманентных семиотических характеристик в динамике политической коммуникации в нашем исследовании – на материале европейского парламентского дискурса [Алферов, Белова, Кустова, 2014; Алферов, Кустова, Попова, 2015; Алферов, 2019].

Постановка проблемы. Несомненным ключом к *априорным основаниям* выделения элементов лингвополитического анализа выступают принципы семиогенеза, основанные на сосюрговской «дихотомии» плана выражения и плана содержания («означающее и означаемое»), осложненной «значимостью», то есть функциональной релевантностью элемента в системе речезыкового целого [Соссюр, 1990]. Эта, практически не отмеченная как таковая, *трихотомия* резонировала по сути с пирсовской триадой «репрезентамен – объект – интерпретанта» [Пирс, 2000], вводящей в семиозис когнитивно-прагматический фактор, интеракциональную перспективу бисубъектности взаимодействующих сознаний – проспективно интерпретирующего продуцента и реактивно интерпретирующего реципиента [Алферов. 2001; 2011].

Главный постулат, постоянно исчезающий из фокуса внимания современных лингвистов, объединяющий системную объективизацию Ф. де Соссюра и когнитивно-прагматическую субъективизацию Ч. С. Пирса, заключается, как ни странно, в *имманентности семиотической системы* («в себе и для себя»). Поясним это положение.

Обычно «лингвистическая прагматика» представляется чем-то внешним по отношению к языковому знаку, апеллируя к понятиям «употребления знака», «контекста / ситуации употребления», «языковой воли» / «креативности» говорящего и «фактору адресата» как потенциальной возможности «когнитивных искажений» в интерпретации собеседника.

Однако, как указывал Пирс, «интерпретанта есть *внутреннее свойство знака* быть интерпретируемым» [Пирс, 2000], то есть в самом знаке, который проходит как минимум три ипостаси когнитивного семиогенеза (порождение – передача / обмен – интерпретация),

мы должны видеть как минимум три элементарных свойства знака в употреблении: 1) интенциональность; 2) иллокутивность; 3) пропозициональность – потенциальный / перформативный (совокупный) смысл (экспликатура и импликатура). В речевом взаимодействии имманентными свойствами знака становятся: 4) интересубъективность (интерперсональность); 5) диалогическая (интеракциональная) дискурсивная зависимость; б) релевантность (логическая, аргументативная, персуазивная и т. д.) [Попова, 2019].

Другими словами, контекст выступает не как внешняя рамка функционирования некоего априорно цельного знака («слова», «словосочетания», «высказывания», «текста»), а является имманентной ментальной «контекстуальной когнитивной моделью» [Dijk, 2008] самого знака, вмещающей в когнитивно-интеракциональной интерпретанте знака (не материальной сущности, а семиотическом поли-D пространстве) – медиатора между взаимодействующими коммуникантами – как минимум три интерпретационных поля: деятельностное, дискурсивное и смысловое (пропозициональное).

Любой межсубъектный семиозис как а) *осмысленно интенциональное*, б) *вербализованное (элокутивное)* и в) *интерпретируемое* межсубъектное когнитивное пространство воплощается в материальной звуко-письменной форме, имманентно несущей в себе эту триединую коммуникативную «рамку», то есть когнитивно-дискурсивный фрейм, имеющий многомерную «фасеточную» структуру [Алферов, Кустова, Курашенко, 2022]).

Таким образом, говоря об актуализированном в речи семиозисе, любой материальный носитель («репрезентамен») – слово, словосочетание и т. д. – имеет многомерную фреймовую структуру, обусловленную, как принято называть, социопсихологической, концептуальной, институциональной, этнокультурной и лингвокультурной и прочими детерминантами. Осмелимся предположить, что любой полный знак имеет в речи потенциальный статус, расширяющий его значение до смысловой, концептуальной матрицы («КОНЦЕПТА»), несущей многообразие смысла «*in posse*» – «*in fieri*» – «*in esse*» [Алферов, Курашенко, Попова, 2016].

Такие а priori спекулятивно-имманентные характеристики единиц, релевантных для анализа речезыкового материала в политическом, в частности, парламентском дискурсе, должны инкарнироваться в материальные, а posteriori вербальные аналитические элементы, позволяющие исследовать многомерное интеракциональное пространство политической коммуникации. Например, Д. Мэнгено разделяет единицы анализа дискурса на иерархические «домённые» (от термина «домён» – концептуально-дискурсивная область –

unités domaniales) и горизонтальные «сетевые» (unités transverses) [Maingueneau, 2021]. Доменные единицы определяют вертикальную структуру дискурсивной области (champ discursif): политическая / парламентская / пленарные слушания / запрос правительству / проект закона и т. д.; сетевые определяют интеракциональность: декларации / дебаты / реплика из зала и т. д. Д. Менгено полагает, что политическая ангажированность и партийная корпоративность поляризует дискурсивное поле парламентской коммуникации [Maingueneau, 2021: 91].

Ход и результаты исследования. Материализация когнитивного фрейма в деятельностном континууме происходит посредством речевого (дискурсивного) фрейма в рамках **дискурсивной формации** [Foucault, 2008], то есть когнитивно-интеракционального пространства, которое позволяет вербализовать (актуализировать) релевантные «кванты знаний», коими являются концепты-знаки, сформировавшиеся в сознании когнитивных коммуницирующих субъектов (в нашем случае – парламентариев) в процессе институционально детерминированной речевой интеракции (например, парламентской делиберации).

Различные характеристики парламентской дискурсивной формации (ПДФ) приводились не раз, но в качестве обобщающего представления ПДФ приведем здесь следующее определение парламентской делиберации: «Процесс принятия решения, т. е. когнитивный процесс, в результате которого на логико-рациональной основе из ряда альтернативных сценарных разверток выбирается единственный курс действий. Речевое взаимодействие во время дебатов включает в себя не только обмен информацией, но и динамический процесс переговоров, т. е. обговаривания значений, взаимовлияние действий партнеров по политической коммуникации и их реакции» [Правикова, 2018: 359].

Добавим к этому, что отличие парламентской делиберации от политической коммуникации вообще и дискурса дебатов, в частности, состоит в «конклюзивности» вербализуемых концептов: интеракциональная полемическая делиберация рождает ТЕКСТ, имеющий законодательный статус, утверждаемый мажоритарным голосованием [Алферов, Кустова, 2019].

Поэтому к вышеприведенным характеристикам **значимости** речевых единиц парламентской делиберации (аргументативной дискуссии) добавляется такая характеристика, как *элокутивная сила* (элокуция как сила / власть произнесения). Любая стенограмма французского парламента имеет следующий юридический «дисклеймер»: «*Seul le prononcé fait foi*» – «*Только произнесенное имеет статус закона*», что позволяет говорить об *элокутивной силе* как о *степени коммуникативной ответственности* форм

речевой интеракции вообще (ср. «слово не воробей»).

Таким образом, правила ПДФ – это правила «перераспределения дискурсивных данных», то есть взаимодействия всех элементов ДФ, которые определяются процессами концептуализации и категоризации, устанавливающими сущностную связь между элементами дискурсивной формации. Деятельностно-дискурсивный фрейм становится «внутренней формой», мотивирующей порождение смысла интеракционального семиозиса в виде вербализованных концептуальных матриц – номинаций (слов), коллокаций (словосочетаний), сентенциальных пропозиций (высказываний). Однако подчеркнем, что ПДФ в целом – это не только «про слова» (элокутивная ответственность / прецедентность, аргументация *ad verecundiam* и т. д.), но в еще большей степени ПДФ создает интеракциональные смыслы (различные концептуализации), соединяющиеся, по М. Фуко, в «пучок связей, которые дискурс должен установить, чтобы иметь затем возможность говорить о тех или иных объектах, чтобы иметь возможность их обсуждать, называть, анализировать, классифицировать, объяснять и т. д. Эти отношения характеризуют не тот язык, который использует дискурс, не обстоятельства, при которых он разворачивается, но сам дискурс как практику» [Фуко, 2004: 72, 106].

В результате проведенного исследования коммуникации европейского парламентаризма, в частности, концептуализации России в парламентском дискурсе Франции [Алферов и др., 2019], мы определили следующие аналитические структурные единицы парламентской политической делиберации.

Матричный концепт RUSSIE – РОССИЯ, состоящий из семантических кодоменов (*Russie comme Etat; Russie comme territoire, etc.*), выступая доменной областью для различных объектов концептуализации, включает выделяемые концептуальные объекты (области) в свою фреймо-слотовую структуру.

Так, выделяя фрейм *Diplomatie – Дипломатия* – в дискурсивной концептуализации России в ПДФ, необходимо включить в него профилируемый подфрейм *Crises – Кризисы* (*conflit géorgien, conflit syrien, etc.*). Тогда событийная актуальность как фактор профилирования включает в данный подфрейм слот *la crise de Crimée – Крымский кризис*, состоящий в свою очередь из ряда пропозиций (сентенциальных и номинативных предикатом-аксиологем), имеющих свою денотативную и коннотативно-аксиологическую семантику (*l'annexion / le retour / le rattachement – аннексия / возвращение / воссоединение*). Таким образом, основное имманентное свойство *вербализации* концепта – **предикация**, осуществляемая в дискурсе концептуализации, представляет собой

иерархию предикатом (аксиологем-идеологем) различного уровня обобщения.

Основной единицей *концептуально-когнитивного уровня* анализа парламентского дискурса становится, либо свернутая в слове / словосочетании, либо развернутая в высказывании, **пропозиция** – ментальная репрезентация референциального объекта и/или события в дискурсивном выражении. Основной единицей *концептуально-дискурсивного уровня* является дискурсивно-семантический коррелят пропозиционального содержания – **предикатема**. В когнитивном аспекте предикация осуществляет профилирование какого-либо объекта относительно «концептуальной базы», или домена (насколько данный объект охватывает, исходную доменную область) [Langacker, 2008]. В поляризованном парламентском дискурсе предикатемы становятся **аксиологемами** – знаковыми единицами, служащими для формирования оценочных категорий. В результате стереотипизации аксиологических предикатом формируются устойчивые **идеологемы** концептуального пространства политической коммуникации. Мы рассматриваем единицу концептуализации как воплощенную в дискурсе полиструктурную языковую форму, проявляющую концептуальные признаки (фреймы, слоты) матричного концепта – от лексической единицы до имплицитно / эксплицитно развернутого высказывания – **нарратива**. Политический нарратив выступает как основная, полная и динамическая единица концептуализации парламентской дискурсивной формации. Политический нарратив, имея в пресуппозиции текстовую структуру, подвержен имплицитной редукции и превращению в ёмкую лексико-паремическую одно-двухфразовую форму – малоформатный текст как (развернутую) сентенциальную предикатему, формально и содержательно коррелирующую с идеологемой, но обремененную более актуальным событийно-историческим контекстом (знанием). Например, идеологема *l'élargissement de l'OTAN – расширение НАТО (на Восток)*, превращается в *нарратив* для тех, кто знает, что существовала устная договоренность (с главой государства в лице М. С. Горбачева) о нерасширении Атлантического блока в ответ на добрую волю СССР объединить Германию. Обещание было вероломно нарушено лидерами западных держав, продолжающих политику эскалации.

Историзм нарратива может быть направлен в прошлое («*L'effondrement de l'Union soviétique a été la plus grande catastrophe géopolitique*» – «Крушение Советского Союза стало величайшей геополитической катастрофой»), настоящее («*Les Russes ont le sentiment qu'ils ont accompli quelque chose d'historique*» – «Русские осознают, что делают нечто исторически важное»); («*La Russie reprend une position de puissance*» – «Россия восстанавливает положение великой державы») или в будущее («*L'affaire iranienne ne*

peut pas être résolu sans la Russie» – «Проблема Ирана не может быть решена без России»). Нарратив в политике выполняет ряд основных функций: фактуально-событийную, идеологическую, аргументативную, программно-суггестивную и др.

Совокупность языковых, семантических и дискурсивно-концептуальных единиц – предикатом – аксиологом – идеологом – нарративов – структурирует **результат концептуализации**, обладающий градуальной иллокутивной и элокутивной силой, реализуемых в парламентских устных выступлениях (дебаты) и письменных текстах, (декларации, поправки к законам, законы, конституция).

Выводы. Элементарная имманентная единица анализа – предикатема – это дискурсивная единица, которая формируется в результате предикативного взаимодействия речезыковых единиц, структурированных в соответствии с условиями конкретного акта коммуникации, отражает полные, свернутые и редуцированные пропозиции (слоты, фреймы) и является операциональной единицей анализа внутреннего лингвистического программирования – концептуализации и (ауто)суггестивного воздействия. Путь семиотической контаминации *предикатемы – аксиологемы – идеологемы – нарратива* лежит через стереотипизацию (когнитивный стереотип) и узуальность той или иной номинативной, коллокативной или сентенциальной предикатемы в функции рационально-эмоциональной оценки отрезка действительности (референта) с позиций идеологической и политической целесообразности (релевантности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В. Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия (на материале французского языка): дисс. д-ра филол. наук: 10.02.05. Пятигорск, 2001. 300 с.
2. Алферов А. В. Интеракциональная лингвистика и структура диалога // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 135-137.
3. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Тамразова И. Г., Червоный А. М. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки. Москва, 2019. 248 с.
4. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 21-26.
5. Алферов А. В., Курашенко И. Р., Попова Г. Е. The dynamics of Russia's conceptualization in the parliamentary discourse in contemporary Europe // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 1. С. 117-121.
6. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Делиберативный дискурс как механизм политической интеракции: стратегия исследования // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Т. 15. № 1-2 (43-44). С. 85-92.
7. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Курашенко И. Р. Лингвистический взгляд на

политическую концептологию: Россия в парламентском дискурсе современной Франции // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2022. Т. 18. № 1 (55). С. 42-52.

8. Алферов А. В., Кустова Е.Ю., Попова Г. Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2015. № 2 (52). С. 57-62.

9. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 350 с.

10. Попова Г. Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2019. № 1 (73). С. 81-89.

11. Правикова Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 359-362.

12. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. Москва: Прогресс, 1990. 275 с.

13. Фуко М. Археология знаний. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.

14. Dijk T. A. van. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 282 p.

15. Foucault M. *L'archéologie du savoir*. Paris: Gallimard, 2008. 294 p.

16. Langacker R. W. *Cognitive grammar*. New York: Oxford University Press, 2008. 562 p.

17. Maingueneau D. *Discours et analyse du discours*. Paris: Armand Colin, 2021. 224 p.

REFERENCES

1. Alferov, A.V. (2001). *Interaktsionalnyy deyxsis kak sredstvo organizatsii rechevogo vzaimodeystviya (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Interactional deixis as a means of organizing speech interaction (based on the material of the French language)]: diss. d-ra filol. nauk: 10.02.05. Pyatigorsk. (In Russ.).

2. Alferov, A. V. (2011). Interaktsionalnaya lingvistika i struktura dialoga [International linguistics and the structure of dialogue]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No 4. Pp. 135-137. (In Russ.).

3. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Popova, G. E., Tamrazova, I. G., Chervonnyy, A. M. (2019). *Evropeyskiy parlamentskiy diskurs: prolegomeny k teorii politicheskoy rechevoy interaktsii. Pragmalingvisticheskie ocherki* [European Parliamentary Discourse: Prolegomena to the theory of political speech interaction. Pragmalinguistic essays. Collective monograph]. Moskva. (In Russ.).

4. Alferov, A. V., Belova, V. F., Kustova, E. Yu. (2014). Agonalnost parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) [The agonality of parliamentary communication (based on the debate in the German Parliament)]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 4 (50). Pp. 21-26. (In Russ.).

5. Alferov, A. V., Kurashenko, I. R., Popova, G. E. (2016). The dynamics of Russia's conceptualization in the parliamentary discourse in contemporary Europe. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No 1. Pp. 117-121. (In Russ.).

6. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu. (2019). Deliberativnyy diskurs kak mekhanizm politicheskoy interaktsii: strategiya issledovaniya [Deliberative Discourse as a mechanism of political interaction: a research strategy]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 15. No 1-2 (43-44). Pp. 85-92. (In Russ.).

7. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Kurashenko, I. R. (2022). Lingvisticheskiy vzglyad na politicheskuyu kontseptologiyu: Rossiya v parlamentskom diskurse sovremennoy Frantsii [A Linguistic View of Political Conceptology: Russia in the Parliamentary Discourse of Modern France]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 18. No 1 (55). Pp. 42-52. (In Russ.).

8. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Popova, G. E. (2015). Relevantnost v kontseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse [Relevance in the conceptualization of Russia in French parliamentary discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 2 (52). Pp. 57-62.

9. Peirce, Ch. S. (2000). *Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [The logical foundations of the theory of signs]. Sankt-Peterbug: Aleteyya. (In Russ.).

10. Popova, G. E. (2019). Kognitivno-pragmaticheskaya kategoriya relevantnosti v strukture parlamentskoy i politicheskoy kommunikatsii [The cognitive-pragmatic category of relevance in the structure of parliamentary and political communication]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 1 (73). Pp. 81-89. (In Russ.).

11. Pravikova, L. V. (2018). Persuazivnost kak kognitivnaya strategiya v parlamentskom diskurse [Persistence as a cognitive strategy in parliamentary discourse]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No 1 (79). Ch. 2. Pp. 359-362. (In Russ.).

12. Sosyur, F. (1990). *Zametki po obshchey lingvistike* [Notes on general linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

13. Fuko, M. (2004). *Arkheologiya znaniy* [The Archaeology of Knowledge]. Sankt-Peterbug: Gumanitarnaya Akademiya. (In Russ.).

14. Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

15. Foucault, M. (2008). *L'archéologie du savoir*. Paris: Gallimard.

16. Langacker, R. W. (2008). *Cognitive grammar*. New York: Oxford University Press.

17. Maingueneau, D. (2021). *Discours et analyse du discours*. Paris: Armand Colin.

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации (e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Alferov Aleksandr V. – Doctor of Philology, Professor of French Philology and International Communication Department (e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9, Kalinina av., Pyatigorsk, 357532

Попова Галина Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: gepopova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет»
414056, Астрахань, ул. Татищева, 16

Popova Galina E. – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: gepopova@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Technical University»
16 Tatichsheva str., Astrakhan, 414056

Тамразова Илона Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: ilona999@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет»
107023, г. Москва, ул. Большая Семеновская, 38

Tamrazova Ilona G. – Doctor of Philology, Associate Professor of Foreign Language Department (e-mail: ilona999@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University»
38, Bolshaya Semenovskaya st., Moscow, 107023

Курашенко Игорь Романович – аспирант
кафедры французской филологии
и межкультурной коммуникации
(e-mail: yasik0381@yandex.ru),
Федеральное государственное
образовательное учреждение высшего
образования «Пятигорский государственный
университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Kurashenko Igor R. – Postgraduate Student
of the Department of French Philology
and Intercultural Communication
(e-mail: yasik0381@yandex.ru),
Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9, Kalinina av., Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 22 июля 2024 г.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРАДОКСАЛЬНОГО МОДУСА ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье выявлены и проанализированы синтаксические составляющие французского парадоксального модуса повествования через призму экспликации модусно-модальных показателей всего спектра модусных смыслов на материале драматургического произведения А. Камю «Калигула». Драматургический дискурс абсурда А. Камю рассматривается как одна из форм эмерджентных образований, которая характеризуется повышенной условностью, метатеатральностью, что создает условия для понимания статуса и функционального потенциала дискурсов этого типа в современной французской когнитивной лингвистике. В данной статье описывается и предлагается к использованию когнитивно-дискурсивный метод анализа, метод экспликации модусных смыслов и значений во французском драматургическом дискурсе абсурда. Метод включает основной прием функционально-смыслового и коммуникативно-прагматического характера – парадоксальный модус повествования как когнитивный «механизм» раскрытия ключевых модусных смыслов и значений.

Ключевые слова: синтаксический концепт, парадоксальный метод, когнитивная лингвистика, драматургический дискурс абсурда, модусно-модальные смыслы.

© 2024 A. Ya. Belykh, T. N. Globa

SYNTACTIC CONCEPTS AS LINGUOCOGNITIVE REPRESENTATIVES OF THE FRENCH PARADOXICAL MODE OF NARRATION

The article identifies and analyzes the syntactic components of the French paradoxical mode of narration in terms of explication of modus-modal indicators of the entire spectrum of modus meanings based on the dramatic work of A. Camus «Caligula». The dramatic discourse of the absurd by A. Camus is considered as one of the forms of emergent formations characterized by increased conditionality and metatheatricity, which creates conditions for understanding the status and functional cognitive potential of discourses studied in modern French cognitive linguistics. This article describes and suggests the use of a cognitive-discursive method of analysis, a method explicating modus meanings and meanings in the French dramatic discourse of the absurd. The method includes the main technique of a functional-semantic and communicative-pragmatic nature – the paradoxical mode of narration as a cognitive «mechanism» for revealing key modal meanings and senses.

Key words: syntactic concept, paradoxical method, cognitive linguistics, dramatic discourse of the absurd, modus-modal meanings.

В рамках антропологической парадигмы формируется новое направление – когнитивная лингвистика, которая возникла и развивалась на базе когнитивной науки. Такие русские и зарубежные ученые-лингвисты как В. В. Виноградов, И. В. Крушевский, Е. С. Кубрякова, М. М. Покровский, Ю. С. Степанов, Г. Г. Шпет, Р. Лэнскер, Ж. Фоконье, Д. Лакофф, Г. Томпсон внесли свой вклад в развитие научных исследований

человеческого разума и мышления, т. е. познавательной деятельности человека, и связанных с познанием (фр. *kognition*) структур и явлений во всех аспектах их получения, хранения, переработки и использования. И лингвокогнитология как новый этап изучения сложных отношений языка и мышления позволила увидеть эти результаты активной деятельности человека в языковых формах. Современный этап развития когнитивной лингвистики характеризуется изучением одного из центральных разделов когнитологии – когнитивной семантики как общей теории концептуализации и категоризации. И драматургический дискурс абсурда (далее ДД-абсурда) как понятие социального и психологического феномена мы рассматриваем в нашем исследовании на семантико-прагматическом уровне, который способствует выявлению модусно-модальных форм, смыслов, создающих напряжение и «эффект» повествования в тексте пьесы А. Камю «Калигула», который, следуя формуле Жака Деррида «Все есть дискурс», трактуется нами как дискурс, как предпочтение термина «дискурс» термину «текст». По утверждению А. Камю, французского философа, писателя, драматурга, человеческая свобода и возможность придать жизни смысл лежит в подтверждении абсурдности человеческого существования. Необходимо отметить, что концепция абсурда была разработана в отечественной и зарубежной науке как отношение двух «полюсов»: лингвистический феномен (О. Г. Ревзина, И. И. Ревзин) и как определенный способ существования человека в мире (М. Б. Ямпольский, Д. В. Токарев, Б. Клюев). Понятие «абсурд» (от латинского *absurdus* ‘нелепый’) считается до настоящего времени «самым описательным, не конкретным», также как категории пародии, гротеска. Под влиянием экзистенциальной философии С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, А. Камю, Ж.-П. Сартра, возникает философия абсурда как антологическая характеристика, которая становится знаком «сущности» человеческого существования и отражает существующую упорядоченность / неупорядоченность явлений объективного мира, оказывает влияние на лингвистическую интерпретацию бытия. Экзистенциальная концепция абсурда А. Камю представлена его «Циклом абсурда» (*Le cycle de l'absurdité*), включающим повесть «Посторонний» (*L'étranger*), философское эссе «Миф о Сизифе» (*Le mythe de Sisyphé*) и пьесу («трагедию абсурда», «трагедию разума») «Калигула» (*Caligula*). Чувство абсурда, которое французский писатель обосновал в своей трилогии – это «свобода, бунт и страсть», «это разрыв между человеком и его жизнью», «это ряд жизненных ситуаций, которые порождают чувства абсурда». В «Мифе о Сизифе» писатель ставит проблему абсурда, а в драматургическом произведении «Калигула» А. Камю работает с этой проблемой, смешивая трагическое и ироническое, раскрывая своеобразие человеческого

«бытия» и сознания в свете постмодернистского парадоксального модуса повествования.

Следует отметить, что выявление концептуальных параметров абсурда потребовало рассмотрения смежных феноменов (концептов): парадокса и нонсенса. Мы разделяем точку зрения, что абсурд и нонсенс представляют крайнюю степень отклонения от нормы (это явление не наблюдается в пьесе «Калигула») в отличие от парадокса, находящегося на периферии нормы, в зоне «переходности». Зафиксируем следующее мнение, что парадокс, основанный на внутреннем противоречии, не исключает логической правильности рассуждений. Именно поэтому в нашем исследовании определяем парадоксальный, а не абсурдный, модус повествования как объект исследования. Парадокс повествования в пьесе «Калигула» реализуется через комплекс концептуально значимых смыслов, выявленных в результате анализа речевых актов (высказываний) главного персонажа произведения – Калигулы. Акт коммуникации, построенный императором на конструировании абсурдных (парадоксальных) игровых ситуаций и смене масок (Я – «Учитель», Я – «Режиссер», Я – «Бог»), не предполагает партнера, участника этой игры. В этом интрига игры Калигулы, ее парадоксальный характер. Герой трагедии создает замкнутое пространство, в котором абсурд проявляется на уровне мироощущений Калигулы и подтекста, т. е. эксплицитных и имплицитных модусных смыслов, репрезентируемых в пьесе синтаксическими единицами (концептами), представляющими результат когнитивной деятельности главного героя. При этом модусно-модальные отношения выступают как маркеры когнитивных блоков информации.

Итак, предметным полем модусно-модальных исследований в «трагедии абсурда» А. Камю «Калигула» является парадоксальный модус повествования как измерение «затекстовой реальности», содержащейся в речевых актах (высказываниях) главного персонажа пьесы – Калигулы в последовательности диктумных событий, заявленных автором: «Отчаяние Калигулы» (*Désespoir de Caligula*), «Игра Калигулы» (*Jeu de Caligula*), «Калигула – Божество» (*Divinité de Caligula*) и «Смерть Калигулы» (*Mort de Caligula*). Парадоксальный модус повествования выступает в нашем анализе этих диктумных события как «радикальное (парадоксальное) размежевание» сложных измерений героем реальности: бытие–для–других (Я–для–других) и бытие–для–себя (Я–для–себя), меняющих акцент преподнесения событий (ситуаций), передача когнитивной информации которых репрезентируется с помощью набора синтаксических концептов (экзистенциональных, экспериментальных, а также концептов внутреннего состояния) по классификации Т. Е. Борисовой, О. Г. Цыганской [Борисова, Цыганская, 2019: 120].

Актуальность темы исследования обусловлена активным развитием в когнитивной лингвистике такой разновидности анализа художественного дискурса, которая направлена на исследование категоризации и концептуализации языковых единиц всех форм отражения сознания. С другой стороны, необходимо отметить, что лексическая и морфологическая системность художественного дискурса и драматургических типов дискурса изучена хорошо, но синтаксические особенности, а именно, модусный потенциал эмоционального французского синтаксиса требует своего системного исследования как особого средства организации, обработки и передачи информации. Рассмотрение вопросов, связанных с исследуемой тематикой, имеет как теоретическую, так и практическую цель. Результаты исследования могут быть использованы для разработки методики оптимизации анализа французского художественного и драматургического дискурсов, а также при подготовке спецкурсов по данной проблеме.

Объектом исследования является когнитивно-коммуникативное пространства ДД-абсурда на примере пьесы А. Камю «Калигула» как самостоятельного объекта, имеющего особую модусно-модальную организацию.

Предметом исследования выступает модусно-модальное разнообразие драматургического речевого пространства, представленное разными типами синтаксических концептов парадоксального модуса повествования.

Материалом исследования является пьеса А. Камю «Калигула» [Camus].

Цель данной работы заключается в выявлении и описании синтаксических концептов, экзистенциальных, а также эмоционально-душевного состояния, репрезентирующих модусно-модальные позиции в реальных речевых актах (высказываниях) главного героя пьесы – Калигулы сквозь призму когнитивного механизма исследования – парадоксального модуса повествования как обратной стороны модусного потенциала речевых актов. В соответствии с целью необходимо решить следующие **задачи**:

– уточнить категориальный статус понятий «модус», «модусные категории», «модальность», уточнить соотношение категорий «модус» и «модальность»;

– определить роль синтаксических концептов в познавательной деятельности человека как центральной единицы когнитивной лингвистики, определить подходы к пониманию структурной схемы, типовой схемы как минимального абстрагированного компонента смысла;

– выявить и проанализировать синтаксические концепты – корпус синтаксических средств, репрезентирующих модусно-модальные смыслы и значения на когнитивном пространстве ДД-абсурда А. Камю; определить и проанализировать потенциал

парадоксального модуса повествования в декодировании истинных намерений автора.

Проблематика исследования языковой категоризации находит свое отражение в языке в виде трех систем категоризации: лексической, грамматической и модусной или интерпретирующей. И третья система – модусная, вызывает наибольший интерес как наименее изученная с когнитивной точки зрения. Категория модуса обязана своим появлением в лингвистике швейцарскому ученому-лингвисту Шарлю Балли, который ввел понятия диктума (лат. *dictum* – ‘сказанное’) и модуса (лат. *modus* ‘образ’, ‘способ’). По мнению Ш. Балли «диктум – это есть «чистое порождение ума», тогда как «психологическая реакция» является актом субъективного реагирования на представленное в диктуме, это «некая логическо-психологическая переменная к ситуации, факту» [Балли, 2003: 16]. Следует отметить, что достижения в области предметно-логического и оценочно-выразительного содержания любого высказывания связаны с именами известных отечественных ученых, таких как Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, В. Г. Гак, А. А. Потебня, Т. В. Шмелева, а также с работами лингвистов романской школы – Ш. Балли, Э. Беневиста, Ф. Брюно, Л. Теньера. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, выделенный Ш. Балли модус порожден «произносимым или внутренним диалогом и выражает отношение адресата к реплике говорящего, придавая сообщаемому определенные субъективные смыслы (эксплицитные, располагающие «большим кругом» языковых средств) и имплицитные «неуловимые смыслы». И эти передаваемые смыслы предложения, согласно теории модульных высказываний Н. Д. Арутюновой, классифицируются по четырем основным аспектам: сенсорному, ментальному, эмотивному и воливному [Арутюнова, 2023: 107]. Т. В. Шмелёва в своей работе «Семантический синтаксис» также отметила, «что модус предложения – один из самых трудноуловимых феноменов, главное в модусе его смыслы, а не формы» [Шмелёва, 1994: 28]. Концептуальная типология модусных категорий В. Г. Гака, Т. В. Шмелёвой выделяет следующие типы модусных категорий и соответственно «смыслов»: актуализационные категории: (соотнесенность сообщаемого в диктуме с реальной действительностью в координатах «лицо» – персонификация; «модальность» – характер сообщения; «время и пространство» – локализация); кваликативные категории (отношение говорящего к событиям – авторизация, эмоциональная оценочность); социальные категории (выражение отношения говорящего к собеседнику).

Данная типологическая классификация решает, на наш взгляд, проблему соотношения понятий «модус» и «модальность». Мы разделяем точку зрения ученых-

лингвистов В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, В. В. Виноградова, Ш. Балли, которые считают, что термин «модус» и «модальность» связаны между собой в аспекте эмоционально-психологического восприятия. Но понятие «модус» шире понятия «модальности», так как модус представлен в лингвистике как «авторство», как «душа» предложения, как «результат» ментальной активной деятельности, которую осуществляет субъект речи с диктумом. А модальность как одна из категорий модуса определяет, по утверждению И. Р. Гальперина, смысловую структуру высказывания. Классическим является определение модальности Ш. Балли – это «языковая форма выражения интеллектуальной или эмоциональной оценки, либо некоего волеизъявления, которое высказывается мыслящим субъектом по поводу какого-либо восприятия или представления» [Балли, 2003: 215]. В. В. Виноградов ввел понятие «точка зрения говорящего» как лингвистическую позицию, относительно которой и образуется модальность» [Виноградов, 1975: 268].

Итак, модальность всегда эксплицитна и выражена грамматическими средствами: модальными глаголами, выражающими отношение субъекта к действию; наклонением, выражающим отношение содержания высказывания к действительности в модусе данности или в модусе возможности, формирующие предложение в единстве времени, лица и модальности согласно трем типам (по определению В. Г. Гака): по характеру сообщения, по характеру концепции действительности, по характеру отношения к действительности. Следует уточнить, что понятие синтаксической модальности шире морфологической, первый тип более разнообразен по формам выражения и по степени выражаемых значений. Модальный синтаксис как новый раздел синтаксической науки призван исследовать семантику языка, прежде всего, синтаксических единиц. Во французской грамматике нет единого мнения о содержании категории модальности. Но авторы статьи, основываясь на классификации выражения модальных значений языкового (синтаксического) материала В. Н. Ярцевой, считают, что и характер коммуникативной установки (утверждение – вопрос – побуждение), и градус значений в диапазоне (реальность – гипотетичность – ирреальность), и признак (утверждение – отрицание), и эмоциональные оттенки высказывания относятся к синтаксической модальности [Ярцева, 1981: 56]. Но для нашего исследования важно отметить тот факт, что концепция модусно-модального уровня не ограничивается высказыванием, модус на материале высказывания уже имеет свою, проанализированную нами теорию. На данном этапе необходимо рассмотреть модус на уровне дискурса, который (модус), по определению Т. В. Шмелёвой, является органической семантической частью

дискурса, способом «маскировки истинных намерений говорящих». Он способен выстраивать линии последовательности, определяя отношение автора, который сразу задает модусную рамку, а также формируя «сложные модусные перспективы» внутри заданной рамки самыми разнообразными модусно-модальными смыслами, тем самым работая на идею всего дискурса.

Таким образом, модус, модус и модальность, модус и оценочность – это особый тип сознания, в рамках которого оформляется содержание высказываний в ДД-абсурде А. Камю, метакатегорией которого предстает парадоксальный модус повествования (далее п/модус). Актуализация п/модуса повествования обоснована его «дуализмом», «двойным кодированием», парадоксальным сопоставлением двух миров (объективного и субъективного), различными модусными измерениями реальности / ирреальности, «смыслами», наблюдаемыми изнутри субъективной установки. Поиск этих «смыслов» высказываний и, в конечно итоге, всего повествования представляется по О. Дюкро как создание нового общего для собеседников (Актанта 1 и Актанта 2) когнитивного пространства, «константы» которого влияют на «совокупность ментального и речевого пространства» [Ducrot, 1996: 29]. Но парадоксальность поиска смыслов состоит в том, что нет общего когнитивного пространства, общих ситуаций, идей, оценок для Калигулы и его собеседников. Ноль информации для участников речевого акта, хотя эксплицитно мысль императора выражена правильно (эксплицитная модальность). Эффект воздействия также нулевой, так как модальность проявляется сильным модусным концептом – «Я» (императивная модальность). Для исследования полной картины когнитивной деятельности героев драматургического произведения А. Камю «Калигула» необходимо, на наш взгляд, проанализировать концептуальное синтаксическое пространство, в процессе «развертывания» которого происходит взаимопроникновение модусных смыслов и модусных перспектив в рамках общих когнитивных «фреймов» (ситуаций), и рассмотреть когнитивные механизмы отражения содержания синтаксических концептов (далее с/к). Семантико-когнитивное направление нашего исследования опирается на научные работы таких учёных, как Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов. Само слово «концепт» (от лат. *conceptus* – понятие, представление о чем-либо) представляет собой многоаспектную ментальную единицу, что влечет за собой «множественность» толкований. Так, Ю. С. Степанов определяет концепт «как часть культуры»; Н. Д. Арутюнова характеризует концепт «как философское понятие»; Е. С. Кубрякова отмечает, что процесс концептуализации – это человеческий

опыт в идеальном содержательном представлении [Кубрякова, 2004: 7]. Для нашего исследования важным и определяющим является понимание природы концепта как явления, репрезентируемого в языке не только лексемами и свободными словосочетаниями, но и «структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые позиции – синтаксические концепты» [Орлова, 2009: 14]. Изучение концептов, репрезентируемых синтаксическими средствами (синтаксическими концептами), также нашло отражение в целом ряде работ. Выделим наиболее значимые для нашего исследования. Так, В. Д. Попова, Г. А. Волохина, И. А. Стернин, определяя «синтаксический концепт как осмысленную ситуацию, выраженную в предложении определенной структуры», различают формальную позиционную схему предложения и смысловую сторону высказывания – пропозицию [Попова, Стернин, 2002: 83]. Типовые пропозиции представлены стандартными последовательностями словоформ – структурными схемами простого предложения. Типовая пропозиция составляет содержание структурной схемы простого предложения. Эта пропозиция и есть синтаксический концепт [Волохина, 1999: 59].

В когнитивистике различают три подхода к пониманию структурной схемы: первый определяет, по мнению Н. Ю. Шведовой, структурный минимум предложения как субъектно-предикативную основу; второй, по В. А. Белошапковой, выделяет и минимальную, и расширенную схему предложения, куда могут входить второстепенные члены предложения. Третий подход включает точку зрения Н. Д. Арутюновой и Г. А. Золотовой, которые выделяют номинативную или информативную основу предложения. Необходимо отметить, что структурная схема предложения является языковым знаком, позиционная – знаком речевым, а высказывание, объект нашего исследования, предстает, по мнению В. Г. Гака «сложным речевым знаком, который включает не только синтактику и семантику (означающее и означаемое), но и прагматику как конкретную речевую реализацию пропозиции, на уровне которой высказывание становится элементарной единицей практического уровня языка [Гак, 2023: 563]. Такие высказывания обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая обязательный порядок слов и наличие строго определенных и ограниченных в варьировании грамматических форм и допускают свободное лексическое наполнение. В свою очередь, Е. В. Падучева в своей монографии «О семантике синтаксиса» отмечает, что высказывание может рассматриваться с трех позиций: анализ формы, т. е. структурной схемы, анализ значения, т. е. пропозиции как потенциального концепта предложения; и анализ функций – дискурсивность (высказывание в определенном

контексте) [Падучева, 2009: 45].

В последние годы появляются работы, в которых доказывается перспективность изучения и текстовых дискурсивно-стилистически маркированных концептов [Алферов, 2009: 36], и морфологических концептов [Беседина, 2010: 379], что во многом обогащает исследования в области морфологических и синтаксических концептов.

Таким образом, функциональный, когнитивно-семантический подход, на основе которого происходит интерпретация сути ДД-абсурда А. Камю и уравнивается концептуальный и модусно-модальный потенциал данного типа дискурса, позволяя в рамках теории диктума и модуса Ш. Балли, модусной теории Т. В. Шмелёвой и теории синтаксических концептов Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой свести воедино экзистенциальный опыт, мыслительные процессы, связанные с его интерпретацией, и речевые практики, т. е. модусно-модальные особенности акта коммуникации, репрезентируемые синтаксическими концептами (синтаксическими конструкциями в терминологии французского синтаксиса).

ДД-абсурд А Камю позиционируется авторами статьи как феномен с богатым интерпретационным модусно-модальным потенциалом, смыслогенерирующим механизмом которого является парадоксальный (игровой) модус как способ выявления истинных намерений говорящего. В результате осмысления событийного содержания «трагедии абсурда», «трагедии разума» А. Камю «Калигула» и переосмысления виртуального мира главного героя – Калигулы в разных модусно-модальных наполнениях перформативного, апеллятивного, эмоционально-амбивалентного характера выявляются и анализируются синтаксические концепты высказываний (реплик) главного субъекта речепорождения с точки зрения их функций, структуры (схемы) и модусно-модальных смыслов (эксплицитных и имплицитных), которые как сложные модусные перспективы распространятся по эмоциональным, выразительным линиям пьесы А. Камю от первого акта до последнего. Само название трагедии как пресуппозиция задает модусную рамку восприятия всего произведения, актуализирует глобальный замысел автора, разлад человеческого существования с бытием, с помощью механизма кодирования – парадоксального модуса повествования. В нашем исследовании, основанном на методе семантико-когнитивного анализа, этот когнитивный механизм кодирования информации становится парадоксальным модусом декодирования модусно-модальных имплицитных смыслов повествования в пьесе А. Камю «Калигула». Определив когнитивный механизм кодирования и декорирования модусного уровня ДД-абсурда А. Камю, проиллюстрируем

процесс декодирования (интерпретации) с/концептов как «образцов ситуаций», осмысленных главным действующим лицом Калигулой и вербализированных синтаксическими конструкциями, концентрирующими особые смыслы метакатегориального значения: три опорные точки в жизни Калигулы – страх потери смысла (сущности существования); страх свободы; страх смерти. Калигула становится действующим лицом в собственном мире, главным героем своей собственной пьесы со своей кульминацией, своим когнитивным пространством, со своими смыслами и своим финалом. Действия героя вырастают из собственной экзистенции *Je suis* ‘Я есть’ *Je sais* ‘Я знаю’ *Je veux* ‘Я хочу’ *Je peux* ‘Я могу’.

С/к модуса авторизации, права «Я» на существование, выражаемые структурной схемой S + P. *Je suis*, *Je sais* – слабый модусный потенциал с/к превращается в модусные перспективы и моделируется в сильные и сверхсильные позиции с/к *Je veux* и *Je peux* с модальными глаголами *vouloir* – ‘хотеть’ и *pouvoir* – ‘мочь’ и находят свое воплощение в действиях Калигулы, направленных не только на моральное и физическое уничтожение своих подданных, но и самого себя, в чем и состоит парадоксальность сути существования главного героя драматургического произведения А. Камю. Присутствие модального субъекта «Я» усиливает эксплицитный «модальный» эффект этих концептов (абсолютная потенциальная модальность). Экзистенциальная эгоцентричная модальность Калигулы проявляется в желании невозможного – *d’impossible*, абсолютного – *d’absolue*. Смысл его жизни – иметь Луну, а значит обрести Свободу в понимании императора: *J’ai besoin de la lune, ou du bonheur, ou de l’immortalité* ‘Мне нужна луна... счастье... бессмертие...’.

С/к модуса желания невозможного – информативная основа предложения актуализируется структурной схемой простого предложения *avoir besoin de qch au présent de l’indicatif*, которое усиливает модальную конструкцию желания *de volonté*; глагольная конструкция дополняет эксплицитную модальность имплицитным модусным смыслом императивности. Желание Луны проходит красной линией через все четыре акта пьесы. Но парадоксальность ситуаций состоит в том, что Калигула, говоря о своей мечте, красит ногти на ногах, нарушая тем самым коммуникативный эффект, производимый на слушающих. Поиск смыслов сущности существования, свободы мыслится властителем как протест против этого мира, который больше не привлекает императора.

Базисный с/к модуса декларативного утверждения зарождается в голове Калигулы. *Les hommes meurent, et ils ne sont pas contents* ‘Люди умирают, и они несчастны’ – декларативное сложное предложение со структурными схемами двух простых предложений S1 + P1 и S2 + P2 с сильной модусной связью между

предложениями. Парадоксальность высказывания заключается в том, что глагол *mourir* ‘умирать’ и глагольная конструкция *être content* ‘быть довольным’, *ne pas être content* ‘быть недовольным’ не могут существовать в одном речевом акте. Смысл есть у отдельных компонентов, но не у всей модусной конструкции. Оформление информации в высказываниях Калигулы постепенно усиливается экспериментальным типом с/к *Je veux qu'on vive en vérité* ‘Я хочу, чтобы люди жили правдой’.

С/к модуса рассуждения, восприятия действительности представлен синтаксической конструкцией *Je veux + Subjonctif présent*. Абстракция модальности сослагательного наклонения преодолевается персонализированным модусом желания – *Je veux...* ‘Я желаю...’.

Осуществление надежды изменить мир Калигула подтверждает следующим высказыванием *Et j'ai les moyens de les faire vivre dans la vérité* ‘И у меня есть средства заставить их жить по правде’. Здесь мы выделяем **с/к модуса потенциальной возможности выполнить действие** с формой глагола *avoir* в настоящем времени (*Le présent de l'indicatif*), употребление которого определяется указанным модусным смыслом соответствующего с/к. При этом парадоксальность высказывания Калигулы состоит в том, что у него нет аргументов для таких персуазивных утверждений. Поэтому нет речевого общения с подданными, они не понимают своего императора.

С/к модуса смыслопорождений, ориентиров «ценностей» Калигулы вербализированы в волеизъявлениях властелина, представленных схемами языковых конструкций: *Subjonctif présent*, безличной конструкцией *Il leur manque* (абстрактная модальность), ближайшим будущим временем (*Le future proche, Je vais m'occuper*), а также прагматическими установками на действие, усиленными эмоциональным междометием *Ah!* Ценностный ориентир Калигулы быть логичным, последовательным в сочетании с парадоксальным модусом воздействия на слушателей – угрозой (*Vous allez voir*) представляет абсурдность коммуникативной ситуации. Парадоксальность его желаний проявляется в бездействии, для Калигулы – это игра, спектакль, и его подданные должны играть роль зрителей. *Il me faut du monde, des spectateurs, des victimes et des coupables* ‘Мне нужны люди, зрители, жертвы и виновные’.

С/к апеллятивного модуса требования, представленного глагольной конструкцией *Il faut* и перечислением объектов по мере возрастания уровня эмоциональной нагрузки: *du monde, des spectateurs, des victimes et des coupables* демонстрирует бесполезность веры в богов и абсурдность поведения главного героя. Калигула, переодеваясь в богиню любви

Венеры, изрекает: *Aujourd'hui, je suis Vénus. Accordez-vous, mes enfants, vos vœux seront exaucés* ‘Сегодня, я – Венера. Настройтесь, дети мои, ваши желания будут осуществлены’. В данных языковых конструкциях и в речевых актах демонстрируется парадоксальная игра Калигулы, ее комический эффект.

Тонкая грань между воображаемым миром в сознании римского императора и объективной реальностью начинает исчезать и к финалу пьесы-игры Калигулы, и к концу «трагедии абурда» А. Камю. И эта эмоциональная модусно-модальная сфера героя репрезентируется *с/к эмоционально–оценочного душевного состояния*. Как и экзистенциальные и экспериентальные с/к, они рассматриваются нами как синтаксические доминанты пародийного модуса повествования ДД-абсурда. Эти синтаксические доминанты особенно ярко раскрываются в синтаксисе импульсивной речи Калигулы, в его монологах (имитациях диалогов). Модусно-модальные смыслы этих *faux–monologues ou faux–dialogues* «растут вглубь и вширь» по пути усиления и разветвления эмоционально-экспрессивной составляющей. Проиллюстрируем выводы, к которым приходит Калигула в своих монологах-диалогах:

La solitude! La solitude?... Mais laquelle?....
La solitude ? ...Seul ? La solitude!
....Ah ! La solitude ! Mais non !
‘Одиночество! Одиночество?...Но какое?....
Одиночество? ...Один? Одиночество!....
Ах! Одиночество! Но, нет!’.

Ядерные восклицательные, вопросительные номинативные предложения следуют одно за другим, дают возможность императору передать свое эмоционально-экспрессивное состояние. Отрицание *Mais non!* только усиливает эмоциональный эффект *парадоксального* модуса высказываний. *Trop de morts, trop de morts, c'est dégarnit... Mais il faut aller à la consommation!* ‘Слишком много смертей, слишком много смертей, это пустота... Но нужно идти до конца!’. Эмоционально-экспрессивный эффект создается повторением наречия *trop de* ‘слишком много’, глаголом *dégarnir* – опустошать, оголять, *au Passé simple* в модальности – все произошло, возврата нет. Модальность необходимости пути до конца выражается конструкцией необходимости *il faut*.

Калигула оказывается в последний раз на сцене своего спектакля перед единственным зрителем – своим отражением в зеркале. Разбивая зеркало, Калигула «разбивает» себя, его подданные казнят своего императора-тирана. Но Калигула, умирая, оставляет завещание: *Je suis encore vivant!* ‘Я всё ещё жив’, актуализированное *с/к парадоксального модуса философской эмфатической оценки действительности*,

представленного восклицательным предложением, состоящим из двух сильных модальностей *Je suis...* и... *encore vivant* (действительное причастие *Participe présent du verbe vivre* – жить, эмоционально усиленное наречием *encore* ‘еще’).

В заключение, следует отметить, что выбранный нами когнитивно-дискурсивный метод экспликации модусно-модальных смыслов и значений проявил себя эффективным приемом исследования такого типа дискурса как ДД-абсурда. И **парадоксальный** модус повествования как «инструмент» дешифровки этих смыслов, как качество всего повествования работает на весь дискурс, выступая «средством манифестации» фигуры автора и образа Калигулы, который становится сюжетно-центричным персонажем, своеобразным концептом, эффект познания которого достигается с помощью его субъективных высказываний, которые создают портретирующее модусно-экзистенциальное, модусно-экспериментальное и модусно-эмоциональное пространство сначала человека-императора, затем императора-человека. Этот модус выступает как метакатегория, обеспечивающая динамику повествования ДД-абсурда и предопределяющая алгоритмы анализа модусного напряжения драматургического дискурсивного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В. Об особенностях интеракционизма во франкофонной лингвистике и лингвопрагматике // Актуальные проблемы романистики. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 30-36.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). Москва: Либерком, 2023. 384 С.
3. Балли Ш. Синтаксис эксплицитной модальности. Москва: Эдиториал, 2003. 215 с.
4. Беседина Н. А. Морфология и проблемы языковой категоризации мира // Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2010. С. 337-379.
5. Борисова Т. Е., Цыганская О. Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 119-123.
6. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва: Наука, 1975. 559 с.
7. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: ВГУ, 1999. 192 с.
8. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Москва: КДУ Университетская книга, 2023. 862 с.
9. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной науки // Вопросы когнитивной науки. Москва, 2004. № 1. С. 6-17.
10. Орлова О. В. Когнитивно-синтаксический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 34-37.

11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. Москва: URSS, 2009. 293 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 191 с.
13. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: КГУ, 1994. 47 с.
14. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. Москва: Наука, 1981. 111 с.
15. Ducrot O. La pragmatique et l'étude sémentique de la langue. Paris, 1996. 344 p.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Camus A. Caligula. Available at: <https://www.litres.ru/book/albert-camus/caligula-sui-vi-de-le-malentendu-66303101>. (accessed: 05.08.2024).

REFERENCES

1. Alferov, A. V. (2009). Ob osobennostyakh interaktsionizma vo frankofonnoy lingvistike i lingvopragmatike [On the peculiarities of interactionism in Francophone linguistics and linguopragmatics]. In *Aktualnye problemy romanistiki*. Voronezh: VGU, Pp. 30-36. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (2023). *Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy)* [Sentence and its meaning (logical and semantic problems)]. Moskva: Liberkom. (In Russ.).
3. Balli, Sh. (2003). *Sintaksis eksplitsitnoy modalnosti* [Syntax of explicit modality]. Moskva: Editorial. (In Russ.).
4. Besedina, N. A. (2010). Morfologiya i problemy yazykovoy kategorizatsii mira [Morphology and problems of linguistic categorization of the world]. In *Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike*. Tambov. Pp. 337-379. (In Russ.).
5. Borisova, T. E., Tsyganskaya, O. G. (2019). Sintaksicheskiy kontsept: kriterii i metody analiza [Syntactic concept: criteria and methods of analysis]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 119-123. (In Russ.).
6. Vinogradov, V. V. (1975). *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
7. Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (1999). *Sintaksicheskie kontsepty russkogo prostogo predlozheniya* [Syntactic concepts of a simple Russian sentence]. Voronezh: VGU. (In Russ.).
8. Gak, V. G. (2023). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moskva: KDU Universitetskaya kniga. (In Russ.).
9. Kubryakova, E. S. (2004). Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnykh problemakh kognitivnoy nauki [On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive science]. In *Voprosy kognitivnoy nauki*. Moskva. No 1. Pp. 6-17. (In Russ.).
10. Orlova, O. V. (2009). Kognitivno-sintaksicheskiy analiz tekstovykh kontseptov v kontekste sovremennykh lingvokontseptologicheskikh issledovaniy [Cognitive syntactic analysis of textual concepts in terms of modern linguistic conceptological research]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 326. Pp. 34-37. (In Russ.).
11. Paducheva, E. V. (2009). *O semantike sintaksisa: materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax: materials for the transformational grammar of the Russian language]. Moskva: URSS. (In Russ.).
12. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2002). *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
13. Shmeleva, T. V. (1994). *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsii* [Semantic syntax: the text of lectures]. Krasnoyarsk: KGU. (In Russ.).
14. Yartseva, V. N. (1981). *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive grammar]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
15. Ducrot, O. (1996). *La pragmatique et l'étude sémentique de la langue*. Paris.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Camus, A. *Caligula*. Available at: <https://www.litres.ru/book/albert-camus/caligula-sui-vi-de-le-malentendu-66303101>. (accessed: 05.08.2024).

Белых Алла Яковлевна – старший преподаватель кафедры романской филологии (e-mail: a.belikh@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Belykh Alla Y. – Senior Lecturer of Romance Philology Department (e-mail: a.belikh@list.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии (e-mail: t.n.globa@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Romance Philology Department (e-mail: t.n.globa@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'37

© 2024 Э. С. Ветрова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ ПРИВЕТСТВИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена изучению аксиологического содержания этикетных формул приветствия в лезгинском и украинском языках. Исследуется смысловое наполнение аксиологических компонентов: «мир», «добро», «здоровье», «Бог/Аллах» в семантике анализируемых языковых единиц, определяется степень их значимости в сопоставляемых лингвокультурах. Отмечается, что во внутренней форме лезгинских и украинских приветствий зафиксированы важные ценностные смыслы, декодирование которых открывает возможности для реконструкции национальной картины мира.

Ключевые слова: этикетные формулы приветствия, аксиологический компонент, лезгинская лингвокультура, украинская лингвокультура.

© 2024 E. S. Vetrova

AXIOLOGICAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF ETIQUETTE GREETING FORMULAS IN LEZGIAN AND UKRAINIAN

The article focuses on the study of the axiological content of the etiquette greeting formulas in Lezgian and Ukrainian. The meaning of the axiological components: «peace», «good», «health», «God/Allah» in the semantics of the analyzed language units is investigated. The degree of their significance in the compared linguacultures is determined. It is noted that important evaluative meanings are recorded in the internal form of Lezgian and Ukrainian greetings, deciphering which enables the reconstruction of the national worldview.

Key words: etiquette greeting formulas, axiological component, Lezgian linguaculture, Ukrainian linguaculture.

Введение. Современный этап развития научного знания характеризуется повышенным интересом ученых к аксиологической проблематике, что обусловлено сложными и противоречивыми процессами, происходящими в обществе. Беспрецедентные темпы развития науки и техники способствовали формированию нового – технократического (рационального, утилитарного) типа мышления, которое ориентировано исключительно на потребительские интересы, игнорируя духовное и творческое начало человека, ценностно-смысловой аспект его деятельности. Это породило целый комплекс сложных мировоззренческих и морально-этических проблем – таких, как дегуманизация общества,

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

кризис духовности, смещение ценностных приоритетов, нивелиция личности человека и др., которые сегодня все чаще попадают в поле зрения ученых из различных научных областей, в том числе и лингвистов. В последние десятилетия в фокусе лингвистических исследований находятся вопросы актуализации ценностных смыслов посредством анализа различных языковых единиц и категорий, что согласуется с господствующим в современном языкознании антропоцентрическим подходом, в соответствии с которым человек рассматривается как центр мироздания. Изучение языковых единиц, в семантике которых закодированы ценностные ориентации этноса, открывает возможности для изучения национального сознания и реконструкции национальной языковой картины мира.

Объектом исследования выступают этикетные формулы приветствия, **предметом** – аксиологический компонент в семантике лезгинских и украинских приветствий.

Следует отметить, что в современной лингвистике этикетным формулам приветствия долгое время не уделялось должного внимания. Их рассматривали как речевые штампы, неинформативные речевые акты [Гак, 1998], статичные, семантически опустошенные фразы, не имеющие особой научной ценности [Ортега-и-Гассет, 1991; Melenk, 1990]. И только для переводчиков, преподавателей иностранных языков и специалистов в области межкультурной коммуникации данные языковые единицы представляли определенный интерес. С утверждением в языкознании антропоцентрической парадигмы с ее вниманием к личностному фактору в языке речевой этикет стал рассматриваться как динамичный, тесно связанный с историей и культурой этноса феномен, который имеет коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу, вследствие чего внимание к различным его аспектам существенно возросло (см., например, работы: [Формановская, 2002, 2015 и др.]). Несмотря на то, что единицы речевого этикета неоднократно становились объектом различных научных изысканий [Балакай, 2001; Стернин, 1996; Формановская, 2002, 2015 и др.], монографические исследования, посвященные детальному и системному описанию приветствий, на сегодняшний день практически отсутствуют. Исключением является разве что монография Н. С. Гребенщиковой [Гребенщикова, 2004], в которой рассматривается эволюция приветственных формул в русском, украинском и белорусском языках на восточнославянском фоне. В последние десятилетия в поле зрения ученых все чаще попадает национальная специфика приветствий на материале различных языков, в том числе и в сопоставительном аспекте [Шатилова, 2011; Бахаева, 2019; Ветрова, 2019; Айбатырова, Гаджихамедов, 2020; Скребцова, 2023 и др.]. Вместе с тем, можно

констатировать, что на сегодняшний день приветствия еще не получили должного научного освещения и требуют поиска новых подходов к их анализу.

Цель данной статьи – изучить аксиологическое содержание этикетных формул приветствия, выявить сходства и различия в механизмах его актуализации в лезгинском и украинском языках.

Материалом исследования послужили речевые контексты с использованием этикетных формул приветствия, отобранные путем сплошной выборки из словарей, фольклорных текстов, текстов художественной литературы. Всего проанализировано 280 контекстов, из них 150 – в украинском языке и 130 – в лезгинском языке.

Основная часть. В лингвистике приветствия традиционно рассматриваются как речевые акты, которые используются на начальной стадии общения с целью установления контакта с адресатом и создания атмосферы благожелательного сосуществования партнеров по коммуникации [Leech, 1983: 104]. Описывая лингвистическую природу приветствий, ученые указывают на их стереотипность, структурно-семантическую целостность, неинформативность, обезличенный характер. Так, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет называет приветствие «актом внеличного происхождения», который не воспроизводится человеком самостоятельно, а повторяется за другими людьми и поэтому больше похож на «механическое, безличное движение, нежели на поведение человека» [Ортега-и-Гассет, 1991: 592]. Постепенно теряя смысл в силу своего частого использования и привычности, – рассуждает ученый, – форма приветствия изменяется до тех пор, пока не приобретет, наконец, того абсолютно бессмысленного вида, который характерен для рудимента. В известной мере всякое приветствие – это дань уважения, это «внимание», отсутствие которого вызывает гнев окружающих, поскольку означает «невнимание» [Там же: 594].

Английский ученый Дж. Лайонз к основным признакам приветствий относит их воспроизводимость в речи. Рассматривая фразы, подобные английской *How do you do?*, ученый отмечает, что они имеют характер готовых образований, которые не конструируются заново в каждом случае их употребления и могут описываться как «условные реакции» на ситуации, в которых встречаются [Lyons, 1968: 441].

На контактоустанавливающей и регулятивной функциях приветствий акцентируют внимание российские ученые: «... в ситуации приветствия обмен репликами служит не для обмена информацией, а для установления контакта между собеседниками либо для обозначения того, что между ними существуют определенные социальные отношения <...>» [Гак, 1998: 562].

В работах по лингвистической прагматике приветствия, наряду с извинениями, благодарностями, пожеланиями и др., относятся либо к бехабитивам – «формулам социального этикета», которые содержат реакцию на поведение других людей, а также отношение к чьему-то поведению в прошлом или будущем [Остин Дж., 1986: 126] либо к экспрессивам – речевым актам, цель которых заключается в том, чтобы вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию [Серль, 1986: 229].

С приведенными выше мнениями сложно не согласиться. Безусловно, современные приветствия относятся к элементам фатической коммуникации, главная цель которых – установление и поддержание контакта с адресатом. Вследствие регулярного использования в однотипных контекстах данные языковые единицы – в прошлом элементы словесной магии [Агапкина, Виноградова, 1994] – утратили свою первоначальную смысловую нагрузку и трансформировались в стереотипные фразы, которые воспроизводятся автоматически в типичных ситуациях общения. Однако рассматривать приветствия как «пустые фразы», «рудименты языка» нет оснований. Данные высказывания являются неотъемлемой частью любого диалога, соотносятся с определенным фрагментом действительности (начало общения), выполняют конкретные коммуникативные функции (привлечение внимания собеседника, установление с ним контакта, воздействие на него) и являются трансляторами определенной информации: «я тебя замечая, отношусь к тебе доброжелательно, надеюсь на дальнейшее общение». Данная информация является не столько когнитивной, сколько оперативной – побуждающей к совершению определенных действий, вследствие чего приветствия можно трактовать как единицы с ослабленным лексическим (денотативным) значением. Кроме того, большинство приветствий сохранили внутреннюю форму – мотивирующий признак (образ), положенный в основу их наименования и задающий определённый способ организации заключённого в языковой единице содержания. Установление внутренней формы приветствий является ключом к реконструкции важных этнокультурных смыслов, которые коррелируют со структурой национального мышления и мировосприятия.

В лезгинской и украинской лингвокультурах приветствия – неотъемлемый элемент коммуникации. В генетическом отношении данные высказывания восходят к древним по происхождению магическим текстам, которые являлись частью определенного ритуала и произносились с целью воздействия на объективную реальность и достижения желаемого результата. Из глубины веков лезгины и украинцы с особым уважением и почтительностью относились к приветствиям, верили в их магическую силу, способность

наделять человека здоровьем, добром, счастьем, влиять на окружающий мир изменять его к лучшему. Каждый компонент приветствия имел свой глубокий символический смысл и был вплетен в канву древних верований и представлений обоих народов, соотносясь с особенностями их духовной и материальной культуры, традиций, национального характера. Общие коммуникативные функции приветствий в прошлом обусловили сходство их структурного и семантического оформления во многих языках мира, в том числе и неродственных.

Лезгинские и украинские приветствия имеют сложную семантическую структуру, в состав которой наряду с ослабленным денотативным компонентом, указывающим на соотносимость этикетной фразы с началом коммуникации, входит *аксиологический компонент* – совокупность ассоциативно-образных и эмотивных сем, которые фиксируют культурно обусловленные представления о различных объектах и явлениях окружающего мира, а также отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи. Несмотря на то, что аксиологический компонент не входит в ядерную зону лексического значения приветствия, он играет важную роль в формировании этого значения, выступая одним из способов концептуализации, хранения и трансляции информации, связанной с культурным опытом носителей языка. В результате анализа в семантике лезгинских и украинских приветствий выявлены следующие аксиологические компоненты: «мир», «добро», «здоровье», «Бог/Аллах», каждый из которых занимает определенное место на аксиологической шкале в соответствии со степенью его актуальности (значимости) в той или иной лингвокультуре (см. диаграмму):

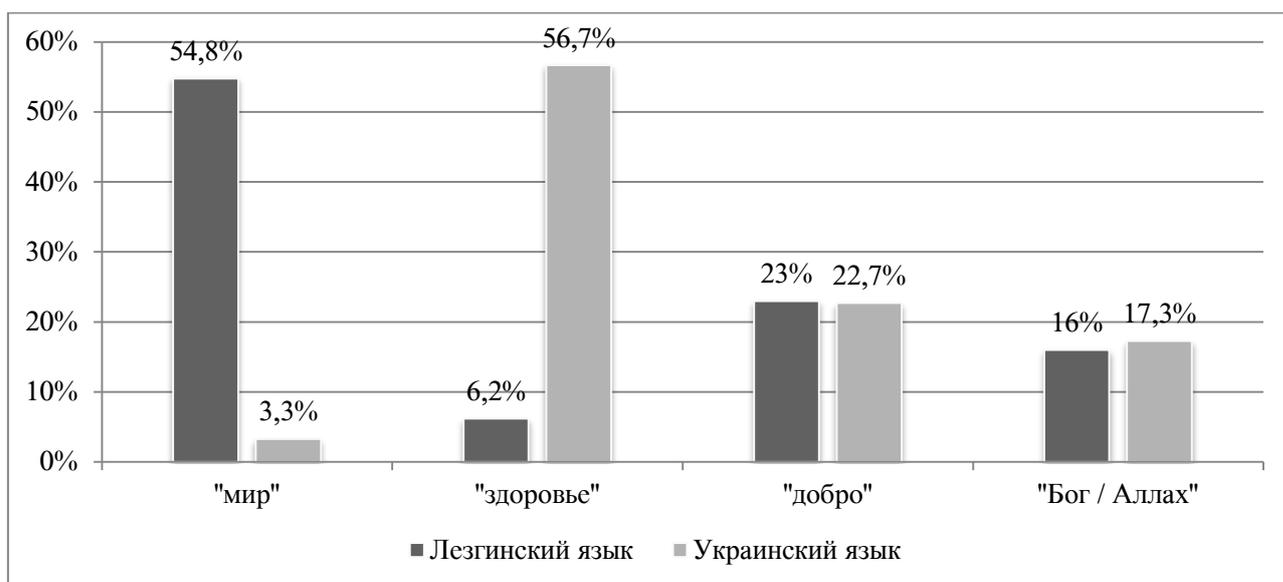

Диаграмма. Аксиологические компоненты в семантике приветствий

Выстроенные в определенную иерархию аксиологические компоненты образуют систему ценностей, которая является элементом национальной аксиосферы. Степень актуальности того или иного аксиологического признака определяется количеством содержащих его языковых единиц, а также частотой их встречаемости в различных контекстах.

Как свидетельствуют приведенные в диаграмме данные, наиболее актуальными для лезгинских приветствий являются аксиологические признаки «мир» (71 ед.) и «добро» (30 ед.), тогда как для украинских приветствий – «здоровье» (85 ед.) и «добро» (34 ед.). Третье место по значимости в лезгинской и украинской лингвокультурах занимают приветствия с аксиологическим компонентом «Аллах / Бог» (26 и 21 ед. соответственно). К наименее значимым в лезгинской лингвокультуре относятся приветствия с компонентом «здоровье» (8 ед.), в украинской лингвокультуре – с компонентом «мир» (5 ед.).

В лезгинском речевом этикете к наиболее употребительным относится приветствие *Салам алейкум!* ‘Мир Вам!’ – общепринятая для всех мусульман форма приветствия, уходящая своими корнями в истоки Ислама. Слово «Ас-салам» в переводе с арабского языка означает: ‘мир’, ‘благополучие’, ‘здравие’, ‘сохранность’ [САПЗЛЯ] и является одним из 99 имён Аллаха, которое обозначает «дарующий мир и благополучие». Согласно Корану, на приветствие необходимо отвечать таким же, не менее значимым приветствием, поэтому фраза *Салам алейкум!* предполагает ответную фразу – *Алейкум салам!* – ‘И Вам мир!’, которая характеризуется устойчивостью и не допускает замен и вариаций.

Таким образом, использование приветствия *Салам алейкум!* в общении мусульман предписано и регламентировано священными текстами Корана и Сунны. Изначально оно имело исключительно религиозный характер и символизировало смирение и покорность перед Всевышним. Позже религиозные предписания распространились на повседневное бытовое общение, действуя в виде императивов, согласно которым фразой *Салам алейкум!* нельзя приветствовать незнакомых молодых женщин, представителей другой веры, несовершеннолетних, людей, которые молятся, читают Коран, произносят проповедь, едят и др. С течением времени категоричность подобных запретов существенно смягчилась; сегодня приветствие *Салам алейкум!* является эквивалентом русского *Здравствуйте!* и используется практически без ограничений. Хотя есть и исключения. В сельской местности все еще наблюдаются гендерные табу в использовании приветствий, связанные с древними патриархальными традициями. Например, в семейном общении жителей гор до настоящего времени сохранился обычай избегания, согласно

которому мужчина, входя в дом и видя там женщину, не приветствует ее, а молча проходит мимо. Женщина при этом тоже хранит молчание. Приветствие *Салам алейкум!* произносится мужчиной в доме только в том случае, если в нем находится представитель мужского пола (даже если это младенец) [Лугуев, 2001]. Данный факт свидетельствует о строгой семейной иерархии, в которой женщина занимает более низкую социальную ступень по сравнению с мужчиной.

В украинской лингвокультуре приветствия с компонентом «мир» относятся к устаревшим и используются преимущественно в художественной литературе с определенной стилистической целью, например, как средство создания комичного: *Мир дому цьому й живущим в йому! – вирикає солідним тоном отець дякон привіт у стародавньому стилі* (І. Нечуй-Левицький «Українські гумористи та шукарі»).

В восточнославянских языках основная модель приветствия – это пожелание здоровья, или «здорование» (упоминания о здоровье при встрече и прощании) [Гребенщикова, 2004: 288]. В украинском языке данные фразы характеризуются большой вариативностью. К стилистически нейтральным, уместным в любой ситуации общения относится приветствие *Здрастуй(-те)!*, которое имеет общеславянские корни. В этимологических словарях его происхождение объясняется по-разному. По мнению Н. Шанского, оно происходит либо от *здравствую* (1-е л. ед. ч. от *здравствовать* «приветствовать, желать быть здоровым») > *здравстуй* в результате отпадения конечного безударного *у*, ср. *нет* < *нету*; либо является формой повелительного наклонения *здравстуй* «будь здоров» [ЭСРЯ]: – *Здрастуйте, діду, – почувлись дзвінки дитячі голоси з-за куща калини біля сусідньої могилки* (О. Довженко «Земля»); – *Здрастуйте, Панасе Юхимовичу! – привіталася Галя. – Як живете? Живі-здорові?* (Ю. Збанацький «Між добрими людьми»).

В разговорной речи *Здрастуйте!* может сочетаться с различными субстантивными предложными конструкциями с объектной и пространственной семантикой: *Здрастуйте вам у (вашу) хату!*, *Здрастуйте вашій хаті!*: *Незабаром і Карпо увійшов, несучи в руках клунок. – Здрастуйте в хату!* – привітався він. – *Здоров, Карпе!* (Панас Мирний «Повія»).

В повседневно-бытовом общении жителей села широко распространены приветствия-пожелания: *Доброго здоров'я (здоров'ячка) [вам у хату]: – Доброго здоров'ячка, Аркадію Валеріановичу, – низько вклоняється Майборода* (М. Стельмах «Хліб і сіль»); *[З понеділком, з неділею, зі святом] будьте здорові: – Добровечір вам! З понеділком будьте здорові!* – сказали бурлаки до хазяїна (І. Нечуй-Левицький «Микола Джеря»); *Здоров (здорова, здорові) [був (була, були, будь, будьте і т. ін.)] з неділею (з понеділком, у хату і т. ін.): – Здорові були, свате! – Здорові будьте й ви! Яким це*

побитом? – *здивувався Хома* (М. Коцюбинський «П’ятизлотник»).

Просторечный характер имеют редуцированные формы, которые являются маркером близких отношений между коммуникантами: *Здоров (-а, -і): – Здорові, тітко! – веселенько привіталася Христя. – Здорова, – під ніс охриплим голосом мовила Мар’я* (Панас Мирний «Повія») [СУМ, III, 546]

Компонент «здоровье» в украинском языке содержат и так называемые «приветствия-осведомления», которые в неформальной обстановке следуют за основными приветствиями: *Здоров був? Здорові були? Як здоров’я?* Ученые считают, что подобные этикетные формулы возникли на базе древних приветствий-информирований о здоровье собеседника (членов его семьи), которые были неотъемлемым компонентом общения древних славян и сигнализировали о добрых намерениях адресанта, его внимательном отношении к собеседнику [Гребенщикова, 2004: 25]. Со временем некоторые из них утратили вопросительную модальность, например, конструкции *Здоров був, Здорова була* постепенно трансформировались в утвердительные.

Примечательно, что в лезгинском речевом этикете высказывания с компонентом *сагъ* ‘здоровье’, как правило, завершают общение или используются в ситуации благодарности, например: *Сагъ хьуй!* ‘До свидания’ (букв. ‘Будьте здоровы!’) – универсальная форма прощания; *Сагърай!* ‘До свидания! Всего хорошего!’, ‘Спасибо!’. На начальной стадии коммуникации используются только формулы-осведомления о здоровье, которые следуют за основным приветствием: *Сагъвал гьикI я?* ‘Как здоровье?’; *Кефьяр-гьалар гьикI я?* ‘Как себя чувствуете?’ [СЛЯ].

В обеих лингвокультурах второе место по частности занимает аксиологический компонент «добро», который реализуется в семантике темпоральных приветствий, определяющих время совершения этикетного действия. В сопоставляемых языках среди таких языковых единиц установлены этикетные соответствия (см. табл.)

Таблица. Темпоральные приветствия в лезгинском и украинском языках

Время коммуникации	Лезгинский язык	Украинский язык
«утро»	<i>Пакам(а, -ан) [сабагъ] хийир(ар)!</i>	<i>Добрий ранок! Доброго ранку! Добридосвіток!</i> (диал.)
«день»	<i>Нисин хийир(ар)[хьуй]!</i>	<i>Добрий день! Доброго дня! Добридень!</i> (разг.)
«вечер»	<i>Ахшам (няни) хийир(-ар) [хьуй]!</i>	<i>Добрий вечір! Доброго вечора! Добривечір!</i> (разг.)
«ночь»	<i>Йифен хийир(-ар) [хьуй]!</i>	<i>Доброї ночі! Добраніч!</i> (разг.)

Следует отметить, что приведенные в таблице лезгинские и украинские приветствия не являются полными эквивалентами. В результате компонентного анализа контрастивных пар было выявлено, что в их семантике содержится общая для обеих лингвокультур денотативная информация, указывающая на время совершения этикетного действия (утро, день, вечер, ночь). Поскольку членение суток в лезгинской и украинской лингвокультурах в целом совпадает, можно говорить, что денотативный компонент в семантике лезгинских и украинских приветствий совпадает.

В результате анализа аксиологических компонентов (лезг. *хийир*, укр. *добрий*) было установлено, что они не тождественны по семантике уже в силу того, что принадлежат к разным лексико-грамматическим классам: *хийир* – существительное с предметным значением, *добрий* – прилагательное, обозначает признак предмета и играет в структуре фразы второстепенную роль, поскольку зависит от существительного – носителя основного значения. В силу данного обстоятельства в составе лезгинских и украинских приветствий по-разному распределяется смысловая нагрузка: в украинских приветствиях акцентируется внимание на лексемах, имеющих временное значение, тогда как аксиологический компонент дополняет, уточняет данную информацию; в лезгинских приветствиях, наоборот, основную смысловую роль играет аксиологический компонент, а лексемы, указывающие на время речевого действия, дополняют его. Ср. *Пакаман хийир!* ‘Доброе утро!’ (букв. *пакаман* ‘утренний’ + *хийир* ‘добро’ – ‘утреннее добро’); укр. *Доброго ранку!*

Кроме того, в результате семного анализа установлено, что семантический объем слов *хийир* и *добро* также не совпадает. В украинском языке слово *добро* – производное от прилагательного *добрий* и означает: 1) который выражает доброту, искренность; 2) который приносит добро, удовлетворение, радость и т. п.; 3) в котором выражается уважение к людям, доброжелательность; 4) полезный, необходимый, в основе которого лежит пожелание добра кому-либо (ср. общеслав. *dobrъ* ‘подходящий, полезный’) [ВТСУМ]. В лезгинском языке существительное *хийир* (имеет форму множественного числа – *хийирап*) реализует следующие значения: 1) выгода, польза, прок; 2) прибыль; 3) добро; 4) счастье, которые в национальном сознании лезгин объединены понятием «благополучие» [СЛЯ]. Таким образом, в украинских темпоральных приветствиях ядро аксиологического компонента образуют семы: «доброжелательность», «искренность», «уважение», тогда как сема «польза» в сознании современных носителей языка практически стерлась и находится на периферии. В лезгинских темпоральных приветствиях доминируют семы: «польза», «добро». При этом следует уточнить, что компонент *хийирап!* может использоваться и в других этикетных контекстах, где актуализируются семы: «добро»,

«счастье», «благополучие»: *Хийир(-ар)!* ‘Здравствуй(-те)!’ (неформальное приветствие); *Абатхийир!* ‘Будь счастлив, пусть у тебя будет благополучие!’ (ответное приветствие); *Ви атун хийирлуди хьуй!* ‘Пусть к добру будет Ваш проезд!’ (приветствие гостя) и др.

Приветствия типа *Нисин хийир!*, *Добрый день!* представляют собой свернутые пожелания добра – «Я желаю тебе доброго дня». Наряду с редуцированными вариантами в обеих лингвокультурах используются их эквиваленты – синтаксические структуры, в которых значение «желательности» выражается эксплицитно. В украинском языке это перформативные конструкции, представляющие собой сочетание глаголов-предикатов *бажаю*, *зичу* и объекта в форме родительного падежа: *Бажаю (зичу) Вам доброго дня!* В современном речевом этикете такие фразы постепенно утрачивают связь с началом коммуникации и все чаще используются на завершающей стадии общения: *Бажаю Вам доброго дня и гарного настрою!*

В лезгинском языке значение «желательности» реализуют оптативные конструкции с компонентом *хьуй* ‘пусть’: *Пакаман хийирар хьуй!* – букв. ‘Утренние пользы пусть будут!’, *Няни хийирар хьуй!* ‘Вечерние пользы пусть будут!’ и т. д. Примечательно, что в таких этикетных формулах компонент *хийир* имеет форму множественного числа – *хийирар*. Следует отметить, что лезгинские темпоральные приветствия лишены легкого официального оттенка, присущего их украинским аналогам, и часто используются в неформальной, дружеской обстановке.

Третье место на аксиологической шкале обеих лингвокультур занимает компонент «Бог / Аллах». В лезгинской и украинской лингвокультурах приветствия, апеллирующие к Всевышнему, используются в ситуации приветствия человека, занимающегося трудовой деятельностью, в качестве пожелания ему успехов в работе. В лезгинской лингвокультуре это, как правило, оптативные конструкции с семантикой «желательности», транслирующие следующую информацию: «говорящий хочет, чтобы осуществилась некая ситуация, благополучный исход которой зависит от воли Всевышнего»: *Це Аллах!* ‘Дай Аллах!’, *Аллагь куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’ (букв. ‘Пусть Аллах поможет тебе!’), *Ваз Аллагьди куьмек гурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’, *Ваз аллагьди кьуват гурай!* ‘Пусть тебе Аллах даст силы!’, *Я аллагь ви гьилер галат тахIурай!* / *Я аллагь ви гьилериз галатвал акунтувурай!* ‘О Аллах, чтоб твои руки не уставали!’ [СЛЯ]. Сегодня такие приветствия считаются устаревшими и используются преимущественно в речи жителей сельской местности либо в общении верующих людей.

В украинском речевом этикете приветствия с компонентом «Бог» представлены, как

правило, императивными конструкциями, которые реализуют семантику побуждения к действию: *Дай, Боже! Помагай, Боже (Биз)! Боже, помози (помагай)! [ВТСУМ]*. Данные высказывания часто усложняются лексемами с объектной семантикой, обозначающими блага, которых говорящий желает своему собеседнику: *Дай, Боже (щастя, здоров'я)! Приветствия, апеллирующие к Богу, активно используются в украинских диалектах [Головацкий, 1878: 293].*

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие **ВЫВОДЫ**.

1. Лезгинские и украинские приветствия имеют схожую семантическую структуру, в состав которой входят денотативный и аксиологический компоненты. Денотативный компонент в семантике приветствий ослаблен и транслирует схожую для анализируемых лингвокультур информацию – указывает на соотнесенность высказывания с началом общения, побуждает адресата к совершению определенных действий.

2. В семантике анализируемых приветствий выявлены следующие аксиологические компоненты: «мир», «здоровье», «добро», «Бог / Аллах», в реализации которых в сопоставляемых лингвокультурах обнаружены количественные и качественные различия. Установлено, что в лезгинской лингвокультуре к наиболее значимым относятся аксиологические признаки: «мир» и «польза / добро», в украинской – «здоровье» и «добро». Компонент «Бог / Аллах» занимает третье место на аксиологической шкале. К наименее значимым в лезгинской лингвокультуре относятся приветствия с компонентом «здоровье», в украинской – с компонентом «мир».

3. Проведенный анализ показал, что аксиологическое наполнение компонентов *хийир / добрий*, не совпадает: в лезгинских приветствиях актуализируются семы: «польза», «добро», в украинских приветствиях – «искренность», «внимание к собеседнику». Аксиологический компонент в семантике лезгинских и украинских приветствий содержит важную этнокультурную информацию, которая открывает возможности для изучения национального сознания и реконструкции национальной картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. Москва: Наука, 1994. С. 168-208.
2. Айбатырова М. А., Гаджихмедов Н. Э. Этикетные формы приветствия в русской и кумыкской лингвокультурах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 9/2. С. 37-40.
3. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
4. Бахаева Л. М. Лексические средства выражения приветствия (на материале чеченского и английского языков) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 472-474.

5. Ветрова Э. С. Этикетные формулы приветствия как элементы национальной языковой картины мира (на материале разноструктурных языков) // Мир. Человек. Язык. Владимир – Донецк – Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону, 2019. С. 114-122.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
7. Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким: Ч. 1-3. Разночтения и дополнения. Москва: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878. 523 с.
8. Гребенщикова Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне). Гродно: ГрГУ, 2004. 306 с.
9. Лугуев С. А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана, XIX – начало XX в.: дисс. ... д-ра истор. наук: 07.00.07. Махачкала, 2001. 392 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? Москва: Наука, 1991. 411 с.
11. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 22-168.
12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 169-194.
13. Скребцова Т. Г. Старое и новое в системе русских этикетных формул приветствия и прощания // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 50-57.
14. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 123 с.
15. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. Москва: Рус. яз., 2002. 160 с.
16. Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. Москва: Ленаннд, 2015. 160 с.
17. Шатилова Л. М. Имплицитное выражение пожеланий-приветствий и пожеланий при расставании (на материале немецкого и русского языков) // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2011. № 3. С. 37-41.
18. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge: CUP Publ., 1968. 530 p.
19. Leech Geoffrey N. Principles of pragmatics 1983, London, New York. 250 p.
20. Melenk H. Alltagsprache. München, 1990. 360 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: Перун, 2004. 1425 с. [ВТСЛУ].
2. Словарь арабских и персидских заимствований в лезгинском языке / сост.: С. М. Забитов, И. И. Эфендиев. Махачкала, 2001. 174 с. [САПЗЛЯ].
3. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. 1083 с. [СЛЯ].
4. Словник української мови: в 11-ти т. Київ: Наук. думка, 1970-1980. Т. I- XI. [СУМ].
5. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Дрофа, 2004. Доступ: <https://lexicography.online/etymology/shansky>. (дата обращения: 20.07.2024). [ЭСРЯ].

REFERENCES

1. Agapkina, T. A., Vinogradova, L. N. (1994). Blagopozhelanie: ritual i tekst [Good wishes: ritual and text]. In *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: Verovaniya. Tekst. Ritual*. Moskva: Nauka. Pp. 168-208 (In Russ.).
2. Aybatyrova, M. A., Gadzhiakhmedov, N. E. (2020). Etiketnye formy privetstviya v russkoy i kumykskoy lingvokulturakh [Etiquette forms of greeting in Russian and Kumyk

linguacultures]. In *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No 9/2. Pp. 37-40 (In Russ.).

3. Balakay, A. G. (2001). *Slovar russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of speech etiquette]. Moskva: AST-PRESS. (In Russ.).

4. Bakhaeva, L. M. (2019). Leksicheskie sredstva vyrazheniya privetstviya (na materiale chechenskogo i angliyskogo yazykov) [Lexical means of expressing greetings (based on the Chechen and English languages)]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. No 2 (75). Pp. 472-474 (In Russ.).

5. Vetrova, E. S. (2019). Etiketnye formuly privetstviya kak elementy natsionalnoy yazykovoy kartiny mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov) [Etiquette formulas of greeting as elements of the national worldview (based on the study of the languages with different structures)]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir – Donetsk – Sankt-Peterburg – Rostov-na-Donu. Pp. 114-121 (In Russ.).

6. Gak, V. G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». (In Russ.).

7. Golovatskiy, Ya. F. (1878). *Narodnye pesni Galitskoy i Ugorskoy Rusi, sobrannye Ya. F. Golovatskim* [Folk songs of Galician and Hungarian Rus, collected by Ya. F. Golovatsky]: Vol. 1-3. Raznochteniya i dopolneniya. Moskva. (In Russ.).

8. Grebenshchikova, N. S. (2004). *Istoriya russkogo privetstviya (na vostochnoslavlyanskom fone)* [History of Russian greetings (on the East Slavic background)]. Grodno. (In Russ.).

9. Luguev, S. A. (2001). *Traditsionnye normy kultury povedeniya i etiket narodov Dagestana, XIX – nachalo XX v.* [Traditional norms of cultural behavior and etiquette of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries]: diss. ... d-ra istor. nauk: 07.00.07. Makhachkala. (In Russ.).

10. Ortega-i-Gasset, Kh. (1991). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] Moskva: Nauka. (In Russ.).

11. Ostin, Dzh. (1986). Slovo kak deistvie [Word as action]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 17: Teoriya rechevykh aktov. Moskva: Progress. Pp. 22-168 (In Russ.).

12. Serl, Dzh. R. (1986). Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of speech acts]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 17: Teoriya rechevykh aktov. Moskva: Progress. Pp. 169-194. (In Russ.).

13. Sternin, I. A. (1996). *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: VOIPKRO. (In Russ.).

14. Skrebtsova, T. G. (2023). Staroe i novoe v sisteme russkikh etiketnykh formul privetstviya i proshchaniya [Old and new in the system of Russian etiquette formulas of greeting and farewell]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 486. Pp. 50-57. (In Russ.).

15. Formanovskaya, N. I. (2002). *Russkiy rechevoy etiket: normativnyi sotsiokulturnyy kontekst* [Normative and sociocultural context]. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).

16. Formanovskaya, N. I. (2015). *Russkiy rechevoy etiket. Lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette. Linguistic and methodological aspects]. Moskva: Lenand. (In Russ.).

17. Shatilova, L. M. (2011). Implisitnoe vyrazhenie pozhelaniy-privetstviy i pozhelaniy pri rasstavanii (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Implicit expression of greetings and farewell wishes (based on the German and Russian languages)]. In *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. No 3. Pp.37-41. (In Russ.).

18. Lyons, J. (2010). *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: CUP Publ.

19. Leech, Geoffrey N. (1983). *Principles of pragmatics*. London, New York.

20. Melenk, H. (1990). *Alltagsprache*. München.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Velykyy tлумachnyy slovnyk suchasnoyi ukrayinskoyi movy* [Large explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. In V. T. Busel (ed.). Kiiyv; Irpin: Perun, 2004. (In Ukr.).
2. *Slovar arabskikh i persidskikh zaimstvovaniy v lezginskom yazyke* [Dictionary of Arabic and Persian loanwords in Lezgin]. In S. M. Zabitov, I. I. Efendiev (eds). Makhachkala, 2001. (In Russ.).
3. Gyulmagomedov, A. G. (2003). *Slovar lezginskogo yazyka* [Lezgin language dictionary]. Makhachkala: IPTs DGU. (In Russ.).
4. *Slovník ukrajinskoyi movy* [Ukrainian language dictionary]: v 11-ty t. Kiyiv: Nauk. dumka, 1970-1980. Vol. I-XI. (In Ukr.).
5. Shanskiy, N. M. (2024). *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moskva: Drofa. Available at: <https://lexicography.online.etymology/shansky>. (accessed: 20.07.2024). (In Russ.).

Ветрова Эльвира Сабировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: e.vetrova75@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Vetrova Elvira S. – Doctor of Philology, Professor of Department of Translation Theory and Practice (e-mail: e.vetrova75@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 26 августа 2024 г.

УДК 81'37:81'373[811.111+811.112.2+811.161.2]

© 2024 И. А. Махненко

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО 'ДЛИННЫЙ' В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию семантического потенциала прилагательных, выражающих параметр «длина» в английском, немецком и русском языках. На основании полисемии и лексической сочетаемости с именами существительными выявлены общие и уникальные значения исследуемых прилагательных в трех языках.

Ключевые слова: *имя прилагательное, параметрические прилагательные, семантика, полисемия, лексическая сочетаемость, языковая оценка.*

© 2024 I. A. Makhnenko

SEMANTIC POTENTIAL OF THE ADJECTIVE 'LONG' IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN

The paper addresses the semantic potential of the adjectives expressing 'length' in English, German and Russian. The common and unique meanings of the studied adjectives in the three languages are described on the basis of their polysemy and lexical combinability with nouns.

Key words: *adjective name, parametric adjectives, semantics, polysemy, lexical combinability, linguistic evaluation.*

1. Введение

Прилагательные, выражающие пространственные измерения и размерные характеристики, такие как размер, длина, ширина, высота, толщина и др. играют важную роль в процессе познания и оценки человеком объективной реальности.

Следует отметить, что категория размера в языке значительно отличается от научных подходов к данной категории, принятых в точных науках – геометрии или физике. Для языка характерно не научное, а «наивное» (термин Ю. Д. Апресяна), или «обывательское» (термин Л. В. Щербы), понимание вещей, их взаимосвязей, а также явлений и процессов [Цикорева, 2015].

Согласно мнению, высказанному Е. В. Рахилиной, в язык внедрена особая система измерения размеров объектов, которая зафиксирована в наиболее употребительных толковых словарях [Рахилина, 2008]. Ввиду этнокультурной специфики языков, семантика размера может значительно отличаться в разных языках.

Длина является одной из главных характеристик объекта и может быть описана даже тогда, когда никаких других линейных измерений нет [Усманов, 2009].

Параметр «длина» образован от параметрического прилагательного 'длинный', которое является немаркированным, то есть семантически более простым более по сравнению с оппозитивным антономическим прилагательным *короткий* [Калиущенко, 2020].

По частотности употребления прилагательное ‘длинный’ занимает 258 место в английском языке, 95 место в немецком языке и 78 место в русском языке [Brezina / Gablasova, 2023; Jones / Tschirner, 2006; Ляшевская / Шаров, 2009].

В прямом значении ‘имеющий большую длину’ английское прилагательное *long*, немецкое *lang* и русское эквивалентное прилагательное *длинный* характеризуют протяженные объекты вытянутой формы, у которых две крайние точки удалены друг от друга [Рахилина, 2008]: *длинная палка, длинный провод*. Однако ввиду своей способности развивать не только прямые, но и переносные значения, а также широкой употребительности в разных языках, исследование лексической семантики и сочетаемости прилагательного ‘длинный’ представляет особый интерес в сопоставительном аспекте.

Изучением особенностей параметрических прилагательных занимались Ю. Д. Апресян, [Апресян, 1995], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988], Ф. Р. Авазбакиева [Авазбакиева, 2012], Е. М. Вольф [Вольф, 1985; Вольф, 1986: 98–106], Р. М. В. Диксон [Dixon, 1982], Е. В. Рахилина [Рахилина, 2008], Е. Ф. Серебренникова [Серебренникова, 2011], С. Ханстон [Hunston, 2019] и др.

Целью данной работы является изучение семантики параметрических прилагательных *long, lang, длинный* в английском, немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили данные толковых одноязычных словарей, а также 300 текстовых фрагмента из национальных корпусов исследуемых языков (100 фрагментов из Национального корпуса английского языка (BNC), 100 фрагментов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и 100 фрагментов из корпуса немецкого языка (DeReKo).

2. Семантика прилагательного ‘длинный’

В целом в трёх языках у прилагательного ‘длинный’ выявлено 35 значений: в английском – 24, в немецком – 10, в русском – 12. В трёх языках совпадают 4 значения, такие как:

1. *Имеющий большую длину или протяжение*: англ. *a long passage* ‘длинный коридор’; нем. *ein langer Flur* ‘длинный коридор’; рус. *длинный коридор*;

2. *Занимающий много места, пространный, многословный*: англ. *a long explanation* ‘длинное объяснение’; нем. *ein langer Brief* ‘длинное письмо’; рус. *длинное уравнение*;

3. *Продолжительный, долгий по времени*: англ. *a long friendship* ‘долгая дружба’; нем. *ein langer Urlaub* ‘продолжительный отпуск’; рус. *длинная пауза*;

4. *Длинный ряд – большое число (вереница)*: англ. *a long family* ‘большая семья’;

нем. *eine lange Schlange* ‘большая очередь’; рус. *длинный ряд*.

В английском и русском языках совпадает одно значение: *Большой по длине, чем требуется, чем нужно*: англ. *a long, boring speech*, ‘длинная, скучная речь’; рус. *платье длинно*.

В немецком и русском языках совпадают два значения:

1. *Высокий (о человеке)*: нем. *ein langer, schlaksiger Junge* ‘высокий, стройный парень’; рус. *длинный человек*;

2. *Откладывать, класть и т. п. в длинный ящик*: нем. *auf die lange Bank schieben* ‘откладывать в долгий ящик’; рус. *положить в длинный ящик*.

Уникальные для английского языка – 19 переносных значений, уникальные для русского языка – 5 значений, уникальные для немецкого языка – 4 значения.

Ниже в таблице представлены лексические значения прилагательного ‘длинный’ в английском, немецком и русском языках.

Таблица. Полисемия ЛСВ прилагательного ‘длинный’

№ п/п	Значение	Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
1	2	3	4	5
1.	Имеющий большую длину или протяжение	+	+	+
2.	Высокий ростом (о человеке)		+	+
3.	Занимающий много места, пространный, многословный	+	+	+
4.	Только в кратк. форме. Большой по длине, чем требуется, чем нужно	+		+
5.	Продолжительный, долгий по времени	+	+	+
6.	Длинный ряд – большое число (вереница)	+	+	+
7.	Длинный язык – о болтливом, говорящем лишнее человеке			+
8.	Длинные уши – о человеке, который подслушивает и делает доносы			+
9.	С длинным носом – ни с чем, ничего не добившись			+
10.	Длинные руки			+
11.	Длинный рубль			+
12.	Откладывать, класть и т. п. в долгий ящик		+	+
13.	Длительный; давно существующий	+		
14.	Медленный; медлительный	+		

Окончание табл.

1	2	3	4	5
15.	Обширный, многочисленный	+		
16.	Скучный, многословный	+		
17.	Долгий (о гласном звуке)	+		
18.	Долгосрочный	+		
19.	Глупый	+		
20.	Мрачный	+		
21.	to make a long nose показать «нос»	+		
22.	О деньгах, амер. разг. бумажные деньги; «зелёные» <i>long greens</i>	+		
23.	Дешевый амер. разг. дешёвая сигара <i>long nine</i>	+		
24.	О большом неравенстве ставок; неравных шансах	+		
25.	Старый	+		
26.	Значительно опережающий кого-л.	+		
27.	В конце концов	+		
28.	Обладающий высокой степенью или большим количеством чего-либо определенного	+		
29.	Выходящий за рамки известного	+		
30.	Состоящий из определенного количества единиц	+		
31.	Имеющий значительную разницу между размерами с каждой стороны	+		
32.	Жидкий, водянистый		+	
33.	Сильный, выносливый		+	
34.	Подробный, детальный		+	
35.	Рано или поздно		+	

3. Семантическая сочетаемость

Прилагательное 'длинный' сочетается во всех языках с конкретными неодушевленными и абстрактными существительными.

Наиболее частотными в английском и немецком языках являются сочетания данного прилагательного с абстрактными существительными, обозначающими пространственно-временные отношения, такими как *time, die Zeit*, 'время'; *pause, die Pause* 'пауза'; *way, der Weg* 'путь': *Es ist, vermutlich seit längerer Zeit, der erste Lichtmoment in ihrem Leben.* [DeReKo] 'Вероятно, это первый светлый момент в ее жизни за долгое время'.

Следует отметить, что в отличие от немецкого и английского языков, в которых прилагательное 'длинный' очень часто сочетается со словом *время*, в русском языке слово *время* не сочетается с прилагательным *длинный*. Однако это не ограничивает употребление русского прилагательного *длинный* с существительными, обозначающими

промежутки времен, например: *И опять длинная, томительная пауза* [НКРЯ].

В свою очередь, в русском языке наиболее частотными были сочетания прилагательного *длинный* с конкретными неодушевленными существительными, обозначающими предметы и объекты окружающего мира: *длинный стол, длинный поезд*, то есть словосочетания обозначают протяженность пространственную, а не временную. Среди них по частоте употребления, прежде всего, следует выделить словосочетания с существительными, обозначающими предметы одежды, такие как *юбка, платье, пальто, рубаха*. Например, *В нескольких метрах от моей скамейки стояла пожилая женщина, одетая в черную длинную юбку в пол* [НКРЯ]. В английском и немецком языке такие словосочетания не были частотными, встречались лишь единичные случаи: англ. *Opened the door she just stood there, all clean and different in her stiff long uniform...* [BNC] ‘Открыв дверь, она стояла там, вся чистая и необыкновенная, в своей жесткой длинной униформе...’; нем. *... er zog sich die langen, Oberschenkelhohen Anglerstiefel aus* [DeReKo] ‘Он снял свои длинные, до бедра, рыболовные ботинки’.

Во всех языках отмечены словосочетания с существительным *коридор*: *Einen langen Flur sehe ich, und am Ende des Flures ein Zimmer, das meins ist* [DeReKo] ‘Я вижу длинный коридор и в конце коридора моя комната’.

Сочетания прилагательного ‘*длинный*’ с соматизмами, то есть существительными, обозначающими части тела человека или животного, такими как *волосы, пальцы, ноги, язык*, отмечены во всех языках, например, *long fingers, lange Finger, длинные пальцы*. Среди данной группы во всех языках преобладали сочетания с существительным *волосы*. Например: англ. *They were cowboys. Rock'n' roll cowboys, with beards, long hair, leather boots and jeans* [BNC] ‘Они были ковбоями, Рок-н-рольными ковбоями, с бородой, длинными волосами, в кожаных ботинках и джинсах’; нем. *... oder die Frau, die damals im Bus noch so lange Haare gehabt hat* [DeReKo] ‘... или женщина с такими длинными волосами тогда в автобусе’; рус. *У нее были длинные гладкие волосы, обрезанные ниже плеч* [НКРЯ].

В английском языке отмечено сочетание прилагательного *long* с одушевленными существительными в качестве компонента имени собственного в составе фамилий, например, *Dave Long* ‘Дэйв Лонг’; а также в названиях фильмов и книг, например, *The Long Good Friday* ‘Долгая Страстная пятница’. В единственном примере русского языка прилагательное *длинный* употребляется для обозначения параметра высоты в разговорной речи в качестве прозвища, например: *Ну все, мать, игрушки кончились, – с примирительным оттенком сказал длинный* [НКРЯ].

Сочетания с абстрактными существительными, обозначающими чувства и эмоциональные состояния человека, не выявлены ни в одном из исследуемых языков.

4. Выводы

4.1. Таким образом, по результатам исследования семантики параметрического прилагательного 'длинный' наиболее высокая степень полисемии выявлена в английском языке, в котором преобладают переносные значения, что позволяет сделать вывод о важности данного прилагательного для английской лингвокультуры и подтверждает положение о высокой степени полисемии английского языка.

4.2. В английском и немецком языках прилагательные *long/lang* выражают как пространственную, так и временную протяженность. В русском языке прилагательное *длинный* выражает преимущественно пространственную характеристику, за редким исключением выражает в разговорной речи параметр «высокий».

4.3. Наиболее широкими сочетаемостными возможностями обладает прилагательное *длинный* в русском языке, однако существует ограничение на сочетание данного прилагательного с абстрактными существительными, в частности, со словом *время*.

4.4. В английском и немецком языках, напротив, наиболее частотными являются сочетания прилагательного 'длинный', со словом *время*, а также другими абстрактными существительными, обозначающими пространственно-временные отношения.

4.5. Сочетаемостные возможности английского и немецкого языков подобны, что можно объяснить их более близким родством и большей близостью лингвокультурного ареала по сравнению с русским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авазбакиева Ф. Р. Семантический и аксиологический аспекты прилагательных положительно характеризующих человека по уровню воспитанности // Мир науки, культуры, образования. Сер. Филология. 2012. № 2 (33). С. 240-243.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Москва: Восточная литература, Языки русской культуры, 1995. 472 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва: Наука, 1988. 340 с.
4. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания. 1986. С. 98-106.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 228 с.
6. Калиущенко В. Д. Семантическая маркированность параметрических прилагательных // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. Т. 5: Филологические науки. Библиотечное дело. С. 98-106.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 2008. 416 с.

8. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / отв. редактор Л. Г. Викулова. Москва: Тезаурус, 2011. С. 27-41.

9. Цикорева П. Н. Семантика размера в норвежском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2015. 222 с.

10. Усманов Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики (на материале прилагательных, обозначающих «общий размер»): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2009. 199 с.

11. Dixon R. M. W. Where Have All the Adjectives Gone? // Where Have All the Adjectives Gone? and other essays in Semantics and Syntax. Berlin: Mouton de Gruyter, 1982. P. 1-62.

12. Hunston S. Language patterns and ATTITUDE revisited: adjective patterns, attitude and appraisal // Functions of Language. 2019. № 26 (3). P. 343-371.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1112 с.

2. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru>. (дата обращения: 29.03.2024). [НКРЯ].

3. Brezina V., Gablasova D. A Frequency Dictionary of British English: Core Vocabulary and Exercises for Learners. London: Routledge, 2023. 352 p.

4. British National Corpus. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (дата обращения: 24.03.2024). [BNC].

5. Das Deutsche Referenzkorpus – DeReKo. Доступ: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html>. (дата обращения: 25.03.2024). [DeReKo].

6. Jones R., Tschirner E. A Frequency Dictionary of German. Core vocabulary for learners. London and New York: Routledge, 2006. 200 p.

REFERENCES

1. Avazbakieva, F. R. (2012). Semanticheskiy i aksiologicheskiy aspekty prilagatelnykh polozhitelno kharakterizuyushchikh cheloveka po urovnyu vospitannosti [Semantic and axiological aspects of adjectives giving positive characteristics to a person according to the level of upbringing]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. Ser. Filologiya. No. 2 (33). Pp. 240-243. (In Russ.).

2. Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy: T. 1: Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works: Vol. 1: Lexical semantics: Synonymous means of language]. Moskva: Vostochnaya literatura, Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

3. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation, occasion, fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

4. Volf, E. M. (1986). Otsennochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov «khorosho / plokho» [Evaluative meaning and the correlation of «good / bad» attributes]. In *Voprosy yazykoznavaniya*. No. 5. Pp. 98-106. (In Russ.).

5. Volf, E. M. (1985). *Funktionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

6. Kaliušchenko, V. D. (2020). Semanticheskaya markirovannost parametricheskikh prilagatelnykh [Semantic marking of parametric adjectives] In *Donetskie chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti*. Donetsk: DonNU. Vol. 5: Filologicheskie nauki. Bibliotechnoe delo. Pp. 98-106. (In Russ.).

7. Rakhilina, E. V. (2008). *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive analysis of subject names: semantics and collocability]. Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).

8. Serebrennikova, E. F. (2011). Klyuchevye ponyatiya aksiologicheskogo analiza [Key concepts of axiological analysis]. In *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov*. Moskva: Tezaurus. Pp. 27-41. (In Russ.).

9. Tsikoreva, P. N. (2015). *Semantika razmera v norvezhskom yazyke* [Semantics of size in the Norwegian language]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

10. Usmanov, R. Sh. (2009). *Parametricheskaya kategorizatsiya adektivnoy leksiki (na materiale prilagatelnykh, oboznachayuschikh «obshiy razmer»)* [Parametric categorisation of adjectival lexicon (based on adjectives denoting «overall size»): diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ufa. (In Russ.).

11. Dixon, R. M. W. (1982). Where Have All the Adjectives Gone? In *Semantics and Syntax*. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 1-62.

12. Hunston, S. (2019). Language patterns and ATTITUDE revisited: adjective patterns, attitude and appraisal. In *Functions of Language*. No. 26 (3). Pp. 343-371.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency word book of the modern Russian language (based on the Russian National Corpus material)]. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).

2. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru>. (accessed: 29.03.2023). (In Russ.).

3. Brezina, V., Gablasova, D. (2023). *A Frequency Dictionary of British English: Core Vocabulary and Exercises for Learners*. London. Routledge.

4. *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (accessed: 24.03.2023).

5. *Das Deutsche Referenzkorpus – DeReKo*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 25.03.2023).

6. Jones, R., Tschirner, E. (2006). *A Frequency Dictionary of German. Core vocabulary for learners*. London and New York. Routledge.

Махненко Ирина Александровна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: i.a.makhnenko@mail.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Makhnenko Irina A. – Postgraduate Student
of Germanic Philology Department
(e-mail: i.a.makhnenko@mail.ru),
Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 апреля 2024 г.

ПЕРЕВОД

УДК 811.161.1'367.625:821.161.1-3:8111.112.2'25

© 2024 Е. В. Алимпиева

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ АКЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

В статье на материале художественной прозы устанавливаются основные приемы перевода русских глаголов различных способов действия на немецкий язык; выявляются полные и частичные межъязыковые соответствия выражения способов действия, основывающиеся на системных (морфемных, морфологических, синтаксических) и функциональных характеристиках сопоставляемых единиц; описываются факторы, обуславливающие выявленные закономерности языковой репрезентации протекания онтологически однотипных действий при переводе.

Ключевые слова: *контрастивная аспектология, переводоведение, способ глагольного действия, межъязыковая эквивалентность, переводческие трансформации.*

© 2024 E. V. Alimpiyeva

TRANSLATION REGULARITIES OBSERVED WHEN RENDERING RUSSIAN ACTION VERBS INTO GERMAN (BASED ON FICTION)

The study focuses on the main methods of translation of Russian verbs of various manners of action into German. The analysis carried out is based on the fiction prose. In the article, the author identifies full and partial interlingual actional equivalents based on systemic and functional characteristics of the compared units and describes the factors that condition the revealed regularities of linguistic representation of the course of ontologically similar actions when translating.

Key words: *contrastive aspectology, translation studies, manner of verbal action, interlingual equivalence, types of translation transformations.*

Вопросы о языковом статусе способов глагольного действия (далее – СГД), критериях их выделения и средствах языковой репрезентации занимают значительное место в аспектологической проблематике разноструктурных русского и немецкого языков и по-прежнему не находят однозначного решения. Исследователи по-разному характеризуют СГД, предлагая различные их классификации. В славянской и неславянской аспектологических традициях СГД, как правило, изучаются во взаимодействии с категорией вида / аспекта, словообразованием, контекстуальным окружением и выделяются на основании общности универсальных семантических характеристик фазового членения действия, его хода и распределения во времени. В контрастивных исследованиях, посвященных сопоставительному исследованию СГД в видовых славянских и безвидовых германских языках, в частности в русском и немецком,

«исходным, отправным пунктом рассмотрения является система русского языка» [Ризаев, 2013: 32].

Особенности семантики и функционирования акционально окрашенной глагольной лексики в исходном (далее – ИЯ) и переводящем (далее – ПЯ) языках рассматриваются в работах, выполненных в русле современных тенденций в языкознании и включающих в себя контрастивный аспект проблемы, таких авторов, как Т. А. Бочкарева, Е. Э. Бутаева, Н. Н. Волостнова, М. Г. Гашкова, Е. В. Горбова, Е. Д. Кучеренко, М. М. Мизова, А. С. Потапенко, И.-Э. С. Рахманкулова, Э. М. Рянская, В. И. Стаценко, А. Н. Трошкина, М. К. Шеина и др.

Как показывает анализ различных аспектологических направлений, на современном этапе развития контрастивной лингвистики наиболее эффективным инструментом выявления способов языковой репрезентации глагольного действия в разноструктурных языках является межъязыковое сопоставление, основанное на анализе переводов текстов [Маслов, 2004: 334]. Для достижения поставленных целей исследователи при этом все чаще прибегают к использованию параллельных корпусов, включающих оригинальные тексты разных жанров и их переводы на другие языки. Такие корпуса позволяют добиться высокой репрезентативности материала и достоверности результатов и поэтому представляют собой эффективный инструмент для исследований в области теоретического языкознания, теории и практики перевода, контрастивной лексикологии, лексикографии и др. [Добровольский, Кретьова, Шаров, 2005].

В практических целях в рамках частной теории перевода особенно подробно рассматриваются «способы передачи лакун лексического или грамматического характера, когда в одном из сопоставляемых языков отсутствует та или иная грамматическая категория или лексические средства выражения соответствующего значения» [Шеина, 1984: 15], что вызывает наибольшие трудности при выборе адекватных средств переводящего языка.

Ввиду довольно подробной изученности русских СГД в данной работе интерес для нас, в первую очередь, представляют средства репрезентации СГД в безвидовом немецком языке, который, как известно, не обладает достаточной парадигмой форм для выражения значений способов действия, сопоставимой по объему с русским языком, вследствие чего семантическое богатство русского глагола, его точность, выразительность и динамичность часто не могут быть воспроизведены в тексте перевода тождественными средствами, что вынуждает переводчика использовать различные приемы и трансформации: заменять

глагол словосочетанием, задействовать лексические добавки, прибегать к описательному переводу и т. п.

Актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в контекст приоритетных направлений системно-структурной и антропоцентрической парадигм лингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации, функциональной лингвистики и переводоведения, одной из наиболее важных задач которых является комплексный контрастивный анализ универсальных языковых категорий, к которым относятся СГД, не только актуализирующие важную информацию об особенностях функционирования систем сопоставляемых языков, но и служащие средством выражения характерных особенностей ментальных сфер их носителей.

Цель статьи – выявить основные приемы перевода русских глаголов различных СГД на немецкий язык и охарактеризовать типологические факторы, детерминирующие различия в оформлении идентичных способов действий средствами сопоставляемых языков в процессе перевода.

Исследование осуществлено в границах разработанной в русистике классификации СГД, экстраполированной нами на систему способов действия в немецком языке с учетом семантической общности характеристик протекания действия. Под СГД при этом мы понимаем «типологическую категорию, представляющую собой совокупность языковых единиц с обобщенными временными, количественными и специально-результативными характеристиками фазового членения и хода действия и реализуемую средствами различных языковых уровней на парадигматической и синтагматической оси» [Алимпиева, 2022: 3].

В качестве практического **материала исследования** использованы коррелирующие пары глагольных наименований различных СГД, извлеченные из коммуникативно равноценных высказываний, представленных в художественных текстах немецкого параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) за 20 лет (1997-2017 гг.) общим объемом 11 документов [НКРЯ, 2003-2022]. Перечень русских глагольных наименований, подлежащих выборке, ограничен 6 глагольными единицами для каждого отдельно взятого типа СГД. Данное количество, на наш взгляд, является достаточным, т. к. известно, что «при сплошной выборке контекстов для исследуемой языковой единицы после достижения определенного количества языковой материал не сообщает ничего нового о качественных аспектах ее употребления» [Баранов, 2001: 37]. Таким образом, репрезентативный объем конкорданса (в корпусной лингвистике – «совокупность всех употреблений заданного языкового выражения в контексте, возможно, со ссылками на источник» [Викисловарь]) для одного СГД

обусловлен частотностью вхождений формирующих его русских глаголов и составляет в среднем 130 словоупотреблений, что позволяет получить достаточно полное представление о способах языковой репрезентации акционсартных значений при переводе с русского на немецкий язык.

Обращение к художественной составляющей НКРЯ, как источнику фактического материала, представляется наиболее релевантным для реализации задач настоящего исследования, прежде всего потому, что глагольные формы являются базовыми в произведениях данного жанра, характеризующегося также семантической емкостью, взаимодействием словесных рядов разных жанров, сопряженностью с разговорной речью, своеобразием синтаксического рисунка текста. Анализируемые переводы на немецкий язык выполнены разными переводчиками – носителями языка перевода (А. Tretner, С. Pöhlmann, G.-M. Braungardt, I. Kolinko, F. Eder, T. Wiedling) и, следовательно, максимально объективно отражают речевой узус. Ссылки на примеры приводятся в соответствии с рекомендациями, данными на сайте <https://ruscorpora.ru> [НКРЯ, 2003-2022].

В ходе исследования применялись метод сплошной выборки, сопоставительно-переводной, дескриптивный и квантитативный методы, приемы компонентного анализа.

Проведенное исследование позволило выявить следующие закономерности перевода русской глагольной лексики различных СГД на немецкий язык.

Сопоставление с немецким языком выявило 72 % случаев полного либо частичного соответствия характеров действий глаголов начинательного, ограничительного и завершительного типов временных СГД в материале ИЯ и ПЯ.

В частности, в большинстве случаев начинательное, ограничительное и завершительное значения русских глаголов формируются в тексте ПЯ в результате простой подстановки – прямой замены русского глагола со словообразовательно немаркированной (примеры 1, 2) / маркированной (примеры 3–5) акционсартной семантикой либо сочетания «фазисный глагол + инфинитив смыслового глагола» (пример 6) их непосредственными соответствиями ПЯ.

(1) Так *началась* наша московская жизнь *So begann* unser Moskauer Leben [V. Sorokin. *Путь Бро* (2004)].
[В. Сорокин. *Путь Бро* (2004)]. *So begann* unser Moskauer Leben [V. Sorokin. *Bro* (A. Tretner, 2007)].

(2) <...>, причем до такой степени, что даже самое короткое пребывание во второй столице могло закончиться для него очень неприятным образом *<...>, und zwar in einem Maße, dass selbst der kürzeste Aufenthalt in der zweiten Hauptstadt für ihn äußerst unschön hätte enden können* [Б. Акунин. *Алмазная колесница* (2003)].
[Б. Акунин. *Алмазная колесница* (2003)]. *<...>, und zwar in einem Maße, dass selbst der kürzeste Aufenthalt in der zweiten Hauptstadt für ihn äußerst unschön hätte enden können* [B. Akunin. *Die Diamantene Kutsche* (A. Tretner, 2006)].

(3) *Аранк закричал – взорвавшийся аквариум был ближе к нему, чем к Мартину, <...>* [С. Лукьяненко. Спектр (2002)]. *Der Aranker schrie auf, da das Aquarium bei der Explosion näher an ihm als an Martin war und <...>* [S. Lukianenko. Spektrum (C. Pöhlmann, 2007)].

(4) – *Может, ночь у нас переждете? <...>* [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Wollen Sie nicht die Nacht bei uns abwarten?», fragte Leistritt* [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

(5) *Я человек, у которого все позади: отвоевался* (разг., ирон.) [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Ich bin ich ein Mensch, der alles hinter sich hat, der ausgekämpft hat* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(6) *Отец стал пить* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Der Vater begann zu trinken* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

В ходе исследования установлено, что в ряде случаев начинательное значение, выраженное в ИЯ префигурованным глаголом либо сочетанием фазисного глагола и инфинитива, в тексте ПЯ семантизируется через «одну из наиболее значимых фигур аспектологического контекста – сопряженность действий в последовательности» [Balin, Zhrebkov, 1973: 8]. В связи с этим можно сделать вывод, что начинательность в немецком языке, помимо вышеперечисленных способов, может быть имплицирована в чисто временной последовательности ряда действий. Так, например, сопряженность с определенной пространственной точкой в ряду последовательных действий дает возможность неопредельным бесприставочным немецким глаголам *weinen* ‘плакать’, *lachen* ‘смеяться, хохотать’, *laufen* ‘бежать’, *schreien* ‘кричать’ и др. при употреблении в форме прошедшего времени выражать значение предельности, свойственное соответствующим русским начинательным глаголам совершенного вида (примеры 7, 8).

(7) *И я сначала заплакала. Потом начала хохотать как безумная* [С. Лукьяненко. Спектр (2002)]. *Zuerst weinte ich. Dann lachte sie wie eine Irre* [S. Lukianenko. Spektrum (C. Pöhlmann, 2007)].

(8) *Обхватила меня руками, радостно закричала и заплакала* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Umarmte mich, stieß einen Freudenschrei aus, weinte* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Особенностью перевода на немецкий язык русской префигурованной лексики ограничительного типа временных СГД является широкое использование синтаксических трансформаций, не затрагивающих семантическую составляющую исследуемых языковых единиц, таких как перестановки и добавление, т. е. введение в структуру предложения приглагольных лексических маркеров (*einen Moment* ‘(одну) минуту’, *einen Augenblick* ‘мгновение’, *fast eine Stunde* ‘почти час’, *eine Zeit lang, eine Weile* ‘некоторое время’, *kurz*

‘немного’, *die ganze Nacht hindurch* ‘всю ночь’ и др.), указывающих на ограниченную протяженность временного интервала, в течение которого осуществлялось действие, выраженное немецким глаголом (примеры 9, 10).

(9) *Шеф помолчал*: <...> [С. Лукьяненко. *Der Chef schwieg einen Moment* Ночной дозор (1998)]. [S. Lukianenko. *Wächter der Nacht* (C. Pöhlmann, 2005)].

(10) *Так они просидели еще некоторое время* [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Eine Zeit lang saßen sie noch so da* [V. Sorokin. *Der Schneesturm* (A. Tretner, 2014)].

К закономерностям перевода русских префигированных глаголов завершительного типа временных СГД мы относим употребление в качестве межъязыкового эквивалента немецкого неопределенного глагола с невыраженной морфемно акционсартностью в одной из контекстно релевантных форм прошедшего времени действительного либо страдательного залога (примеры 11, 12).

(11) <...>, где *Ольга сперва отучилась* *четыре года на экономическом факультете в NYU*, <...> [В. Сорокин. 23000 (2005)]. <...>, wo *Olga zuerst ihre vier Jahre an der Wirtschaftsfakultät der NYU studiert* (дословно: *училась) <...> *hatte*, <...> [V. Sorokin. 23000 (A. Tretner, 2010)].

(12) *Эта история о любви дописана до конца* [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)]. *Diese Liebesgeschichte ist geschrieben worden* (дословно: *написана) [A. Marinina. *Auf fremdem Terrain* (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

Как показывает анализ приведенных примеров, немецкие бесприставочные неопределенные глаголы *studieren* ‘учиться’ и *schreiben* ‘писать’, предложенные в качестве эквивалентов предельных глаголов *отучиться* и *дописать*, характеризуют действия с точки зрения их целостности и результативности, отчасти актуализируя тем самым и финитивное значение. Данный факт свидетельствует о том, что семантический потенциал форм прошедшего времени в немецком языке охватывает такие аспектуально значимые понятия, как завершенность, фактовость, результативность, компенсируя недостаточность парадигмы регулярных аффиксальных средств формирования завершительного значения. В лексическом значении немецкого глагола при этом, на наш взгляд, преобладает сема результативности.

Описанные выше переводческие соответствия, имеющие отношение к плану выражения и не затрагивающие план содержания исследуемых языковых единиц, мы рассматриваем как допустимые / частичные эквиваленты, т. е. «соответствия, совпадающие по архисеме и выступающие в качестве основы коммуникативной равноценности независимо от того, какими средствами происходит передача содержания (описательный перевод,

синонимическая замена, пропорциональная подстановка и др.). Достижение эквивалентности сопоставляемых языковых единиц представляется возможным, когда достаточным в силу контекстуальных условий может оказаться, например, перевод видového слова родовым: *закусывать* ‘essen’, *нестись* ‘laufen’, и т. п.» [Стернин, 2007: 68], т. к. в «эквивалентном переводе воспроизводится та часть элементарных смыслов, которая релевантна для данного сообщения, кроме того, могут появиться дополнительные элементарные смыслы, обусловленные структурой ПЯ» [Каргина, 2014: 11].

В 28% случаев в исследуемом материале немецкого языка фиксируются трансформации как плана выражения, так и плана содержания исследуемых СГД, возникающие вследствие отклонения переводчика от семантико-структурного параллелизма между текстами ИЯ и ПЯ. В результате этого временная семантика СГД утрачивается. Наиболее широко используемые переводческие приемы – лексико-грамматические трансформации (замена частей речи и /или членов предложения, добавление, опущение, генерализация, целостное переосмысление), перестройка синтаксической структуры предложения (примеры 13–15).

(13) *Мы начинали понимать, что вдвоем можем все* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Uns schwante* (дословно: *предчувствовали), *dass wir beide gemeinsam zu allem in der Lage waren* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(14) *Перхуша помолчал, дыша и шмыгая носом* [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Der Krächz keuchte nur, schneifte und sagte nichts* (дословно: *ничего не сказал) [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

(15) *До утра недолго осталось. Переждем* [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Bis es hell wird, hält man's hier aus. Kann nicht mehr lang dauern* (дословно: *не может долго продолжаться) [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

При передаче средствами немецкого языка значений СГД одноактного и многоактного типов количественных СГД ввиду отсутствия морфем, аналогичных по продуктивности русским суффиксам *-(a)ну-*, *-и-*, *-а/-я-*, переводчики в большинстве случаев (78%) прибегают к использованию глаголов, совмещающих в своем лексическом значении семельфактивную и мультипликативную семантику: *niesen* ‘чихать / чихнуть’, *pfeifen* ‘свистеть / свистнуть’, *tauchen* ‘нырять / нырнуть’, *feuern* ‘палить / пальнуть’ и др. Значение семельфактивности либо мультипликативности представленной ситуации при этом эксплицируется при добавлении лексических средств:

1) наречий *einmal* ‘однократно’, *ein paar Mal*, *mehrmals* ‘несколько раз’ и др. (примеры 16, 17);

2) существительных с неопределенным артиклем *ein/eine*, указывающим на однократный характер совершаемого действия (пример 18);

3) глагольно-субстантивных конструкций – «устойчивых словосочетаний с полным и частичным переосмыслением, состоящих из двух компонентов: отглагольного существительного в винительном или дательном падеже или в форме предложной группы и функционального глагола, теряющего в сочетании свое исходное, самостоятельное лексическое значение (иногда полностью, иногда в определенной степени) и выполняющего грамматическую функцию» [Степанова, 2007: 69] (пример 19).

(16) В соседней комнате, <...>, такой хитрый пол – не успеешь **чихнуть**, как уже в подвале [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)]. *Das Zimmer nebenan, <...>, hatte einen raffinierten Fußboden – ehe man **einmal nieste**, war man schon unten* [B. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(17) <...>, вчера она даже **ныряла**, <...> [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)]. *<...>, **ein paar Mal tauchte** sie sogar, <...>* [A. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

(18) <...> и **свистнул** неожиданно так сильно, что свист этот перекрыл рев механизмов и крики толпы [В. Сорокин. 23000 (2005)]. *<...> und **tat einen** so markerschütternden **Pfiff**, dass er das Gebrüll der Maschinen und das Geschrei der Menschen übertönte* [V. Sorokin. 23000 (A. Tretner, 2010)].

(19) Мы **кружили** вокруг рынка, но не видели нашего, <...> [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Wir **drehten mehrere Runden** über den Markt, konnten ihn aber nicht sehen, <...>* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Наиболее часто (56%) в исследуемом конкордансе смягчительного (пример 20), прерывисто-смягчительного (пример 21), сопроводительного (пример 22) и осложненно-интенсивного (пример 23) подтипов количественных СГД фиксируются случаи изменения плана содержания представленной акциональной ситуации по сравнению с текстом оригинала, возникающие в результате применения лексико-грамматических и синтаксических трансформаций.

(20) По их голосам было ясно, что они **подустали** и **подзамерзли** [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Man hörte ihnen an, dass sie **müde waren** und **froren*** (дословно: *устали и замерзли) [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

(21) Но молоточек со льдом стал равномерно **постукивать** меня в грудь [В. Сорокин. Лед (2002)]. *Immerhin begann das Hämmerchen mit dem Eis sogleich, mir **rhythmisch** gegen die Brust zu **klopfen*** (дословно: *стучать) [V. Sorokin. Ljud. Das Eis (A. Tretner, 2005)].

(22) <...>, *некоторые даже стали <...>, manche fingen gar zu **tanzen an приплясывать*** [В. Сорокин. 23000 (2005)]. (дословно: *танцевать) [V. Sorokin. 23000 (A. Tretner, 2010)].

(23) *Он не стал **упрашивать**, <...> Er **bat nicht*** (дословно: *не попросил), <...> [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Широкое использование различных переводческих трансформаций в процессе перевода на немецкий язык русских глаголов с семами пониженной / повышенной интенсивности и комитативности, на наш взгляд, обусловлено сложностью жанрово-стилевой организации текста оригинала, а также стремлением к следованию нормам языка, на который делается перевод. При этом использование переводческих приемов приводит к тому, что семантические оттенки СГД русских префигированных глаголов в ПЯ замещаются семой результативности, что является свойственным языковому менталитету носителей германских языков, характеризующемуся «скорее фактологичностью, чем динамичностью» [Дюсекенева, 2014: 76].

Изменение семантических характеристик СГД в текстах ПЯ по сравнению с ИЯ, на наш взгляд, не служит признаком неадекватности выполненного перевода, т. к. содержание и функционально-прагматическая адекватность параллельных текстов при этом сохраняются, а сама возможность таких изменений имплицирована в бикомпонентной семантике соответствующих немецких глаголов, допускающей изменение ракурса, под которым рассматривается действие.

Наиболее продуктивным способом перевода русской глагольной лексики всех основных типов специально-результативных СГД выступает прием прямой замены (86%). В качестве переводческих эквивалентов при этом используются:

- 1) глаголы с морфемно немаркированными СГД (5%) (пример 24);
- 2) словообразовательно маркированные глаголы (48%) (примеры 25–27);
- 3) сочетания «глагол + лексический маркер-репрезентант определенного СГД» (12%) (примеры 28, 29);
- 4) глагольно-субстантивные конструкции (21%) (пример 30).

(24) *Он долго ворочался, **измучил** меня <...>, der noch lange wach lag und mich mit seiner **Beredsamkeit peinigete*** [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(25) – *В первое же утро **опросили** всех поголовно, <...> [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)]. **Gleich am ersten Morgen befragten wir alle ohne Ausnahme, <...> [А. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].***

(26) Чего-чего? – **переспросил** Адмирал «Wie bitte??», **fragte** der Admiral noch wütender **zurück** [В. Сорокин. Путь Бро (2004)].

(27) <...> Что я **исхожу** миллионы миров, **abwandere**, познакомлюсь с миллиардом людей... **Milliarden Menschen kennenlerne** [С. Лукьяненко. Спектр (2002)].

(28) А немцы стреляли в тех, кто шевелился. Всех **перебили**... **Die Deutschen schossen auf alles, was sich bewegte. Einen nach dem anderen schossen sie tot** [В. Сорокин. Лед (2002)].

(29) Поутру мы вымылись в реке, **наелись** земляники, <...> **Am nächsten Morgen badeten wir im Fluss, aßen uns an Walderdbeeren satt**, <...> [В. Сорокин. Путь Бро (2004)].

(30) Власть **наговорившись** сердцами, мы жгли костер <...> **Hatten unsere Herzen zur Genüge und zu aller Zufriedenheit miteinander gesprochen, entfachten wir ein Feuer**, <...> [В. Сорокин. Путь Бро (2004)].

В 14% случаев аналогичные характеры действий специально-результативных СГД в ИЯ и ПЯ концептуализируются по-разному: акциональная семантика словообразовательно маркированного глагола ИЯ в ПЯ остается нереализованной и заменяется результативно-фактологическим значением. Релевантным для установления межъязыковой эквивалентности при этом является функциональный макрокомпонент значения слова (примеры 31–34).

(31) <...>, после того как Настя власть **нагулялась** и **наработалась** [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)].

<...>, **nachdem Nastja einen ausgiebigen Spaziergang gemacht hatte und mit ihrem Arbeitspensum zufrieden war** (дословно: *совершила длительную прогулку и удовлетворилась выполненным объемом работы) [А. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

(32) За эти пять дней он **измучился** и нас всех **измучил** [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)].

Diese fünf Tage waren eine Qual für ihn und für uns (дословно: *были мукой для него и для нас) [В. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(33) – С-судьба? – **переспросил** он со своим едва заметным заиканием [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)].

«D-das Schicksal?» **fragte** (дословно: *спросил) **er** [В. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(34) *Мы отвечали, что ищем большую стройку, где можно **подроботать*** *Wir seien auf der Suche nach einer großen Baustelle, wo man **gut verdienen könne*** (дословно: *хорошо заработать), antworteten wir [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что достижение содержательной и функционально-прагматической эквивалентности перевода на немецкий язык русской глагольной лексики временных, количественных и специально-результативных СГД при ее функционировании в художественных текстах достигается в результате использования совокупности определенных переводческих техник и приемов, таких как прямая / простая подстановка, лексико-грамматические, синтаксические и семантико-содержательные трансформации.

Выбор и частотность применения тех или иных способов перевода детерминируются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами:

1) количественными и качественными отличиями морфемных составов двух языков, их различным акциональным потенциалом;

2) особенностями грамматического строя безвидового немецкого языка с его общей тенденцией к аналитизму, что обуславливает более высокую частотность употреблений синтаксических средств языковой репрезентации акциональных значений по сравнению с русским языком;

3) особенностями языкового сознания носителей рассматриваемых языков: соотношением рациональной и эмоциональной составляющих в их оценке акциональной ситуации;

4) жанрово-стилевыми особенностями художественных произведений;

5) закономерностями и задачами переводческой практики, которые заключаются в сохранении содержательной и функционально-прагматической эквивалентности исходного и переводного текстов, что позволяет отступать от дословной точности и в значительной степени определяет выбор языковой единицы при переводе;

б) уровнем профессиональной компетенции переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимпиева Е. В. Способы глагольного действия в русском и немецком языках: система и функционирование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Минск, 2022. 29 с.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
3. Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. 2005. С. 263-296.

4. Дюсекенева И. М. Категория аспектуальности в русском и английском языковом менталитете: дисс. ... д-ра философии: 6D020500. Алматы, 2014. 135 с.
5. Каргина Е. М. Теория перевода. Пенза: ПГУАС, 2014. Ч. 2. Основы методологии и техники перевода. 156 с.
6. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. Москва: Языки славян. культур, 2004. 839 с.
7. Ризаев Б. Х. Функционально-семантическое поле лимитативности в современном немецком языке. Самарканд, 2013. 162 с.
8. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. 2-е изд., испр. Москва: КомКнига, 2007. 376 с.
9. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 282 с.
10. Шеина М. К. Добавки, компенсирующие аспектуальную недостаточность немецкого глагола в переводах с русского языка на немецкий: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04; 10.02.20. Калинин, 1984. 186 с.
11. Balin B. M., Zherebkov V. A. Aspektuell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen // *Linguistics. An international Review*, 1973. S. 5-13.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Викисловарь. Доступ: <https://ru.wiktionary.org>. (дата обращения: 24.01.2021).
2. Национальный корпус русского языка. 2003-2022. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 20.02.2021). [НКРЯ].

REFERENCES

1. Alimpieva, E. V. (2022). *Sposoby glagol'nogo deystviya v russkom i nemetskom yazykakh: sistema i funktsionirovanie* [Manners of verbal action in the Russian and German languages: system and functioning]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Minsk. (In Russ.).
2. Baranov, A. N. (2001). *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
3. Dobrovolskiy, D. O., Kretov, A. A., Sharov, S. A. (2005). Korpus parallelnykh tekstov: arkhitektura i vozmozhnosti ispolzovaniya [Corpus of parallel texts: architecture and usability]. In *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003-2005. Rezultaty i perspektivy*. Pp. 263-296. (In Russ.).
4. Dyusekeneva, I. M. (2014). *Kategoriya aspektualnosti v russkom i angliyskom yazykovom mentalitete* [The category of aspectuality in the Russian and English linguistic mentality]: diss. ... d-ra filosofii: 6D020500. Almaty. (In Russ.).
5. Kargina, E. M. (2014). *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Penza: PGUAS. Ch. 2. Osnovy metodologii i tekhniki perevoda. (In Russ.).
6. Maslov, Yu. S. (2004). *Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obschee yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General linguistics]. Moskva: Yazyki slavyan. kultur. (In Russ.).
7. Rizaev, B. Kh. (2013). *Funktsionalno-semanticheskoe pole limitativnosti v sovremennom nemetskom yazyke* [Functional-semantic field of limitativity in the contemporary German language]. Samarkand. (In Russ.).
8. Stepanova, M. D. (2007). *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word formation of modern German]. 2-e izd., ispr. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
9. Sternin, I. A. (2007). *Kontrastivnaya lingvistika: problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive linguistics: problems of theory and research methodology]. Moskva: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
10. Sheina, M. K. (1984). *Dobavki, kompensiruyuschie aspektualnuyu nedostatochnost nemetskogo glagola v perevodakh s russkogo yazyka na nemetskiy* [Additions compensating for

the aspectual deficiency of the German verb in translations from Russian into German]: diss. ...
kand. filol. nauk: 10.02.04; 10.02.20. Kalinin. (In Russ.).

11. Balin, B. M., Zherebkov, V. A. (1973). Aspektuell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen. In *Linguistics. An international Review*. S. 5-13.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Vikislovar* [Wikidictionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org>. (accessed: 24.01.2021).

2. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian]. 2003-2022. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 20.02.2021).

Алимпиева Елена Викторовна – кандидат
филологических наук, доцент кафедры
мировых языков
(e-mail: elena.alimpieva@gmail.com),
Учреждение образования «Витебский
государственный университет
имени П. М. Машерова»
210038, Витебск, пр-т Московский, 33

Alimpiyeva Elena V. – Candidate of Philological
Sciences, Associate professor of the World
Languages Department, Faculty of Humanities
and Language Communications
(e-mail: elena.alimpieva@gmail.com),
Education Establishment «Vitebsk State
P. M. Masherov University»
33, Moskovskiy, Vitebsk, 210038

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ КСЕНОНИМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СКАЗОК)

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения культурно-маркированных лексических единиц и их перевода для сохранения, передачи культурного наследия и для понимания и принятия различий между народами. Целью данной статьи был анализ и систематизация способов перевода русских реалий на немецкий язык на материале перевода народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым.

Ключевые слова: *интерлингвокультурология, ксеноним, идионим, народные сказки, переводческие трансформации.*

TRANSLATION ANALYSIS OF RUSSIAN XENONYMS IN GERMAN (BASED ON RUSSIAN FOLKTALES)

The relevance of this study lies in the need to study culturally marked lexical units and their translation for the preservation and transmission of cultural heritage, and for understanding and accepting the differences between nations. The aim of this article is to analyze and systematize the ways of translating Russian realities into German based on the translation of folk tales collected by A. N. Afanasyev.

Key words: *interlinguoculturology, xenonym, idionym, folktales, translation transformations.*

Введение. Изучение связи языка и культуры являлось одним из актуальных исследовательских направлений на протяжении многих тысячелетий и продолжает оставаться темой множества научных трудов современных ученых. Еще более сложной представляется данная проблематика в интеркультурологическом и переводческом аспектах. Особый характер изучения данного вопроса обусловлен наличием множества экстралингвистических факторов, влияющих на определение взаимосвязи между языком и культурой. Заведомо междисциплинарный характер проблематики взаимосвязи языка и культуры приводит, как показал обзор научной литературы, к возникновению различных научных подходов и направлений, которые, объединяя в себе теоретические положения смежных наук, таких как антропология, психолингвистика, этнография, лингвокультурология, дают свою картину связи языка и культуры, но при этом подтверждают главное – неоспоримое наличие данной связи. Объединяет вышеперечисленные науки в их интересе к выявлению особенностей связи языка и культуры объект исследования. Предмет изучения у каждой науки специфичен, а для нашего исследования наиболее релевантен лингвокультурологический подход. Он

указывает лингвисту и переводчику на характер связи означаемого и означающего в каждом языке. Для корректного перевода, однако, этого недостаточно: при переводе культурно маркированной лексики переводчику следует не только отлично владеть лингвокультурологическим «кодом» каждого из рабочих языков, но и различать «свои» и «чужие» реалии, осознавать особенности восприятия «чужой» культурной реальности. Данная статья посвящена проблеме передачи русских реалий на немецкий язык на материале перевода народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым. Новизна данного исследования состоит в выборе объекта исследования: русские ксенонимы (переданные на немецкий язык реалии) ранее не исследовались на материале перевода сказок А. Н. Афанасьева. Предметом исследования явились способы передачи специфической лексики русской лингвокультуры на немецкий язык. Материал исследования составили русские фольклорные сказки из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», опубликованные в издании «Russische Volksmärchen» в переводе на немецкий А. Майер.

Методы исследования: анализ специальной научной литературы, метод частичной и сплошной выборки – при сборе и накоплении материала, а также предпереводческий и переводческий анализ, позволяющие с большей точностью определить успешность передачи наименования культурного элемента.

Предпереводческий анализ народных сказок мы связываем с лингвокультурологическим анализом. Обратившись к научной литературе, мы выясняем, что лингвокультурология представляет собой «...научную дисциплину синтезирующего типа, пограничную между науками, изучающими культуру, и филологией» [Воробьев, 1997: 34]. Сходное утверждение мы находим и у В. А. Масловой [Маслова, 2001: 15]. Иными словами, лингвокультурология представляет собой лингвистическую науку, в рамках которой происходит изучение представлений знаний о мире носителей определенного языка через анализ языковых единиц, а также речевых событий и ситуаций, в которых данные языковые единицы были применены. При этом выбор языковых средств был обусловлен культурными особенностями носителей языка.

Предметом лингвокультурологического исследования являются «...единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания» [Маслова, 2001: 16]. Подобные языковые единицы часто встречаются в мифах, легендах, поэтических и прозаических художественных текстах, а также в фольклорном дискурсе, то есть в произведениях народного творчества, ведь фольклор является «зеркалом», в котором отражается культура того или иного народа. Одним из самых известных жанров

произведений, относящихся к фольклорному дискурсу, является сказка, перевод которой требует от переводчика особенного мастерства, поскольку реципиент должен прагматически правильно интерпретировать происходящее.

Сказку мы считаем особым видом дискурса [Ожегов, 2009]. В словаре С. И. Ожегова она определяется как «повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [Ожегов, 2009: 644]. В то же время немецкий германист и этнолог К. Ранке характеризует сказку как «рассказ чудесного содержания, независимый от условий реального мира с его категориями времени, пространства и причинности (казуальности) и не претендующий на достоверность» [Ranke, 1979: 381]. Дефиниции ученых-представителей русской и немецкой лингвокультур показывают, что основной характеристикой сказки вне зависимости от её происхождения является выстраивание сюжета произведения на вымысле. Неправдивость происходящего и отличает сказку от других фольклорных жанров, таких как мифы и предания [Луговая, 2012].

Помимо данной особенности, которая присуща сказкам разных народов мира, в сюжетах произведений сказочного жанра, которые могли возникнуть даже в разных частях света, часто прослеживаются единые мотивы, воплотившиеся в различных национально-культурных декорациях. Причинами этого, как считает фольклорист С. Ю. Неклюдов, становятся не только культурные заимствования, но и схожесть природных, социальных, психофизиологических явлений, которые основаны на «базовых» для любого человека эмоциях: радости, страхе, агрессии, зависти [Стародубченко, Семёнова, 2023: 34].

Переводчик должен учесть, что вне зависимости от сюжетной линии и представленных в сказке персонажей одна из основных функций сказки – воспитательная. Сказочный сюжет отражает нравственный опыт представителей народа, учит различать добро и зло, демонстрирует человеческие ценности. Однако лингвокультурология рассматривает сказку не только как источник информации о ценностях и традициях представителей определенной культуры, но и как инструмент понимания языковой картины мира народа; сказка изучается сквозь призму употребленных в ней средств изобразительности, которые могут быть выражены на разных уровнях языка [Бабиян, Федосова, 2016: 506]. Но если звукопись (*по коробу поскреби, по сусеку помети*) или повторяющиеся конструкции (*тянут-потянут, вытянуть не могут*) способствуют созданию динамики повествования и усиливают эмоциональное воздействие в

конкретном сказочном сюжете, то есть языковые единицы, которые представляют интерес не только в контексте определенной сказки, а в рамках целой культуры, к творчеству которой относится данное произведение, ведь они отражают уникальные культурные элементы, которые присущи только определенному народу.

Процесс знакомства с новой, иноязычной культурой осуществляется чаще всего на родном для исследователя языке, ведь передать всю культурную специфику определенной нации, используя только лишь язык его представителей, весьма сложно. Именно поэтому важной является проблема иноязычного описания культуры – то есть передача информации о национально-культурных особенностях народа на иностранном языке. Решением данной проблемы занимается интерлингвокультурология, основанная в середине прошлого века российским лингвистом и филологом В. В. Кабакчи. Данная наука изучает «проблему вторичной культурной ориентации языка, обращенного в область иноязычной культуры» [Кабакчи, Белоглазова, 2012: 10], рассматривает пути адаптации имеющихся в языке выразительных средств в процессе ориентации языка в область иноязычных культур. Важно отметить, что в интерлингвокультурологии четко разграничиваются понятия «своей», то есть внутренней культуры, и внешней, которая является иноязычной по отношению к языку представителей «своей» культуры. Взаимодействие этих двух видов культур является проявлением межкультурного общения, ведь восприятие информации об особенностях внешней культуры осуществляется при помощи языковых средств внутренней культуры.

Культурные элементы, которые отражаются в различных языках, называются культуронимами. Совокупность культуронимов представляет собой культурное пространство. В зависимости от специфики употребления, культуронимы делятся на полионимы и идиокультуронимы. Полионимы представляют собой универсальные понятия, которые можно использовать как по отношению к культуре говорящего, так и по отношению к иноязычной культуре. Однако большая часть элементов какой-либо культуры носит особый характер; данные понятия уже нельзя отнести к числу универсальных, именно поэтому В. В. Кабакчи выделяет данную культурно-специфическую лексику как идиокультуронимы, которые, в свою очередь, делятся на две категории: на идиокультуронимы внутренней (идионимы) и внешней (ксенонимы) культуры. Если идионимы отражают понятия «своего» культурного пространства, то ксенонимы представляют собой наименования, которые обозначают элемент «чужой» культуры [Кабакчи, Белоглазова, 2012: 12]. Например, *Бремен* – это ксеноним немецкой лингвокультуры в русском языке, а *der Zar* – ксеноним, означающий элемент русской культуры, но в немецком языке.

Многие ученые-лингвисты используют для обозначения подобной специфической лексики термин «реалии», который получил более широкое распространение в сфере перевода. Согласно О. С. Ахмановой, реалии представляются как «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке» [Казакова, 2001: 366]. Т. А. Казакова понимает под реалиями «именования национально-культурных объектов, характерных для исходной культуры и сравнительно мало или вовсе не известных переводящей культуре» [Казакова, 2001: 47]. Из данных определений следует, что к реалиям относятся слова и выражения, отражающие элементы лишь «своей» культуры в «своем» языке, что делает данный термин синонимичным идиониму и, соответственно, делает невозможным установление синонимической связи между реалией и ксенонимом, ведь ксеноним обозначает элемент «чужой» культуры, который был реализован в «своем» языке.

Важной характеристикой ксенонимов является их вторичность по отношению к идионимам, которые отражают тот же предмет, но в «своей» культуре. Так, идионим становится прототипом ксенониму; между ними возникает связь на межъязыковом уровне и по отношению друг к другу они определяются как корреляты. Например, *балалайка* как элемент русской, внутренней культуры является идионимом-прототипом ксенонима *Balalaika*, то есть того же предмета русской культуры, однако выраженного в немецком языке; *балалайка* и *Balalaika* являются коррелятами по отношению друг к другу. Ксенонимы также характеризуются отсутствием многозначности, синонимии, омонимии, краткостью и отнесенностью к специальной области знаний. Эти особенности не только обеспечивают возможность использования ксенонимов для наименования внешних культурных элементов, но и делают данные языковые единицы близкими по своей специфике к терминам; однако ксенонимы, в отличие от терминов, обладают вариативностью.

Не менее важным является вопрос функциональности ксенонимических единиц. Язык как средство передачи специфических черт различных культур, согласно мнению российского лингвиста А. А. Леонтьева, обладает рядом функций, к числу которых относится как трансляция общественно-исторического опыта человечества, так и передача «специфического национально-культурного опыта определенного народа» [Леонтьев, 1969: 37]. Последняя из упомянутых функций напрямую связана с ксенонимами как со специфическими языковыми единицами, присущими лингвокультуре определенного народа. Таким образом, одной из основных функций ксенонимов является

культурологическая функция, которая связана с передачей культурного опыта, наследия, ценностей, знаний, обычаев и традиций конкретного народа; данная функция способствует не только расширению кругозора и познанию новых, «чужих» культур, но и сохранению культурного достояния, формированию общей культурной идентичности.

Большинство ксенонимов выражено в языке словом или сочетаниями слов; данные культурно-языковые единицы могут также представлять собой целые предложения (например, пословицы, поговорки или крылатые выражения), однако их количество значительно меньше. Сложность передачи ксенонимов заключается в том, что в языке «чужой» культуры не всегда есть эквивалент данному культурному элементу. Поэтому лингвисты обращаются к выполнению некоторых преобразований – переводческих трансформаций. В рамках существующих трансформаций ксеноним может быть передан в «чужой» язык тремя основными путями: путем транскрипции или транслитерации при отсутствии точного соответствия данному понятию в языке перевода, путем калькирования при сохранении буквального значения слова и путем описательного перевода при развернутом объяснении значения ксенонима.

Вне зависимости от того, к фольклору какого народа принадлежит та или иная сказка, сюжеты вымышленных историй оказываются схожи друг с другом и отражают единые идеи при различии времени и места действия. Так, например, как в русской, так и в немецкой культуре есть сказка, сюжет которой основан на истории хлеба, который сбегает из дома и в конце повествования оказывается съеденным одним из героев сказки («Колобок» / «*Der dicke fette Pfannkuchen*»). Но как в русской народной сказке, так и в иноязычных фольклорных произведениях есть уникальные элементы и персонажи, которые отражают национальную специфику народа. Подобные понятия, представленные в разных лингвокультурах, могут быть как аналогичными друг другу из-за схожестей в историческом и культурном фонах народов, так и отличаться друг от друга из-за различий в жизненном опыте, ценностях, идеалах и морально-этических установках представителей народа. Именно поэтому во время перевода идионимов одним из важнейших аспектов является верная передача денотативного значения слова – то есть образа, который заключен в данной языковой единице. Переводчику необходимо осуществлять интерпретацию образов, если это влияет на ход повествования или на восприятие читателем сюжета сказки, а также подбирать корректный способ передачи ксенонима для отражения заложенного в идионим-прототип значения. Ю. В. Явари, например, отмечает, что при переводе реалий переводчики часто оказываются перед дилеммой: адаптировать реалию или нет [Явари, 2015]. И тот, и другой путь имеют свои плюсы и минусы. При

культурной в данном случае адаптации переводчик выбирает кратчайший путь, транслируя денотативное значение описательно, например, *Zarensohn* – сын царя вместо *царевич*, но утрачивает национальный колорит. Стараясь сохранить культурную маркированность идионимов, переводчик рискует остаться непонятым или избыточно педантичным, снабжая текст перевода комментариями, затрудняющими чтение. Единственным разумным решением при выборе стратегии перевода идионимов видится учет жанровой специфики переводимого текста, определяющей и саму целевую аудиторию, и ее цели. В нашем случае народная сказка предназначена прежде всего для детей. Перевод сказки как произведения устного народного творчества не должен быть перегружен элементами, затрудняющими ее восприятие. В этой связи вполне обоснованы эквиваленты типа *Баба Яга* – *Hexe*, *русалка* – *Nixe*. Часто используются родовидовые замены, например, *терем* – *Herrenhaus* / *Haus* (*господский дом* / *дом*). Отмечается, что при переводе бытовых идионимов в сказках Пушкина транскрипция используется крайне редко [Явари, 2015: 316]. Существенно влияет на способ перевода семантический класс идионима.

В результате проведенного исследования мы выявили пять тематических групп идионимов: 1) бытовые идионимы: а) пища, напитки: *калач*, *блины*, *квас*, *пирог*, *краюшка* (*хлеба*); б) одежда: *кафтан*, *рубаша*, *сапоги*, *гуня*, (*царские*) *ризы*; в) жилье, мебель, посуда: *хатка*, *кадка*, *подворотня*, *изба*, *камора*, *коромысло*, *терем*; г) обращения: (*нареченный*) *зять*, *кумушка*, *куманек*, *сестричка*; д) средство передвижения: *кибитка*, *воз*; 2) идионимы – топонимы: а) названия населенных пунктов: *Муром*, *Киев*, *Чернигов*, *Карачарово*; б) названия рек: *Смородинка*; 3) идионимы – единицы мер и денег: а) единицы мер: *пуд*, *верста*, *сажень*, *пядь*; б) денежные единицы: *рубель*; 4) общественно-политические идионимы: а) звания, титулы, обращения: *государь*, *князь*, *княгиня*, *приказчик*, *король*, *королевна*, *царь*, *царевна*, *царевич*; б) должность: *староста*; в) военные звания: *офицер*, *воевода*; 5) идионимы – мифические элементы и сказочные персонажи: а) духи и мифические существа: *черт*, (*шестиглавый*) *змей*, *нечистый дух*; б) персонажи (статус и имена собственные): *богатырь*, *Соловей-разбойник*, *Сивка-Бурка*, *Баба-Яга* (*костьяная нога*).

Прием перевода идионима связан с его семантической группой. Так, при переводе так называемых мифологических реалий частым приемом оказывается родовидовая замена: *Баба Яга* - *die Hexe* (ведьма), *леший* – *der Schrat* и т. д.

Наибольшие различия можно отметить в отражении уникальных элементов культуры, которые являются частью повседневной жизни представителей русского и немецкого народа. Так, например, как в русской, так и в немецкой лингвокультуре

существует понятие *коромысло* (*der Waagebalken*) – приспособление для ношения ведер на плечах. Однако устройство данного предмета имеет некоторые различия в зависимости от региона его применения: классическое русское коромысло представляет собой изогнутую деревянную палку с крючками или выемками на концах для подвешивания ведер, в то время как немецкое коромысло выглядит как ровная деревянная палка с выемкой для шеи, на конце которой закреплены текстильные ленты с крючками. Это пример показывает, что перевод идионима *коромысло* на немецкий язык как *der Waagebalken* хоть и отражает основную идею данного приспособления (ведь функции русского и немецкого коромысла одинаковы), но в сознании русскоговорящего и немецкоговорящего реципиента коромысло выглядит по-разному.

Одним из самых распространенных способов перевода ономастических идионимов, встречающихся в сказках из сборника А. Н. Афанасьева, является транскрипция, то есть заимствования звуковой системы слова. Наиболее часто этот прием применяется при передаче имен собственных, названий населенных пунктов и природных объектов: *Булат* – *Bulat*; *Шемяка* – *Schemjaka*; *Иван Тимофеевич* – *Iwan Timofejewitsch*; *Мустафор Скурлатович* – *Mistafor Skurlatowitsch*; *Фетинья* – *Fetinia*; *Брянск* – *Briansk*; *Муром* – *Murom*; *Киев* – *Kiew*.

Транскрибирование применяется также и для перевода идионимов – единиц измерения и денежных единиц:

– «...также оставляю вам денег на каждого по сто **рублей**» – «*Deßgleichen hinterlasse ich euch auch Geld, für jeden hundert **Rubel***»;

– «... гуня на нём в пятьдесят **пуд**, шляпа в девять **пуд**...» – «...*sein Bettlermantel war fünfzig **Pud** schwer, sein Hut wog neun **Pud**...*»;

– «...и, не допуская Илью Муромца за двадцать **вёрст**, засвистал своим свистом разбойническим крепко» – «... *und als Ilija, der Muromer, noch zwanzig **Werst** weit von ihm entfernt war, ließ er sein starkes räuberisches Pfeifen erschallen*».

Последний из рассмотренных выше примеров представляет особый интерес, ведь переводчик в процессе передачи ксенонима не обращался к начальной форме русского слова (*верста*), а выполнил транскрибирование той формы слова, которая была представлена в тексте сказки. Аналогичная ситуация произошла с названием села Карачарово, которое в немецком тексте было передано как *Karatscharowa*. Причиной принятия подобного переводческого решения, на наш взгляд, был тот факт, что в сказке название села преимущественно встречается в форме родительного падежа единственного числа («...уроженец города *Мурома*, села **Карачарова**» – «*und bin gebürtig aus dem*

Kirchdorfe Karatscharowa der Stadt Murom)), поэтому переводчик принял данную форму слова за начальную.

При переводе русских народных сказок из сборника А. Н. Афанасьева транскрибирование также было применено для передачи идионима *воевода* («...а самого князя и *воеводу* черниговского живых в плен взять» – «und den Fürsten und *Wojewoden* von Tschernigof selbst lebendig in die Sklaverei abführen») и идионима – должности *староста* («*староста* тотчас показал тот двор, где жил Емеля...» – «*Der Starosta* zeigte ihm sogleich den Hof, wo Emeljan lebte»). Мы считаем, что данный вариант перевода идионимов *воевода* и *староста* не дает немецкоговорящему реципиенту полного понимания значения слова; более целесообразным, на наш взгляд, будет перевод идионимов *воевода* и *староста* как *der Dorfälteste* и *der Truppenführer* соответственно.

При помощи транскрибирования было также передано имя главного персонажа одной из сказок – Ивана Царевича: «*Иван Царевич* очень удивился, что слышит голос, а никого не видит» – «*Iwan Zarewitsch* wunderte sich nicht wenig, daß er eine Stimme hörte und Niemanden sah». Несмотря на то, что переводчик, вероятно, воспользовался данным приемом по аналогии с передачей других имен собственных, в имени персонажа есть компонент, который указывает на его титул (*царевич*), что кардинальным образом влияет на характеристику персонажа – он не просто Иван, а сын царя. Именно поэтому более целесообразным, на наш взгляд, будет применение гибридного способа перевода идионима, где один компонент (*Иван*) будет передан путем транскрибирования, а другой компонент – титул (*царевич*) – путем калькирования, то есть буквального перевода языковой единицы (т. е. *Zarensohn*).

Подобный гибридный способ был, например, применен при переводе идионима – имени одного из самых известных отрицательных персонажей русских сказок Бабы-Яги, костяной ноги. Так, непосредственно само имя *Баба-Яга* было передано путем транскрибирования – *Baba-Jaga*, а характеристика, уже являющаяся частью имени старухи, – *костяная нога* – путем калькирования (*knochenes Bein*). Переводчик принял решение не обращаться к образу немецкой ведьмы (*die Hexe*) как к схожему с образом русской Бабы-Яги для передачи данного идионима, что, на наш взгляд, является верным подходом в рамках данного случая, хотя и требует пояснительного элемента для представителей немецкой лингвокультуры по отношению к лексической единице *Баба-Яга*.

Калькирование само по себе как способ передачи ксенонимов было применено при переводе званий и титулов, таких как: король – *der König*; королева – *die Königin*; царь –

der Zar, а также обозначений обращений, например: кумушка – *die Gvatterin*; куманёк – *der Gvatter*; сестричка – *das Schwesterchen*.

При этом следует отметить, что уменьшительно-ласкательные суффиксы, присутствующие в русских идионимах, не всегда передаются на немецкий; например, в случае с идионимами *кумушка* и *куманёк*, которые были переведены как *die Gvatterin* и *der Gvatter* соответственно, опущение уменьшительно-ласкательных суффиксов повлекло за собой потерю эмоциональной окраски – лиса и волк, которые использовали данные обращения по отношению друг к другу, на самом деле не являлись фактическими кумом и кумой (то есть крестными родителями). В обращения *кумушка* и *куманёк* вложена идея дружеской взаимосвязи, а уменьшительно-ласкательные суффиксы усиливают степень близости; если рассматривать данные формы слов в контексте взаимоотношений волка и лисы, это может восприниматься даже как некая ирония, ведь эти сказочные звери чаще приносят друг другу неприятности, чем действительно относятся друг к другу по-дружески.

Однако буквальный перевод не всегда позволяет передать точное значение идионима. Так, например, ксеноним *die Brodschnitte* не является точным отражением его идионима-прототипа *краюшка (хлеба)* («*Я тебе краюшки твоей не отдам...*» – «*Ich werde dir die Brodschnitte nicht wieder geben...*»), ведь *die Brodschnitte* обозначает кусок хлеба в целом, а слово *краюшка* – ломоть, отрезанный от края хлебной булки или каравай. Еще одним примером может являться идионим *кадка*, который был передан на немецкий язык как *das Becken* («... да попала головой в *кадку* с тестом, вымазалась и бежит» – «*und sprang kopfüber in das Becken mit Teig, schmierte sich ein und lief davon*»). В понимании представителя русской лингвокультуры *кадка* – это ёмкость цилиндрической формы, которая сделана из деревянных дощечек, стянутых металлическими обручами, а *das Becken* – это просто таз или чаша.

В тех случаях, когда подобрать точный вариант передачи ксенонима не представлялось возможным, переводчик обращался к описательному переводу. Например, идионим *подворотня*, который означает доску для закладывания пространства между створками ворот и землей, переводчик решает передать как *das vorgelegte Brett*, что буквально означает *подложенная доска*. В данном случае переводчик не ограничился описательной передачей значения идионима и добавил сноску, в которой объяснил, что в России створки ворот не опускаются до уровня земли и под ними остается пустое пространство, чтобы зимой, когда выпало много снега, их было удобнее открывать и закрывать; это пустое пространство перекрывается поперечной доской (*ein quer vorgelegtes Brett*), что и является *подворотней*, упомянутой в русском тексте сказки.

С помощью калькирования было также передано имя одного из отрицательных персонажей сказки – Соловья-разбойника: «*Соловей-разбойник* слышал несчастье великое...» – «*Aber der Räuber Nachtigall ahnete sein nahes Unglück...*». В отличие от передачи имени собственного Иван Царевич, которое было рассмотрено выше, данный вариант перевода, на наш взгляд, является наиболее удачным, ведь он передает значение каждого из компонентов (*Räuber* – разбойник, *Nachtigall* – соловей), что сохраняет общую идею имени персонажа – преступника, сила которого заключается в его умении свистеть.

Однако во время проведения переводческого анализа были отмечены случаи, когда переводчики отказывались от передачи ксенонима. Данный способ перевода представляет собой опущение и применяется в тех случаях, когда единицы исходного текста являются семантически избыточными, вследствие чего опускаются. Примером данной трансформации может являться опущение идионима *коромысло* в фрагменте перевода на немецкий язык сказки «Емеля-дурак»: «...и тотчас ведра и с *коромыслом* пошли сами на гору» – «*Und sogleich mit Gedankenschnelle gingen Eimer selbst auf den Berg*». В данном примере опущение не повлияло на общую идею высказывания, однако внесло логическую неточность в повествование – получается, что в русской версии сказки Емеля отправился за водой, используя для этого коромысло, а в немецком варианте сказки он нес ведра в руках, так как идионим *коромысло* был опущен при переводе.

Любопытно, что в некоторых случаях переводчик игнорирует начальную форму переводимого слова, а выполняет транскрибирование той словоформы, которая была представлена в тексте сказки: *верста* – *Werst*, (село) *Карачарово* – *Karatscharowa*: «...и, не допуская Илью Муромца за двадцать *вёрст*, засвистал своим свистом разбойническим крепко» – «... und als Ilija, der Muromer, noch zwanzig *Werst* weit von ihm entfernt war, ließ er sein starkes räuberisches Pfeifen erschallen»; «...уроженец города *Мурома*, села *Карачарова*» – «und bin gebürtig aus dem Kirchdorfe *Karatscharowa* der Stadt *Murom*»), Причиной принятия подобного переводческого решения, на наш взгляд, был тот факт, что в сказке название села преимущественно встречается в форме родительного падежа единственного числа, поэтому переводчик принял данную форму слова за начальную. А при выборе варианта передачи ксенонима-названия реки «Смородинка» влияние, на наш взгляд, оказала редукция гласного «о» в безударном положении (т. е. переводчик выбирал вариант передачи слова, основываясь на его произношении), именно поэтому перевод данного идионима выглядит как *Smarodienka*, а не *Smorodienka*.

Результаты выполненного переводческого анализа показывают, что наиболее

распространенным способом перевода идионимов – элементов сказок из сборника А. Н. Афанасьева на немецкий язык является транскрипция (52%), чуть менее распространены калькирование (38%) и описательный перевод (9%). В общую статистику были также включены случаи опущения идионима при переводе (1). Случаи неточного перевода встречались из-за неправильного понимания переводчиком значения идионима или же отсутствия эквивалента в языке перевода.

Знакомство с другими культурами через изучение специфических культурных элементов – идиокультуронимов – было и остается актуальным направлением исследований, особенно в контексте растущего интереса человечества к укреплению собственной культурной идентичности. Ксенонимы в немецком переводе текстов русских народных сказок отражают исключительность русской культурной общности и способствуют воссозданию национального и временного колорита, именно поэтому выбор корректного пути передачи данной языковой единицы является важным как для сохранения различных коннотативных оттенков слова, так и для успешного знакомства иностранного реципиента с данным элементом культуры в целом. Интересной перспективой исследования нам представляется сопоставительный психолингвистический (ассоциативный) и прагматический (перлокутивный) анализ номинаций отдельных семантических групп ксенонимов на материале фольклорных сказок одного исторического периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабиян Т. В., Федосова В. И. Лингвокультурные особенности русской народной сказки и ее английского эквивалента в компаративном аспекте исследования // Молодой ученый. 2016. № 17 (121). С. 504-508.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: (теория и методы). Москва: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов. 1997. 331 с.
3. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Санкт-Петербург: Издательство Союз. 2001. 320 с. (Серия: изучаем иностранные языки).
5. Ковальчук Л. П. Научная парадигма и культурная композиция сказочного дискурса // Вестник ЧелГУ. 2013. № 2 (293). С. 104-109.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение. 1969. 114 с.
7. Луговая Т. А. Сказочный дискурс современной культуры // Журнал «Аркадія». 2012. № 4 (35). С. 14-18.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Издательский центр «Академия». 2001. 208 с.
9. Стародубченко А. Е., Семёнова К. Ю. Немецкие народные сказки как отражение менталитета нации // Юный ученый. 2023. № 3 (66). С. 33-36.

10. Явари Ю. В. Сравнительный анализ перевода на английский и немецкий языки реалий в сказках Пушкина // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 315-319.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. Москва: Оникс [и др.], 2009. 1359 с.
3. Ranke K. Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Berlin: De Gruyter, 1979. Bd. 2. 1444 s.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3-х т. Москва: Наука, 1984-1985. (Лит. памятники). Т. 1. 1984. 512 с.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3-х т. Москва: Наука, 1984-1985. (Лит. памятники). Т. 2. 1985. 464 с.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3-х т. Москва: Наука, 1984-1985. (Лит. памятники). Т. 3. 1985. 495 с.
4. Russische Volksmärchen. Gesammelt von Alexander N. Afanassjew. Deutsch von Anna Meyer. Wien: Stern. 1906. 320 p.

REFERENCES

1. Babiyan, T. V., Fedosova, V. I. (2016). Lingvokulturnye osobennosti russkoy narodnoy skazki i ee angliyskogo ekvivalenta v komparativnom aspekte issledovaniya [Linguocultural peculiarities of Russian folk fairy tales and its English equivalent in the comparative aspect of the study]. In *Molodoy uchenyy*. No 17 (121). Pp. 504-508. (In Russ.).
2. Vorobev, V. V. (1997). *Lingvokulturologiya: (teoriya i metody)* [Linguoculturology: (theory and methods)]. Moskva: Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov. (In Russ.).
3. Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2012). *Vvedenie v interlingvokulturologiyu* [Introduction to Interlinguocultural Studies]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUEF. (In Russ.).
4. Kazakova, T. A. (2001). *Prakticheskie osnovy perevoda. English <=> Russian* [Practical basics of translation. English <=> Russian]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Soyuz. (Seriya: izuchaem inostrannye yazyki). (In Russ.).
5. Kovalchuk, L. P. (2013). Nauchnaya paradigma i kulturnaya kompozitsiya skazochnogo diskursa [Scientific paradigm and cultural composition of fairy tale discourse]. In *Vestnik ChelGU*. No 2 (293). Pp. 104-109. (In Russ.).
6. Leontev, A. A. (1969). *Yazyk, rech, rechevaya deyatel'nost* [Language, speech, speech activity]. Moskva: Prosveschenie. (In Russ.).
7. Lugovaya, T. A. (2012). Skazochnyy diskurs sovremennoy kultury [Fairy tale discourse of contemporary culture]. In *Zhurnal «Arkadiya»*. No 4 (35). Pp. 14-18. (In Russ.).
8. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moskva: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». (In Russ.).
9. Starodubchenko, A. E., Semenova, K. Yu. (2023). Nemetskie narodnye skazki kak otrazhenie mentaliteta natsii [German folk tales as a reflection of mentality]. In *Yunyy uchenyy*. No 3 (66). Pp. 33-36. (In Russ.).
10. Yavari, Yu. V. (2015). Sravnitel'nyy analiz perevoda na angliyskiy i nemetskiy yazyki realiy v skazkakh Pushkina [Comparative analysis of translation into English and German of realities in Pushkin's fairy tales]. In *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*. No 2. Pp. 315-319.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2-e izd. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
2. Ozhegov, S. I. (2009). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 26-e izd., ispr. i dop. Moskva: Oniks [i dr.]. (In Russ.).
3. Ranke, K. (1979). *Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Berlin: De Gruyter, Bd. 2.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Afanasev, A. N. (1984). *Narodnye russkie skazki* [Russian folktales]: v 3-kh t. Moskva: Nauka, 1984-1985. (Lit. pamyatniki). Vol. 1. (In Russ.).
2. Afanasev, A. N. (1985). *Narodnye russkie skazki* [Russian folktales]: v 3-kh t. Moskva: Nauka, 1984-1985. (Lit. pamyatniki). Vol. 2. (In Russ.).
3. Afanasev, A. N. (1985). *Narodnye russkie skazki* [Russian folktales]: v 3-kh t. Moskva: Nauka, 1984-1985. (Lit. pamyatniki). Vol. 3. (In Russ.).
4. *Russische Volksmärchen. Gesammelt von Alexander N. Afanassjew*. Deutsch von Anna Meyer. Wien: Stern. 1906.

Бутусова Анжелика Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии (e-mail: asbutusova@sfedu.ru), Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Гусева Анастасия Сергеевна – редактор (e-mail: gas12rnd@gmail.com), ООО «Феникс», Российская Федерация, Ростов-на-Дону

Butusova Anzhelika S. – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German Philology (e-mail: asbutusova@sfedu.ru), Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Southern Federal University» 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006

Guseva Anastasia S. – Editor (e-mail: gas12rnd@gmail.com), LLC «Phoenix», Russian Federation, Rostov-on-Don

Поступила в редакцию 02 сентября 2024 г.

ПОРТРЕТ УЧЁНОГО

К юбилею члена редколлегии нашего журнала, профессор, доктора филологических наук, профессора кафедры германской филологии Донецкого государственного университета Шамиля Рафаиловича Басырова, известного специалиста в области германистики и лингвистической типологии.

Редколлегия журнала, коллеги, ученики сердечно поздравляют Шамиля Рафаиловича с юбилеем и искренне желают ему крепкого здоровья, насыщенной творческой жизни и талантливых учеников!

ЖИЗНЬ В НАУКЕ:

К юбилею доктора филологических наук, профессора Шамиля Рафаиловича Басырова

Профессор кафедры германской филологии Донецкого государственного университета Шамиль Рафаилович Басыров родился 23 июля 1954 года в г. Донецке (в то время – Сталино) в семье горняка Рафаила Басыровича и его супруги Бану Мельнишевы, которые работали на шахте имени Челюскинцев в Донецке. Старшая сестра Ш. Р. Басырова – Людмила Рафаиловна – окончила экономический факультет Донецкого государственного университета, получив квалификацию экономиста.

Ш. Р. Басыров учился в средней общеобразовательной школе № 105 г. Донецка. Окончив её в 1971 году с золотой медалью, поступил на отделение романо-германской филологии Донецкого государственного университета по специальности «Немецкий язык и литература». Шамиль Рафаилович окончил учёбу в университете с дипломом с отличием.

В 2024 году исполнилось 45 лет служения Шамиля Рафаиловича на педагогической и научной ниве в своей Alma mater. А до 1979 года сегодняшний профессор прошёл военную службу на Дальнем Востоке, работал техническим переводчиком на Донецком машиностроительном заводе.

Научные интересы Ш. Р. Басырова находятся прежде всего в области лингвистической типологии. Сохраняя и развивая 30-летние традиции научной школы «Германистика, типология, сопоставительная лингвистика: лексико-семантические и

словообразовательные исследования», которая с 1994 г. успешно функционирует на кафедре германской филологии ДонГУ и из которой вышел сам юбиляр, а также развивая собственные научные достижения, Ш. Р. Басыров исследует прежде всего глаголы с рефлексивным комплексом в разноструктурных языках, не забывая касаться и других лингвистических тем, которые отражены в его многочисленных научных трудах.

А начинался научный путь юбиляра с германских языков: в 1985–1987 гг. он обучался в аспирантуре Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР под руководством доктора филологических наук, профессора Владимира Петровича Недялкова, защитил в 1988 году в Ленинграде кандидатскую диссертацию на тему «Немецкие рефлексивные глаголы». В 2002–2005 гг. Ш. Р. Басыров – докторант кафедры германской филологии ДонНУ (научный консультант – доктор филологических наук, профессор, основатель вышеупомянутой научной типологической школы Владимир Дмитриевич Калиущенко). Докторскую диссертацию «Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках», выполненную на материале свыше 20 языков, Ш. Р. Басыров защитил в 2006 году в Киевском национальном лингвистическом университете.

Профессор Ш. Р. Басыров – автор более 150 научных трудов и учебно-методических пособий, в т. ч. 8 монографий, более 10 учебных пособий, более 100 статей, опубликованных в ведущих научных изданиях разных стран. Он является членом совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук на базе Донецкого государственного университета; членом редколлегии монографической серии «Типологические, сопоставительные, диахронические исследования», научных журналов «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология», «*Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*», включённых в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Ш. Р. Басыров подготовил 8 кандидатов филологических наук, руководит межкафедральным научным семинаром аспирантов и молодых учёных, рецензирует кандидатские и докторские диссертации.

Много времени, сил, творческих идей профессор Ш. Р. Басыров вкладывает в научную подготовку будущих преподавателей и переводчиков. Его ученики неоднократно побеждали на Всероссийских конкурсах студенческих научных работ, награждались дипломами и грамотами за лучшие доклады на научных конференциях разных уровней.

Он преподаёт теоретические курсы лексикологии и фонетики, а также практический курс немецкого языка как первого иностранного, руководит курсовыми и дипломными работами, магистерскими диссертациями.

Уважаемый Шамиль Рафаилович! Искренне поздравляем Вас со славным юбилеем, желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и новых свершений на научной и педагогической стезе. Пусть вера и надежда станут двумя крылами, которые будут держать Вас на взлёте ещё много лет!

В. Д. Калиущенко,
Л. Н. Ягупова

**ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЁННЫЕ ПОД НАУЧНЫМ РУКОВОДСТВОМ
ПРОФЕССОРА Ш. Р. БАСЫРОВА**

2010

Крайняк О. Н. Еліптичні іменники в сучасній німецькій мові (= Эллиптические имена существительные в современном немецком языке) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04; Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2010. 246 л.

2013

Юшкова С. А. Реципрокальні дієслова та їх конструкції у німецькій та українській мовах (= Реципрокные глаголы и их конструкции в немецком и украинском языках) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.17. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2013. 305 л.

Яненко И. В. Структурно-семантична характеристика флоронімів у різноструктурних мовах (= Структурно-семантическая характеристика флоронимов в разноструктурных языках) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.17. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2013. 288 л.

2018

Беспамятная Л. В. Структура и семантика субстантивных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2018. 244 л.

Косицкая А. Г. Структурно-семантические особенности наименований человека в искусстве : (на материале английского и немецкого языков) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2018. 236 л.

2019

Марченко Е. А. Глаголы с рефлексивным комплексом в современном русском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2019. 238 л.

2020

Писарева В. В. Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2020. 201 л.

2021

Петрищева Е. И. Стилистически маркированные наименования лиц по родственным отношениям : сопоставительный аспект : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2021. 272 л.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ ПРОФЕССОРА Ш. Р. БАСЫРОВА

ДИССЕРТАЦИИ

1988

Немецкие рефлексивные глаголы : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Л., 1988. 190 л.

2006

Словотвір дієслів із рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах (= Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.17. Донецк, 2006. 433 л.

МОНОГРАФИИ

2004

Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках. Донецк : ДонНУ, 2004. 362 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования ; Т. 1).

2014

Структура і семантика флоронімів у різноструктурних мовах (= Структура и семантика флоронимов в разноструктурных языках). Донецк : ДонНУ, 2014. 311 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования ; Т. 11). (в соавторстве с И. В. Яненко).

Словотвір дієслів із рефлексивним комплексом у типологічному висвітленні. Донецк : Изд-во Ноулидж (Донецкое отделение), 2014. 544 с.

Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. – Донецк : Изд-во Ноулидж (Донецкое отделение), 2014. – 562 с.

2018

Диатезы реципрокных глаголов в немецком и украинском языках. СПб. : Свое изд-во, 2018. 301 с. (в соавторстве с С. А. Юшковой).

2019

Метафори и метонимии в разноструктурных языках : сб. науч. статей / Ш. Р. Басыров [и др.]. Донецк : [б. и.], 2019. 287 с.

2023

Эмоционально-оценочные наименования лиц по родственным отношениям в разноструктурных языках : структура, семантика и функционирование. Донецк : ДонГУ, 2023. 275 с. (в соавторстве с Е. И. Петрищевой).

2024

Избранные труды по германскому, сопоставительному и типологическому языкознанию. К юбилею проф. Ш. Р. Басырова; сост. Е. И. Петрищева, В. В. Писарева, С. А. Юшкова. Донецк : Издат. дом «Эдит», 2024. 252 с.

СТАТЬИ

1985

Немецкие собственно-рефлексивные глаголы // Грамматические категории в разносистемных языках. Лингвистические исследования. М., 1985. С. 19-27.

1986

Немецкие конфликсные рефлексивные глаголы с приставкой ver- // Взаимодействие лексических и синтаксических единиц. Лингвистические исследования. М., 1986. С. 10-18.

1987

Количественная характеристика смысловых групп немецких рефлексивных глаголов // Функционально-семантические аспекты грамматики. Лингвистические исследования. М., 1987. С. 17-25.

1989

Сопоставительный анализ конфликсных рефлексивных глаголов немецкого, русского и польского языков // Сопоставительное изучение лексики и грамматики германских, романских и славянских языков. К., 1989. С. 5-9.

1993

Сопоставительный анализ немецких и сербскохорватских рефлексивных глаголов // Сопоставительные исследования в области номинации и словообразования : сб. науч. тр. Донецк, 1993. С. 3-11.

1998

Типологическая анкета для описания конфликсных рефлексивных глаголов // Вісник Донецького університету. Сер. Б. Гуманітарні науки. 1998. № 1. С. 151-153.

Die vergleichende Analyse der Reflexivverben im Mittelhochdeutschen und Neuhochdeutschen // Типология языковых значений в диахроническом и сопоставительном аспектах. 1998. Вып. 1 : Словообразование в средневерхненемецком языке. С. 10-15.

1999

Конфликсные рефлексивные глаголы в древневерхненемецком языке // Лінгвістичні студії. 1999. Вип. 5. С. 30-32.

2000

К семантике некоторых конфликсных рефлексивных глаголов в славянских языках // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2000. Вип. 3. С. 6-11.

2001

Глаголы с рефлексивным компонентом в дательном падеже (на материале немецкого и чешского языков) // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2001. Вип. 4. С. 33-39.

Конфликсные рефлексивные глаголы в германских языках // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2001. Вип. 4. С. 6-9.

Конфликсные рефлексивные глаголы (на материале немецкого, русского и польского языков) // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. 2001. Вып. VII. С. 50-54.

Немецкие рефлексивные глаголы в художественной и публицистической литературе // Вісник Донецького університету. Сер. Б : Гуманітарні науки. 2001. № 2. С. 124-129.

Немецкие рефлексивные глаголы и их соответствия в украинском языке // Восточноукраинский лингвистический сборник. 2001. Вып. 7. С. 435-440.

Типологічна характеристика конфліксних зворотних дієслів // Проблеми зіставної семантики. 2001. Вип. 5. С. 245-246.

2002

Конфликсные рефлексивные глаголы в современном немецком разговорном языке // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2002. Вип. 5. С. 6-12.

Конфликсные рефлексивные глаголы и словообразовательные универсалии (на материале немецкого и русского языков) // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2002. Вип. 6. С. 9-17.

Німецькі та польські віддієслівні рефлексивні деривати (порівняльний аспект) // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія: Всеукр. зб. наук. праць. 2002. Число 6. С. 83-84.

Эволюция конфликсных рефлексивных глаголов // Типология мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2002. Вип. 5. С. 39-44.

2003

Декаузативні зворотні дієслова в історичному аспекті // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія. 2003. Число 7. С. 103-105.

Історичний розвиток німецьких зворотних дієслів (порівняльний аспект) // Вісник Донецького університету. Сер. Б. Гуманітарні науки. 2003. №1. С. 88-93.

Конфликсные рефлексивные глаголы и их соответствия в новогреческом языке // Нова філологія. 2003. №3. С. 49-55.

Моторні зворотні дієслова // Нова філологія. 2003. № 2. С. 104-110.

Немецкие и испанские рефлексивные глаголы // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. 2003. Вып. XI. Ч. 1. С. 187-194.

Отглагольные конфликсные рефлексивные глаголы в индоевропейских языках (семантический аспект) // Типология мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2003. Вип. 8. С. 17-24.

Сравнительно-типологическое исследование конфликсных рефлексивных глаголов // Типология мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2003. Вип. 7. С. 12-18.

2004

Семантична характеристика конфіксних зворотних дієслів у різноструктурних мовах // Ucrainica I. Současná Ukrajínistika. Problémy jazyka, literatury a kultury. Olomouc: Universitatis Palackého v Olomouci, 2004. С. 172-175.

Словотвірний аспект вивчення конфіксних зворотних дієслів у індоєвропейських мовах // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія. 2004. Число 8. С. 167-169.

Структурно-семантична характеристика відприкметникових конфіксних зворотних дієслів (на матеріалі індоєвропейських мов) // Сучасні дослідження з іноземної мови: зб. наук. статей. – Ужгород: ТОВ «Борнео», 2004. Вип. 2. С. 128-135.

Структурные типы конфликсных рефлексивных глаголов (на материале индоевропейских языков) // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: Науковий журнал. 2004. Т. 1. № 1. С. 42-55.

Типологія значень відіменникових конфіксних зворотних дієслів // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2004. Вип. 6. С. 4-16.

Типологія конфіксних зворотних дієслів (на матеріалі індоєвропейських мов // Мова і культура: Науковий щорічний журнал. Вип. 7. т. V: Міжкультурна комунікація. С. 215-221.

2005

Дієслова з рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах // Мова і культура. 2005. Вип. 8. Т. 5/2: Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. С. 221-224.

Типологічна характеристика дієслів із зворотним комплексом // Проблеми зіставної семантики. 2005. Вип. 7. С. 347-351.

2006

Молдавские глаголы с рефлексивным комплексом в типологическом освещении // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2006. Вип. 14. С. 15-20.

Морфологічна класифікація дієслів із рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія. 2006. Число 10. С. 196-198.

Рефлексивні дієслова у типологічному аспекті // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2006. Вип. 13. С. 12-19.

2007

- Відсубстантивні дієслова з рефлексивним комплексом в українських говірках : зіставно-типологічний аспект // Грані мов і культур : зб. статей, присвячений ювілею Миколи Олексійовича Луценка. Донецьк : ДонНУ, 2007. С. 12-23.*
- Все життя – успішна праця (професору В. Д. Каліущенку – 60!) // Одиниці та категорії сучасної лінгвістики : зб. статей, присвячений ювілею В. Д. Каліуценка. Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2007. С. 5-11 (у співавторстві з М. О. Луценком).*
- Дієслова з рефлексивним комплексом в українських говірках : зіставно-типологічний аспект // Studia Germanica et romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2007. Т. 4, № 2. С.69-81.*
- Исландские рефлексивные глаголы // Типология мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. 2007. Вып. 15. С. 17-25.*
- Новообразования в сфере глаголов с рефлексивным комплексом // Studia Germanica et romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2007. Т. 4. № 3. С. 143-148.*
- Рефлексивные глаголы в немецком языке в сопоставлении с татарскими // Типология мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. 2007. Вып. 16. С. 5-15.*
- Рефлексивные глаголы в немецком и южнославянских языках // Studia Germanica et Romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2007. Т. 4. № 1. С. 84-92.*
- Словотвір дієслів із рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах // Проблеми типологічної та квантитативної лексикології. Чернівці : Рута, 2007. С. 219-229.*
- Типология значень відприкметникових дієслів із рефлексивним комплексом // Одиниці та категорії сучасної лінгвістики : зб. статей, присвячений ювілею В. Д. Каліуценка. Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2007. С. 12-28.*

2008

- Глаголы с рефлексивным комплексом и универсалии (на материале индоевропейских языков) // Типология мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. 2008. Вып. 18. С. 5-10.*
- О некоторых универсалиях в сфере конфиксного глагольного образования // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В. В. Левицького : зб. наук. праць. Чернівці : Книги-XXI, 2008. С. 120-126.*
- Рефлексивные глаголы в немецком языке в сопоставлении с татарским, узбекским, алтайским и киргизским языками // Типология мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. 2008. Вып. 17. С. 16-29.*
- Словотвір дієслів із рефлексивним комплексом (на матеріалі індоєвропейських мов) // Сучасні дослідження з іноземної філології. 2008. Вип. 6. С. 267-271.*

2009

- Категория жизни и смерти в разноструктурных языках (на материале паремий и крылатых выражений) // Studia Germanica et romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2009. Т. 6. № 1. С. 45-60.*
- Рефлексивные глаголы в немецком языке и их соответствия в кавказских языках // Типология мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. 2009. Вып. 19. С. 5-17.*
- Типологічні узагальнення у сфері творення дієслів з рефлексивним комплексом // Проблеми зіставної семантики. 2009. Вип. 9. С. 38-42.*
- Языковые закономерности в области рефлексивного глаголообразования в индоевропейских языках // Актуальні проблеми іноземної філології : Лінгвістика та літературознавство : міжвуз. зб. наук. статей. 2009. Вип. III. С.15-25.*

2010

- Индоевропейские рефлексивные глаголы и их соответствия в тайских языках* // Сучасні дослідження з іноземної філології. 2010. Вип. 8. С. 34-41.
- Немецкие рефлексивные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках* // Актуальні проблеми іноземної філології : Лінгвістика та літературознавство : міжвуз. зб. наук. статей. 2010. Вип. V. Ч. II. С. 96-107.
- Німецькі рефлексивні дієслова в порівняльно-історичному аспекті* // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Сер. Філологічні науки. Мовознавство. 2010. № 7. С. 9-13.
- Рефлексивные глаголы в немецком языке и их соответствия в иранских языках* // Мова й дискурс : Вимір і вимірювання : міжвуз. зб. наук. праць до 75-річчя з дня народження доктора філологічних наук, професора, академіка Академії вищої школи України Світлани Олексіївни Швачко. Суми : Вид-во СумДУ, 2010. С. 11-22.

2011

- Немецкие рефлексивные глаголы и их соответствия в азербайджанском и турецком языках* // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2011. Вип. 24. С. 11-17.
- Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках и их соответствия в австронезийских языках* // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. 2011. Вип. 22. С. 5-12.
- Дієслова з рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах та їх відповідники в неіндоєвропейському ареалі* // Проблеми зіставної семантики. 2011. Вип. 10. Ч. 1. С. 124-129.

2012

- Немецкие рефлексивные глаголы и их структурно-семантические параллели в иранских языках* // *Studia Germanica et romanica* : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2012. Т. 9. № 3. С. 122-135.
- О некоторых универсальных закономерностях глагольного словообразования в индоевропейских языках* // Нова філологія. 2012. № 51. С. 198-201.
- Футбольная разговорная лексика (на материале глаголов немецкого разговорного языка)* // *Studia Germanica et romanica* : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2012. Т. 9. № 1. С. 5-13.

2013

- Глагольные инновации в современном немецком языке* // Нова філологія. 2013. № 55. С. 21-24.
- Квіткові метафори та метонімії (на матеріалі германських, романських і слов'янських мов)* // Проблеми зіставної семантики. 2013. Вип. 11. С. 51-59.
- Zu den Bildungstypen der deutschen Reflexiva* // *Semantik u Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik.* – Frankfurt a./M.: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften. 2013. S.117-126. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik / [hrsg. v. V. Kaliuščenko u. A. Kaṭny]; Bd. 1).

2014

- Метафоричні моделі орнітонімів у різноструктурних мовах* // Науковий вісник Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Сер. Філологічні науки (мовознавство). 2014. С. 3-13.
- Метафоричні моделі у сфері дієслів розуміння германських і слов'янських мов* // Одеський лінгвістичний вісник. 2014. Вип. 2. С. 3-9.

2015

Глаголы морского дела в немецком разговорном языке // *Нова філологія*. 2015. С. 15-22.

2016

Инновации в системе современного немецкого языка // *Лингвистика и лингводидактика* : традиции и инновации : сб. науч. тр. К 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ / под ред. О. Л. Бессоновой. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. С. 124-129.

Метонимия в сфере наименования денег // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2016. Т. 13. Вып. 1. С. 48-56.

Редупликация в современном немецком разговорном языке // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований* : сб. науч. тр. Краснодар : Кубанский гос. ун-т ; «Просвещение-Юг», 2016. Книга 8. С. 18-23.

Эволюция немецких рефлексивных глаголов : структура и семантика // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки*. Донецк, 2016. № 3. С. 5-10.

2017

Вторичные наименования в сфере орнитонимов (на материале разноструктурных языков) // *Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации*. 2017. С. 19-26.

Литература на занятиях немецкого языка в высшей школе // *Античность – Современность (вопросы филологии)*. Сборник научных работ. Донецк, 2017. С. 577-587.

Деагентивные рефлексивные глаголы и конструкции в немецком языке // *Studia Germanica Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 1–2 (35-36). С. 5-12.

*Лексико-фразеологическая концептуализация понятия *sin* / грех в английской и русской языковых картинах мира* // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2017. Т. 13. № 3 (37). С. 87-99. (соавтор Л. А. Сапронова).

2018

Узуальные и окказиональные глаголы с рефлексивным комплексом: сопоставительный аспект // *Мир и человек в зеркале языка: сб. науч. ст., посвященный юбилею д. филол. н., проф. О.Л. Бессоновой*. Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. С. 145-152.

Семантические особенности лексем, называющих руководящее (должостное) лицо в английском, немецком и русском языках // *Studia Germanica Romanica et Comparatistica*. 2018. Т. 14. Вып. 2-3. (40-41). С. 86-97. (соавтор Е. И. Поддубная).

2019

Фразеологические метафоры с семантикой деструкции // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Т. 15. № 3 (45). С. 50-65.

2020

Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16. Вып. 4 (50). С. 79-85.

2021

Структурно-семантическая характеристика глаголов и фразеологизмов понимания в английском, немецком и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал. 2021. Т. 17. Вып. 3 (53). С. 49-58. (соавтор Е. П. Алексеева).

Метафоры и метонимии в сфере терминологических единиц немецкого языка // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Т. 17. № 4 (54). С. 5-14.

2023

Стилистически маркированные наименования офисных сотрудников в немецком языке // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2023. № 1(61). С. 109-125.

2024

Эмоционально-оценочные слова в пандемийной лексике немецкого и русского языков: структурный анализ // Отражения: язык и культура в синхронии и диахронии. Сборник научных трудов: в 2 частях. Петрозаводск, 2024. С. 108-116.

Оценочная лексика со значением нечестного поведения в немецком языке // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 2 (66). С. 131-147.

Оценочные значения наименований растений в разноструктурных языках // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. Донецк: ДонГУ, 2024. Т. 20. Вып. 1 (63). С. 63-77.

РЕЦЕНЗИИ

2010

Рецензия на монографию Е. В. Материнской «Типологія найменувань частин тіла» // Studia Germanica et romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2010. Т. 7. Вып. 1. С. 144-148.

Рецензия на монографию И. В. Ступак «Структурно-семантичні та функціональні характеристики похідних каузативних дієслів у німецькій і українській мовах» // Studia Germanica et romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. 2011. Т. 8. Вып. 1. С. 178-183.

ТЕЗИСЫ

1995

Типологическая характеристика отыменных конфиксных рефлексивных глаголов // Филологические чтения : вузовская конф. профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской и методической работы, апрель 1995 г. Донецк, 1995. С. 88-89.

1999

Контрастивный анализ немецких и польских рефлексивных глаголов // Науково-методична конф. з проблем викладання фундаментальних дисциплін гуманітарного циклу. Донецьк, 1999. С. 181-183.

2000

Die Reflexivverben in den slavischen Sprachen // Лінгвістичні та методичні проблеми навчання мові як іноземній : Третя міжнар. конф. Полтава, 2000. С. 43-44.

2001

К вопросу о семантике конфиксных рефлексивных глаголов // Діахронічне, типологічне і контрактивне дослідження германських, романських і слов'янських мов (семантика й словотвір) : міжнар. наук. конф. 24-25 квітня 2001 р. Донецьк, 2001. С. 31-35.

2003

Конфіксні зворотні дієслова в індоєвропейських мовах (формальний аспект) // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации : X Междунар. конф. по функциональной лингвистике. 29 сентября – 4 октября 2003 г. Симферополь, 2003. С. 25-26.

Об одной группе рефлексивных глаголов в индоевропейских языках // Дослідження різнорівневих одиниць романських, германських і слов'янських мов. Донецьк, 2003. Вып. II. С. 3.

Порівняльно-типологічна характеристика конфіксних зворотних дієслів в індоєвропейських мовах // Німецька мова як іноземна на килимі суцвіття мов в системі освіти України: ювілейна конф. Асоціації українських германістів. 26-27 вересня 2003 року. Львів, 2003. С. 22-26.

Сравнительно-типологическая характеристика конфиксных рефлексивных глаголов // Проблемы теории и истории славянского словообразования: Шестая Междунар. конф. комиссии по славянскому словообразованию при международном комитете славистов. Минск, 2003. С. 51-53.

2004

Типологическая характеристика глаголов с рефлексивным комплексом // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета. 4-6 окт. 2004 г. Казань, 2004. С. 135-136.

2005

Словообразовательные универсалии в сфере глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках // Компаративістика і типологія у сучасній лінгвістичній науці: здобутки і проблеми: IV Міжнар. лінгвістичний семінар. Донецьк: ДонНУ, 2005. С. 15-19.

2007

О типологическом изучении глаголов с рефлексивным комплексом // Филологические чтения: междунар. науч.-практ. конф. 1-2 ноября 2007 г. Оренбург, 2007.

Структурні типи дієслів із рефлексивним комплексом в українських говірках: зіставно-типологічний аспект // Наукова конф професорсько-викладацького складу ДонНУ. 18-20 квітня 2007 р. Донецьк, 2007. С. 10-14.

Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом (на материале индоевропейских языков) // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках: III Междунар. науч. конф. 19-20 апреля 2007 г. Днепропетровск, 2007. С. 83-86.

Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках): междунар. науч. конф. Брест, 2007. С. 1-3.

2008

Глаголы с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках. Типологический аспект // Язык и дискурс в статике и динамике: междунар. науч. конф. 14-15 ноября 2008 г. Минск, 2008. С. 11-12.

2009

Дієслова з рефлексивним комплексом в українських говірках // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: IV Междунар. науч. конф. 9-10 апреля 2009 г. Днепропетровск, 2009.

Література на уроках німецької мови // Перспективи німецької мови та германістики в Україні: XVI Міжнародна наук.-практ. конф. Асоціації українських германістів. 16-17 жовтня 2009 р. Чернівці, 2009. С. 10-12.

Этнонимы в сопоставительном аспекте // Филологические чтения: Междунар. науч.-практ. конф. 7 октября 2009 г. Оренбург, 2009. С. 30-33.

2010

Основные значения рефлексивных глаголов в индоевропейских языках и их соответствия в австронезийских языках // Компаративістика і типологія в сучасній лінгвістичній науці: здобутки і проблеми: IX Міжнар. лінгвістичний семінар. 11-14 червня 2010 р. Донецьк, 2010. С. 12-14.

Способы передачи рефлексивных значений в австронезийских языках // Язык – когниция – коммуникация: междунар. науч. конф. 3-6 ноября 2010 г. Минск, 2010. С. 18-19.

Literatur im Deutschunterricht an Universitäten und Hochschulen // Викладання та вивчення німецької мови в міжкультурному просторі: XVII Міжнар. наук.-практ. конф. Асоціації українських германістів. 22-23 жовтня 2010 р. Львів, 2010. С. 18-20.

2011

Звукоподражательные глаголы (на материале средневерхненемецкого и русского языков) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: V Междунар. науч. конф. 7-8 апреля 2011 г. Дніпропетровськ, 2011. С. 29-32.

Футбольная лексика (на материале немецкого разговорного языка) // Наук. конф. професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи 2009-2010 рр. Донецьк, 2011. Т. 2. С. 69.

Футбольная разговорная лексика (на материале глаголов немецкого разговорного языка) // Компаративистика і типологія в сучасній лінгвістичній науці: здобутки і проблеми: X Міжнар. лінгвістичний семінар. Донецьк – Мелекине, 2011. С. 13-15.

2012

Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения: междунар. науч.-практ. конф. 29-30 ноября 2012 г. Оренбург, 2012. С. 35-38.

Typologie der Verben mit Reflexivverben in den indoeuropäischen Sprachen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Donezk, 2012. S. 15-18.

2013

Номинация транспортных средств в немецком, английском и украинском разговорном языках // Филологические чтения: Междунар. науч.-практ. конф. 27-29 ноября 2013 г. Оренбург, 2013. С. 22-25.

Об одной универсалии в сфере глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках // Лексико-семантические инновации в современных славянских языках: VI Междунар. науч. конф. 22-23 апреля 2013 г. Днепропетровск, 2013. С. 7-8.

Einige Universalien im Bereich der deverbalen Verben mit Reflexivkomplex // Diachronie. Linguistische Typologie. Kontrastive Linguistik: Empirische Untersuchungen zu germanischen, romanischen und slawischen Sprachen. Donezk, 2013. S. 13-16.

2014

Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках // Сучасні дослідження мови та літератури: Українсько-російська школа-конф. молодих учених. 26-29 березня 2014 р. Донецьк, 2014. С. 20-22.

2015

Индоевропейские рефлексивные глаголы и их соответствия в неиндоевропейских языках // Международная научная конференция «Семантика и прагматика языковых единиц». 11-12 мая 2015 г. Минск: Минский государственный лингвистический университет.

2016

Глаголы соприкосновения в германских и славянских языках // Современные технологии обучения иностранным языкам. Междунар. науч.-пр. конференция. 20 янв. 2016 г. Ульяновск: УЛГТУ, 2016. С. 253-258 (соавтор В. В. Писаревой).

2017

Структура и семантика глаголов удаления в русском и немецком языках // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Сборник статей XV-го Международного лингвистического семинара. Донецк, 2017. С. 16-21. (соавтор А. Э. Исаева)

Типы метонимий: сопоставительный аспект // Профессиональное сообщество

преподавателей иностранного языка XXI века. Материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием. Шадринский государственный педагогический университет, кафедра английского языка и методики его преподавания, научная лаборатория «Технологии и методики обучения английскому языку»; Ответственный редактор А. В. Дубаков. 2017. С. 219-224.

Метафорические и метонимические наименования умного и глупого человека в немецком разговорном языке // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. Николаева. 2017. С. 28-29.

Атрибутивные отсубстантивные глаголы с рефлексивным комплексом (на материале русской субстандартной лексики) // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Донецк, 2017. С. 104-107. (соавтор Е. А. Марченко).

Смысловая близость семантических типов и субтипов стк в немецком, английском, русском и украинском языках // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Донецк, 2017. С. 12-14. (соавтор Л. В. Беспамятная).

Типы лексических заимствований в мезолекте карибского варианта английского языка // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Донецк, 2017. С. 158-159. (соавтор А. В. Дроздов).

Тематическая классификация наименований человека в искусстве (на материале английского и немецкого языков) // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Донецк, 2017. С. 42-44. (соавтор А.Г. Косицкая).

Вторичные наименования мужа и жены в английской, немецкой и русской разговорной лексике // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Донецк, 2017. С. 66-68. (соавтор Е. И. Петрищева).

Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Донецк, 2017. С. 68-70. (соавтор В. В. Писарева).

2018

Контаминация в разноструктурных языках // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. 14-17 октября 2018 г. Казань.

Глаголы с рефлексивным комплексом и их отношение к категории вида и способу действия // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Международ. науч. семинара «In memorem: профессор Н. А. Луценко». 13 декабря 2017 г. Донецк: ДонНУ, 2018. Вып. 3. С. 32-42.

2019

- Субстандартные глаголы с рефлексивным комплексом в русском языке* // III Международная научная конференция «Язык в различных сферах коммуникации». 20-21 сентября 2019 г. Чита. (соавтор Е. А. Марченко).
- Использование оригинальных художественных текстов при изучении немецкого языка в высшей школе (на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер»)* // VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарного образования». 17-18 октября 2019 г., Минск.
- Об одном виде фразеологической метафоры* // IV Международная научная конференция «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». 31 октября 2019 г. Донецк.
- Функциональные особенности глаголов понимания в немецком, английском и русском языках* // IV Международная научная конференция «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». 31 октября 2019 г. Донецк. (соавтор Е. П. Алексеева).
- Фразеологические единицы со значением «предельность» в английском, испанском и русском языках* // II Международная научно-практическая онлайн-конференция «Мир. Человек. Язык». 16-17 мая 2019 г. Владимир – Донецк – Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону. (соавтор Е. С. Кочиер).
- Вторичная номинация в сфере терминологии немецкого языка* // Научно-практическая конференция «Языки и культуры». 23-24 мая 2019 г., Кострома.

2020

- Неолоксика периода пандемии коронавируса* // V Международная научная конференция «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». 17-18 октября 2020 г. Донецк.
- Лексика периода пандемии коронавируса в сопоставительном аспекте* // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 55-летию факультета иностранных языков ЕИ КФУ. 23 октября 2020 г. Елабуга.
- Метафоры и метонимии в разноструктурных языках* // I Казанский международный лингвистический форум «Иностранные языки в современном мире». 10-13 марта 2020 г. Казань.

2021

- Тактильные глаголы в английском, немецком и русском языках: семантика и структура* // V международная научно-практическая конференция «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики». 22 октября 2021 г. Елабуга.
- Словообразовательные особенности неологизмов периода пандемии коронавируса* // Современные технологии обучения иностранным языкам. Международная научно-практическая конференция. 18 февраля 2021 г., Ульяновск.
- Структура и семантика фразеологических единиц семантической области «понимание» в сопоставительном аспекте* // Международная молодёжная конференция с участием ведущих учёных-славистов «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности». 25-26 марта 2021 г. Магнитогорск.
- Вторичная номинация в терминсистемах немецкого языка* // VI Международная научная конференция «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». 26-28 октября 2021 г. Донецк.
- Фразеологическая метафора в сопоставительном аспекте* // VI Международная очно-заочная научно-практическая конференция «Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии». 3 декабря 2021 г. Горловка, Санкт-Петербург.

2022

Структурные типы контаминантов в русском языке (на материале коронавирусной лексики) // V международная научно-практическая конференция (филология, педагогика и межкультурная коммуникация) «Новый мир. Новый язык. Новое мышление». 4 февраля 2022 г. Москва.

Эволюция немецких стандартных рефлексивных глаголов // VI Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики». 21 октября 2022 г. Елабуга.

Стилистически маркированные этнонимы в сопоставительном аспекте // VII Международная научная конференция, посвящённая 85-летию Донецкого национального университета «Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». 27-28 октября 2022 г. Донецк.

2023

Стилистически маркированные наименования начальника в немецком языке // Современные технологии обучения иностранным языкам: Международная научно-практическая конференция. 20-21 января 2023 г. Ульяновск.

Стилистически маркированные наименования офисного сотрудника в немецком языке // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. VI международная научно-практическая конференция. 3 февраля 2023 г. Москва.

2024

Эмотивно-оценочные слова в пандемийной лексике русского языка: структурный анализ // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). Москва, 2024. С. 436-444.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

(выборочно)

Учебные задания к самостоятельной работе по роману М. Джиордано «Das Experiment Black Vox». Донецк : ДонНУ, 2007. 32 с.

Конспект лекций по курсу «Теоретическая фонетика немецкого языка». Донецк : ДонНУ, 2008. 37 с.

Тесты по курсу «Теоретическая фонетика немецкого языка». Донецк : ДонНУ, 2008. 18 с.

Система голосных і приголосних німецької мови : зіставний аспект. Донецьк : ДонНУ, 2010. 71 с.

Лексикология : теоретические и практические задания к семинарским занятиям : учеб. пособ. Донецк : ГОУ ВПО «ДонНУ», 2017. 74 с.

Литература на занятиях немецкого языка в университетах и институтах : учеб. пособ. 3-е изд. Донецк : ДонНУ, 2019. 403 с.

Основные вопросы фонетики и фонологии немецкого языка : учеб. пособ. Донецк : ДонНУ, 2020. 91 с. (на нем. языке)

Основы научных исследований [Электронный ресурс]: учеб. пособ. для студентов специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение. Донецк: ДонНУ, 2020.

Основные проблемы лексикологии немецкого языка: теория и практика : учеб. пособ. Донецк : ДонНУ, 2020. 174 с. (на нем яз).

Основы теории немецкого языка [Электронный ресурс] : учеб. пособ. / Ш. Р. Басыров, В. Д. Калиущенко, И. И. Пелашенко и др. 2-е изд. Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020.

Сост. Л. Н. Ягунова

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc или .docx.

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

- Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
- Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

- Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 20 Выпуск 2 (64) 2024

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 09.10.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 15,11.
Тираж 100 экз. Заказ № 24окт107.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.